

[Polaris]

АЛХИМИКИ

Р. БАУМБАХ

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CDIX

Salamandra P.V.V.

Рудольф
БАУМБАХ

АЛХИМИКИ

Salamandra P.V.V.

Баумбах Р.

Алхимики. Пер. с нем. Ю. Иваска. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2022. — 220 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CDIX).

Повесть немецкого поэта и писателя Рудольфа Баумбаха (1840 – 1905) «Алхимики» («Truggold») рассказывает о судьбе странствующего бакалавра Гедериха, которому на пути к счастью приходится преодолеть немало испытаний. Одновременно, это иронический портрет маленького германского княжества середины XVII столетия, где охваченные золотой лихорадкой и алхимическими штудиями жители, от сиятельного князя до бюргера-аптекаря и самодельного поэта, становятся легкой добычей шарлатанов.

АЛХИМИКИ

Р. БАУМБАХ

АЛХИМИКИ

Глава I

ЧТО ПРОИЗОШЛО В ЛЕСУ

Летом 165* года некая девушка шепнула во время танцев своему кавалеру: «Сегодня очень жарко», на что тот, заикаясь и краснея, ответил: «Совершенно верно, добродетельная и уважаемая дама, вы правы, — сегодня весьма жарко». И среди окружающих не нашлось бы никого, кто стал бы противоречить этой парочке, потому что жара, действительно, стояла необычайная. К тому же, происходило это не в разгар лета, когда альманашниками разрешено солнцу палить и жечь, а, как сообщает хроника, в конце мая.

Горячими лучами были почти сожжены хлеба и покосы; травы и злаки жаждали влаги; но ни одна тучка не проливалась, чтобы напоить изнемогающие от засухи поля.

Было душно и страдно. Если бы волшебница Холле добросовестно перетрясла зимой свою снеговую перину, хлеба к весне могли бы достаточно насытиться влагой талого снега и долее обойтись без спасительного дождя. Зима же была почти бесснежной, а недаром сказано в крестьянской поговорке:

Коли без снега, безо льда
Зима была, — тогда беда!
Весна сухая урожай
Загубит весь, и хлеб — прощай!

Итак, стоял именно такой душный майский день. Гнетущая жара царила на полях, среди которых, как белая змея, извивалась пыльная дорога. Раскаленное солнце пылало в безоблачном небе, и даже близкие, поросшие лесом горы не навевали прохлады. Лес бережливо таил в себе свежесть.

Нивы пребывали в уединении.

Деловитая полевая мышь лениво лежала в подземном жилище и боялась справиться об участи своей пшеницы.

В глубоких подвалах обитал крот, но и его донимала жара. Съедаемые в больших количествах дождевые черви и прочие прохладительные яства помогали мало. Крот очень страдал и проклинал свою шубку, которой обычно весьма гордился.

Только один старый скряга-хомяк радовался такой вредной для плодов погоде. Он сидел начеку в просторном амбаре, сторожа, как дракон, свои сокровища и отсчитывая на когтях прибыль, могущую остаться от продажи прошлогоднего зерна во время ожидаемого неурожая.

Из знатных обитателей нивы вокруг не было видно никого, зато много слонялось всякого сброда. Разбойник-скарабей подстерегал и душил на большой дороге ни в чем не повинных божьих коровок и беспечных червячков. Муравьиный пролетариат созидал и рылся, а саранча в зеленой душегрейке со всей родней кузнечиков и сверчков щелкала, пиликала и играла. У них что ни день — то праздник!

Все птицы улетели в горный буковый лес. Там было прохладней. Из порфирной скалы бил ключом и пенился резвый родник, бежал извилистым ручейком, ища путь к долине и нередко задерживаясь у камней.

Над сочными прибрежными цветами и травами носились голубые стрекозы, пестрые мотыльки. В пахучих зарослях бузины роились, жужжа, золотисто-зеленоватые жуки, а с вершины высокого бука разливалась песнь благородного зяблика. Ему не пришлось долго петь одному. Утолив жажду у ручья, остальные птицы подхватили мелодию, и вскоре многоголосый хор могуче воспевал вечную красоту леса. Вряд ли ангельские напевы могли бы так дивно звучать в небесных покоях, так чудесно и звонко рассыпаться серебристыми колокольчиками.

Внезапно смолкли певцы и попрятались в тень. В чем дело? Дикая кошка или куница показалась невдалеке? Подкралась голодная лиса или коршун стал плавно кружить над лесом? Нет! Просто в лес вошел путник — молодой, стройный парень. Он тяжело опирался на палку. Украшенная перьями шляпа была густо покрыта пылью, придавлена и помята. На кожаной перевязи висела рапира. По ее эфесу

прыгали веселые солнечные зайчики, проникавшие там и сям сквозь листву. На спине путника покоился ранец, по-видимому, не слишком обремененный вещами.

Юноша снял шляпу и откинул черные локоны с разгоряченного лица. Свежий лесной ветерок играл волосами и приятно охлаждал пылающие виски.

— Здесь я отдохну и пообедаю, — сказал юноша, — источник — хозяин, а я — его гость.

С этими словами он скинул портупею, отбросил шпагу и ранец в мох, вытащил из мешка кусок хлеба и бутылку в соломенной плетенке. Затем, став у источника на колени, он наполнил флягу водой и глубокими глотками принялся пить холодную горную влагу.

— Клянусь честью! Гиппократ и Гален были правы в своей оценке воды. Я и не думал, что она так чудесна, когда очень хочется пить! Конечно, неплохо было бы побаловаться и глотком вина, если б таковое имелось.

Сказав это, он отпил снова из фляги и растянулся на берегу ручья. Хлеб был черен и сильно подсушен солнцем. Парень, недолго думая, хватил его несколько раз храбро зубами, и скоро от куска ничего не осталось. Когда скудный обед был уничтожен, путешественник глубоко вздохнул, затем улыбнулся и стал вглядываться в пенящуюся воду, как будто желая сосчитать камни на дне. Вскоре он замурлыкал вполголоса песню странников. В ней пелось о том, как воду, птицу и солнце спрашивали, — куда держать путь, и как все они отвечали одно, направляя к единой цели:

Куда идти вам, усталым людям,
Какой тропой?
Через страданья забрезжит счастья
Луч золотой,
Через мученья проглянет ясный
Покоя лик...
Через долины, через вершины! —
Ведь мир велик!

Таковы были заключительные строфы песни. На щеку

юноши скатилась слеза. Изнеможенно опустил он голову на ранец, придвинул поближе рапиру и закрыл глаза.

Наверху тихо и нежно шелестели буки; источник пенился и что-то нашептывал, а на прибрежном мху лежал юный странник и грелся о счастье.

Птицы снова покинули свои убежища. Весело пролетела синица. За ней отважно проследовал зяблик. Воробей юлил, описывая зигзаги, почтенный же снегирь с достоинством приблизился осмотреть спящее человеческое существо. Однако скоро они должны были снова улететь. Издали донеслось щелканье бича, скрип колес, и возникший шум рассеял толпу пернатых. Повозка приближалась. Это был крепкий фургон с белым полотняным верхом, запряженный двумя низкорослыми лошадьми. Их сбруя была затейливо украшена красными лоскутьями, барсучьим мехом и медными бляшками.

Около фургона шагал возница необычайно странного вида. Его ноги были обуты в венгерские сапоги, сохранившие следы бывшего великолепия. Верхнюю часть тела прикрывала грязная синяя блуза, а на голове красовалась остроконечная шапка, так лихо заломленная на затылок, что обнажала весь лоб и прядь растрепанных волос. Лицо возницы прорезали многочисленные морщины и складки, хотя вряд ли ему было и тридцать лет. Фургон приблизился к тому месту, где лежал на мху юный путник. Но ни скрип колес, ни звяканье медных колец на лошадиной сбруе не нарушили его покоя. Увидев спящего, человек в синей блузе задержал лошадей и, сунув голову под полотнище, сказал, обращаясь внутрь, пару слов. Оттуда сейчас же показалась треугольная шляпа и под ней желтое лицо с большим кривым носом. Затем высунулась вся статная фигура сидевшего внутри господина средних лет. Прыгнув на землю, он взглянул на место, указываемое погонщиком, как кошка подкрался ближе и внимательно осмотрел спящего юношу.

— Узнаешь его? — спросил господин.

Последовал утвердительный кивок.

— Щелкни-ка разочек бичом!

Возница исполнил приказание, и спящий проснулся.

Первым движением его было схватиться за рукоять шпаги, но, увидев фургон и двух человек, он опустил руку и ответил на их приветствие.

— Не бойтесь, — сказал господин в треуголке, — то, что мы вас разбудили, не так уж плохо. Вам бы лучше продолжать свой путь, чем валяться у дороги! Кругом шляется еще много сброда, продолжающего войну по собственному почину. Если хотите, присоединяйтесь к нам, а коли устали, залезайте внутрь! Места в фургоне хватит для нас обоих. К тому ж, как вы видите сами, мы не разбойники.

Собеседник засмеялся:

— Что касается разбойников и воров, то мне даже среди них одинаково безопасно. Кому нечего терять, тому нечего

и бояться! А что в обществе путешествовать приятней, — это, конечно, правда, и если вы предлагаете всерьез, то я буду рад проехать с вами часть пути, потому что устал, как собака.

Оба влезли в фургон. Ворчливый возница щелкнул бичом, и лошади тронулись. Внутри под белым пологом было довольно уютно. Пара узлов и ящиков занимали не много места, а на соломе заботливой рукой была расстелена мягкая попона. Из глубины важно выступил белоснежный шпиц с умными черными глазами и стал обнюхивать платье чужака. Схватив пса за шиворот, хозяин поднял его на крышу фургона, где он и остался стоять, растопырив лапы и оглядывая окрестность. Затем человек в треуголке вытащил из угла бутылку и протянул ее гостю: «Этакой лозы в здешних местах не сыщешь! Ни у кого нет!» Юноша, отхлебнув вина, кивнул утвердительно головой.

— Так-с... — продолжал хозяин, — теперь устраивайтесь-ка поудобней и давайте поболтаем! Смотришь, и время скорее пройдет! Во-первых, скажите, кто вы и куда направляетесь?

Молодому путнику были, по-видимому, неприятны такие расспросы, но, будучи обязан ответом, он нерешительно сказал:

— По моему платью видно, что я студент. К тому же — вы поверите мне, если я прибавлю это — странствующий. А коли хотите еще больше знать, то сообщу вам, что имею честь быть бакалавром медицины и теперь еду из Цехпггадтского университета к себе на родину.

— Эге! — воскликнул его собеседник. — Вот это счастливая встреча! Знайте же, господин бакалавр, что и я ученый медик. Меня зовут доктор Рапонтико, и родом я из Падуи. Парень с кнутом — мой помощник Бальтазар Клипперлинг из Вены. Затем мои лошадки — Пирам и Фисба, а там наверху сидит мой шпиц Залеп. Ну вот, теперь вы знаете всех моих домочадцев! Сам же я в Падуе и Болонье основательно изучил медицину. Кроме того, тщательно штудировав старинные рукописи и беспрерывно занимаясь медитацией и опытами, я постиг многие тайны, о которых здесь и не по-

дозревают. Теперь я объезжаю Германию для распространения моего секретного лекарства — арканума. Не один владетельный князь принимал меня при дворе с пышными почестями. Многие заклинали меня стать их лейб-медиком, но я всегда уклонялся от их предложений, так как, осев, не мог бы ездить по всей стране, оказывая помощь. Нет, это не годится, ибо все человечество должно пользоваться медикаментами доктора Рапонтико.

Студент косо поглядывал на говорившего. Он знал отлично, что представляет собой подобный разъезжающий врач и, будучи бакалавром медицины, чувствовал себя далеко стоящим от шайки шарлатанов — составителей мазей и мелочных торговцев зельями. Но ему не хотелось горделивой речью обижать человека, оказавшего гостеприимство, и студент, позволив титуловать себя коллегой, не без удовольствия стал прислушиваться к хвастовству доктора.

— Да, — продолжал тот, — меня почитали всюду, и где бы я ни был, — везде и молодые и старые ценили мои целебные напитки и лекарственные каши. Но есть у меня, конечно, также враги и противники. К ним принадлежат мои оседлые коллеги, устраивающие на моем пути всяческие препятствия. Ничего нет удивительного, что эти бедные шельмы зеленеют и желтеют от зависти, потому что перед моими эликсирами, пилюлями от живота и мазью от зоба никакие их средства устоять не могут! В Цехштадте, — где и я жил последнее время, — господа профессора постановили запретить с помощью властей применение моего искусства, но от этого моя тайная практика не уменьшилась, лекарства распространялись вовсю. Даже супруга доктора Гензиуса, моего наиболее яростного противника, была у меня в гостинице и спрашивала совета насчет своего зоба. Разве это не триумф моего искусства? Там же, в Цехштадте, узнал я одну странную историю. Вы, однако, сами тоже ведь идете из университета и, вероятно, слышали о дьявольских заклинаниях, всполошивших всех тамошних кумушек?

С большим вниманием рассматривая свои ногти, бакалавр ответил, что он уже давно вышел из города, в пути

останавливался у родственников и друзей, говорил не раз с пасторами, но ничего подобного не слышал.

— Тогда я расскажу вам об этом, — уютно заложив ногу за ногу, сказал Рапонтико. — Была, видите ли, троица студентов, которые, как это у них обыкновенно водится, были охотники до всяких глупых и забавных проделок. Однажды пришло им в голову вызвать сатану... Не знаю, как они это устроили, но в общем, — сохрани, Господи! — он явился. Самому бестолковому из них сатана свернул шею; другие были найдены полумертвыми на месте, где произносили заклятия. Один из них через несколько часов умер, откровенно дав перед смертью ценные показания относительно всего происшествия. Другой несколько дней тяжело болел; только поправился, как вдруг был схвачен за чуб членами консистории и представлен к следствию. Так как студент ни в чем не хотел признаваться, суд решил испытать его поостроже, применив мучительный допрос. Из столицы приехал с подручными палач, и все было приготовлено для пытки.

Но, когда судьи отправились привести узника, клетка оказалась пустой. Можете себе представить, в какую ярость пришли господа судейские и все духовенство, выпустив изпод носа такое жаркое! Давно им некого было прогуливать в испанских сапогах, а потом сжигать во славу Всевышнего! Поэтому тотчас же послали во все стороны за беглецом верховых, и я думаю, они приведут его назад, так как далеко уйти он не мог.

Студент все еще не кончил рассматривать свои ноги.

— Да, — сказал он, — удивительная история! Только невероятно, чтобы они притащили его обратно! Страна невелика и, наверное, он уже за границей.

— Это ему мало поможет, — возразил доктор, подняв брови, — это ему мало поможет! Вы, конечно, знаете, что здесь все окружные князья породнились и покумились. Они охотно сделают друг другу одолжение и выдадут беглеца в случае поимки. Только час тому назад мы встретили стражника, заставившего нас остановиться.

Он осмотрел фургон и стал расспрашивать нас, не вида-

ли ли мы бурша, который выглядит так-то и так-то. Стражник сообщил еще, что тому, кто приведет сбежавшего закладника, обещают в награду 20 талеров, а это большие деньги, особенно в такие тяжелые времена.

Бакалавр побледнел.

— Мне жалко молодца, если они его найдут, — продолжал доктор, — это красивый парень.

— Вы его знаете? — быстро спросил юноша и поднялся со своего ложа.

— Как свои пять пальцев, — подтвердил медик, разлегшись поудобнее, — как пять пальцев знаю! Этого птенца я видел в больнице, когда он лежал без сознания, и запомнил его черты весьма хорошо!

Играя рукояткой шпаги, студент скользнул взглядом по лицу говорящего. Доктор пребывал в прежнем положении и продолжал:

— Как я уже сказал, он стройный, сильный малец, приблизительно вашего роста. У него такие же кудри и большие голубые глаза. На левой щеке у него небольшой шрам — совсем, как у вас, а если хотите знать его имя, то я тоже могу его сообщить. Студента зовут Фриц Гедерих, и он бакалавр медицины, как и вы...

— Послушайте, господин Рапонтико, — сказал юноша, — я хочу вам кое-что доверить. Фриц Гедерих — это я!

— Что вы говорите! — изумился доктор и постарался изобразить на физиономии крайнее удивление.

— Дайте мне высказаться! Если вы заманили меня в свой фургон с намерением *предать*, то вы поступили, простите за выражение, как осел, потому что, прежде чем лечь под нож, я как лягушку крепко пришила вас своей рапирой к полу! Вам следовало бы об этом подумать, дорогой доктор!

В руке бакалавра блеснула сталь, и острие длинного клинка угрожающе направилось на круглое брюшко врача. Спокойствие не покидало последнего.

— Хороший же вы компаньон! — ответил он. — Так-то вы цените гостеприимство! Хотите заколоть безоружного человека и сверх того своего хозяина. Действительно, — геройское дело! Стыдитесь, господин бакалавр!

Фриц Гедерих опустил клинок.

— Тогда скажите хоть, чего вы от меня хотите, чтоб я знал, почему еду с вами.

— Выпейте сперва для успокоения, — примирительным тоном предложил медик и протянул бутылку с вином. — Я желаю вам только хорошего. Итак, выпейте еще и усаживайтесь снова.

Гедерих послушался, но шпагу оставил в руке.

— Я не скрою, что узнал вас с первого взгляда, когда нашел вас спящим у ручья. Но я взял вас с собой из христианской любви к ближнему и вовсе не собирался выдать вас полиции.

Лицо доктора приняло серьезный и участливый вид.

— Да, исключительно из любви к ближнему, — продолжал он, — потому что мне было бы искренне жаль видеть такого человека, как вы, в лапах уголовного суда. Правда, нехорошо, что я забавлялся, глядя на вас и мучая вас своим рассказом. Но все же это кончилось для вас гораздо благополучнее, чем если бы вы попали в руки заплочных дел мастера и его товарищей. Итак, я прошу у вас прощения и надеюсь, вы не упрекнете меня больше.

С этими словами он протянул бакалавру руку, которую тот, несколько помедлив, пожал.

— Хорошо, — продолжал доктор, — кончено! А теперь, драгоценный коллега, скажите, как могли вы быть так неосторожны: бродить по свету в студенческом платье и среди бела дня засыпать у большой дороги? Только чудом вас миновали объездчики.

— Я думал, что буду в безопасности по ту сторону границы, — ответил Фриц Гедерих.

— Теперь вы достаточно убедились в том, — возразил доктор, — что вы ни в коем случае не в безопасности; для того, чтобы спасти вас, я и взял вас в свой фургон. Теперь вам надо переменить платье, и я охотно помогу вам в этом. Сперва спрячьте поскорее ваш вертел и шляпу с пером под солому!

Фриц Гедерих недоверчиво посмотрел на доктора.

— Ого! дружище, вы мне не доверяете?! — вскричал тот

полушутя-полусердито. — Подождите, я вам дам залог.

И он вытащил из-под камзола длинный пистолет.

— Вот, возьмите это! И как только ваше подозрение окажется основательным, застрелите меня. Сперва удостоверьтесь, что пистолет заряжен!

Фриц Гедерих покраснел и протянул доктору руку.

— Я верю вам, — сказал он и спрятал шляпу и шпагу под соломой.

Доктор дал ему куртку из грубого синего сукна и треугольную шляпу и сказал:

— Теперь вам следует изменить немного лицо.

Он приказал своему помощнику остановить лошадей, взял ящичек и вышел из фургона вместе со своим гостем. В лесу, несколько в стороне от дороги, Фриц Гедерих принужден был сесть на камень, и доктор Рапонтико начал с ловкостью цирюльника укорачивать ему волосы.

— Бородку мы тоже снимем, без нее вы будете еще моложе и приятнее, — сказал доктор и проворно удалил гордость бакалавра. — А теперь позвольте, я сделаю вас немного смуглее.

Он вынул из коробочки мазь и зачернил лицо молодого человека.

— Так, теперь полюбуйте, — он вынул маленькое зеркальце. — Даже родная мать не узнала бы вас!

— Она уже давно умерла, — пробормотал студент.

— Умерла! Гм... это нехорошо. А отец?

— Тоже умер; все умерли, — ответил Фриц и поник головой.

Доктор оглянул молодого человека, и его небольшие глаза заискрились от радости.

— Куда же вы теперь направитесь? — спросил он испытующе.

— Разве я знаю? — ответил тот. — «От восхода и до захода. — Ведь мир велик!..»

— Гм... гм... — пробурчал доктор, — вот так история! Ну, а каково состояние вашего кошелька?

Фриц Гедерих печально улыбнулся и вытащил из кармана кожаный кошелек, сморщенный, как старая перчат-

ка. Он бросил его в траву.

Доктор удовлетворился этим ответом и попросил бакалавра опять вернуться к фургону. Так как дорога здесь очень круто поднималась в гору, то они не сели в фургон, а пошли за повозкой. Некоторое время оба молчали; каждый был поглощен своими собственными мыслями.

Солнце скрывалось за синей горной цепью, и в лесу становилось все тише и тише.

Доктор Рапонтико откашлялся:

— Итак, ваше путешествие не имеет определенной цели, господин бакалавр?

— Нет.

— Слушайте, — продолжал доктор, — я еду теперь на ярмарку в Юденфурт и, если вы захотите сопровождать меня, кто знает, — может быть, вы найдете там свое счастье?

Бакалавр промолчал.

— Поезжайте со мной, помогите мне распространять мое искусство, и я дам вам за это кров и пропитание; другими словами, будьте моим помощником.

Фриц Гедерих остановился и молча посмотрел на говорившего: шутит он или говорит серьезно? Он, бакалавр медицины, должен стать помощником странствующего лекаря-торгаша!

— Ну, что вы скажете на мое предложение? — спросил доктор.

— Я вам очень благодарен за внимание, но из этого ничего не выйдет.

— Ого, вы слишком скоры, обдумайте еще раз это дело! Видите ли, я из тех людей, которые знают, где раки зимуют, и кто имел со мной дело, никогда еще в этом не раскаивался. Вы сделаете карьеру. Вы, — говорю без лести — красивый и стройный юноша, верная приманка для женщин и девушек! Если вы будете моим помощником, то увидите, как все носительницы чепцов и длинных юбок устремятся к вам за советами: против зубной боли, колотья в боку, сердцебиения и всяких других страданий и недугов.

Он прищурил глаз и хитро подмигнул бакалавру.

— Постарайтесь все это правильно себе представить! Я

же, со своей стороны, не останусь в долгу и охотно отдам вам часть своей прибыли, возможно десятую или даже восьмую. Ну, так как же вы думаете?

— Мастер! — сказал Фриц Гедерих. — Я не могу! Я не перенесу подобного положения: стоять у вашей лавочки и заманивать людей шутками да прибаутками, как это свойственно вашему ремеслу!.. Нет, на это я не способен.

— Эге, кто же об этом говорит? Или вы думаете, что будете моим шутом? Хо-хо-хо! Это немыслимо! Тогда не будет дела вот этому парню, — он указал на погонщика лошадей, — потому что это и есть мой шут — Бальтазар Клипперлинг из Вены. Он — гений, он умеет все: ходить колесом, жрать смолу, выдыхать огонь и вытаскивать изо рта сто локтей лент; он умеет подражать голосам всех животных, заставляет танцевать карты и устраивает исчезновение денег; он может глотать ножи и вилки и чесать себя ногой за ухом. Бальтазар Клипперлинг из Вены — первый гаер в Священной Римской Империи; но его искусство — для толпы; сам я таковым не владею и от вас не могу его требовать.

— Итак, — прервал его Фриц Гедерих, — какие же услуги смогу я вам оказывать?

— Во-первых, — ответил доктор Рапонтико, — помогите мне при изготовлении моих порошков и напитков! Так как вы знакомы с *Materia medica*, то для вас это будет детской забавой и, если вы случайно раскроете мою тайну, я не буду на вас за это в претензии. Во-вторых, гм... гм... да, во-вторых... послушайте, дружище, я буду, наконец, говорить с вами откровенно. Я вам уже сообщил, что я учился и окончил курс в Падуе и Болонье, но это было уже давно; многое забылось из того, что я прежде знал наизусть, например, латинские и греческие слова, без которых доктору не обойтись. У вас все это свежо в памяти, и вы, без сомнения, сведущи в этом деле.

Бакалавр потер себе подбородок и кивнул головой.

— Итак, — продолжал доктор, — это будет на вашей обязанности, — высказывать со своей латынью, когда моя начнет иссякать. А в-третьих, — это я вам уже говорил, в-тре-

тых, вы будете помогать мне обслуживать покупателей, причем я имею в виду, главным образом, женский пол. За все это вы получите хорошие харчи — у меня не скудный стол, господин бакалавр! — вместе с частью прибыли. Если вы при этом захотите открыть торговлю бритвами и календарями, я ничего не буду иметь против. Ну же, решайтесь!

Фриц Гедерих спрятал свою правую руку под куртку. Но он решил не отклонять окончательно предложение своего радушного хозяина. «Следует обсудить это дело, — думал он, — утро вечера мудренее, завтра еще целый день впереди».

Но доктор Рапонтико продолжал свои уговоры и обрисовывал странствующую жизнь так весело и пестро, что сомнения бакалавра постепенно исчезали.

Солнце уже давно зашло, и лошади, истомленные дневным зноем, тащили фургон с большим трудом.

— Скоро ли мы доберемся до гостиницы? — спросил Фриц Гедерих.

— Скоро, — ответил доктор, — и это значит, что вы будете спать в фургоне, если вам будет холодно под деревом, потому что мы не доедем сегодня ни до какого жилья и должны будем переночевать в лесу.

Он повернулся к Бальтазару Клипперлингу и заговорил с ним на чужом, странно звучащем языке. Они углублялись все дальше в темный лес. Буки исчезли и вместо них появились ели, которые становились все выше по мере того, как путники продвигались вперед.

Сквозь чащу деревьев показался красный мерцающий огонек. Шпиц громко залаял, лошади заржали и остановились. Фриц Гедерих, несколько отставший вместе с доктором, увидел, как по обеим сторонам дороги вынырнули какие-то темные фигуры, которые задержали возницу. «Не бойтесь! — сказал доктор с достоинством. — Вы находитесь под моей защитой», — и повлек бакалавра вперед. Там он обменялся с незнакомцами несколькими словами и, к удивлению юноши, те крепко пожали доктору руку и снова исчезли в лесу.

Фриц Гедерих потребовал свой пистолет, который он ранее великодушно предоставил доктору. Тот поспешил дать своему спутнику необходимые разъяснения.

— Не подозревайте ничего дурного, — сказал он, — расположившиеся лагерем в лесу — музыканты и фокусники. Это все странствующий народ, который, как и я, едет в Юденфурт на ярмарку. Место их привала — лесная прогалина, называемая «пожарищем». На ней останавливаются ежегодно, потому что она находится как раз посреди леса: деревень и постоянных дворов поблизости нет. Вы встретите здесь веселое общество. Посмотрите только, как рвутся туда мои лошади, — точно грешные души во врата рая! Они знают это место так же хорошо, как и я, и уверены, что здесь можно будет хорошо отдохнуть.

Они подошли к лагерю. Там было шумно и пестро. Над огнем жарился огромный олений зад на вертеле, который поворачивал горбатый карапузик, одетый в пестрые лохмотья. Вокруг стояли телеги, снабженные полотняным верхом; перед ними лежали большие собаки; лошади паслись в лесу. Женщины, дети и мужчины, частью вооруженные, лежали группами на мху. Одни спали, другие пили, болтали и смеялись; некоторые возились у телег и над упряжью или пробовали свои инструменты. Из темных углов лагеря слышались тихие звуки струн, то верные, то фальшивые, а из повозок доносился иногда тонкий детский плач.

Доктор Рапонтико и его гаер пользовались, по-видимому, уважением этих людей, потому что, как только они приблизились со своим фургоном, к ним устремились со всех сторон, и рукопожатиям, приветствиям и расспросам не предвиделось конца. Фриц Гедерих, как ему показалось, был окинут недоброжелательными взглядами, но когда доктор представил его, как своего помощника, его приняли тоже очень приветливо. Гаер выпряг лошадей, связал им передние ноги и пустил пастись. Связка соломы и несколько одеял из фургона доктора были расстелены на земле, и путешественники устроились, как дома. Бальтазар Клипперлинг из Вены присоединился к толпе, но доктор Рапонтико остался со своим новым спутником. Он важно сидел на соломе,

опершись на палку, и снисходительно беседовал с подходящими к нему людьми, которые нуждались в его врачебных советах. Ему принесли больного ребенка, и бородатый человек, приковылявший на костылях, просил освидетельствовать его ногу. Это был канатный плясун, пострадавший при неудачном падении. Доктор с готовностью удовлетворял все просьбы, и Фриц Гедерих с удивлением заметил, что Рапонтико применял именно те средства, которые прописал бы больным и он сам. После этого он стал с большим уважением смотреть на странствующего доктора.

Между тем, жаркое было готово, и приступили к его разделу. Доктору достался лучший кусок, но не был обделен и Фриц Гедерих. Совместный ужин сопровождался достаточным количеством напитков, причем горбатый парень, который до того поворачивал жаркое, отправлял теперь должность шинкаря. Но вино было весьма неважное, и поэтому доктор Рапонтико велел принести из своего фургона хорошо закупоренный бочонок с не менее хорошим содержимым. При утверждении доктора, что бочонок — знак благодарности богатого пациента, Бальтазар Клипперлинг из Вены посмотрел искоса на бакалавра и состроил гримасу. Весь табор чувствовал себя отлично. Крепкое вино сделало свое дело, — все пели и ликовали, и неустанно отзывалось лесное эхо.

Смуглый парень со спутанными волосами выскочил со скрипкой на середину. Все притихли, и скрипка зазвучала тихо и нежно, словно жалоба покинутой девушки. Фриц Гедерих прислушался. Темп музыки ускорился, звуки становились все сильнее, и наконец полились из-под смычка так дико и мощно, что бакалавр был вне себя от волнения.

— Это была цыганская мелодия, — сказал доктор, когда скрипач неожиданно и отрывисто кончил, — а теперь будьте внимательны!

В круг выступили парень и девушка, прекрасно сложенные и фантастически одетые. Цыган снова взялся за скрипку, и с первыми звуками ее парень начал медленно приближаться к девушке, которая грациозно ускользала. Все пленительнее и веселее звучала дьявольская скрипка, с нею

вместе все настойчивее и быстрее становился танцор, пока, наконец, его руки не охватили талию девушки. И теперь двое кружились и мелькали под неистовый перебой звуков. Когда эти звуки внезапно оборвались, громкие крики одобрения наградили танцоров.

— Это венгерский танец, — объяснил доктор, — как нравится вам девчонка? Вы должны увидеть ее на канате!

Цыган снова заиграл танец. Бледная женщина со впалыми щеками вторила ему на цитре, тихо трогая струны. Теперь затанцевали все, кто только хотел, и каких проворных танцоров здесь можно было видеть! Скоморох Клипперлинг был тоже не из худших: расплесавшись, он вдруг пе-

рекувырнулся и прошелся на руках, хлопая в то же время ногами. Женщины и девушки в своих пестрых лохмотьях и блестях прыгали, как пробки из закупоренных бутылок, и соперничали друг с другом, принимая красивые вызывающие позы. В перерывах между танцами кубок неустанно совершал круговую, и Фриц Гедерих не отставал от пьющих. Он лежал со своим покровителем под старой, поросшей мхом елью и смотрел на озаренную костром вереницу диких пестрых фигур. Красивая девушка, та, что танцевала первой, подошла к нему и протянула руку. Она произнесла при этом несколько слов, но бакалавр не понял ее речи. Он безвольно последовал за нею и в следующий момент оказался среди танцующих. Огненное вино доктора встряхнуло его усталое тело и напоило диким весельем его юную душу. Девушка в его руках летала над землей, как перышко; он чувствовал ее дыхание, волнение ее груди, видел ее блестящие глаза, маленькие зубы, белый лоб под черными кудрями, и ничто на свете в эту минуту его больше не интересовало.

Когда музыканты остановились для отдыха, доктор спросил Фрица Гедериха:

— Ну, как нравится вам наша компания? Видели ли вы что-либо подобное в стенах ваших затхлых городов, где в десять часов вечера уже ударяет колокол, и ночной сторож стучит своей алебардой в те ставни, за которыми еще мерцает свет? Разве здесь не райская жизнь? Если вы успели подумать, мой друг, то доверьтесь мне и будьте моим помощником!

Доктор Рапонтико протянул бакалавру руку, но тот лишь краем уха слышал то, что ему говорилось. Он искал глазами девушку, которая убежала от него после танца; и когда он увидел ее у ели, отдыхающую и взволнованную, он, недолго думая, быстро пожал протянутую ему руку, одним прыжком приблизился к красавице, и они очутились снова в быстром клубке танцующих.

А доктор Рапонтико, улыбаясь, потирал себе руки.

Беспрерывно звучала музыка, без усталости носились танцоры, раздавались веселые восклицания и крики бродячих

актеров. От костра подымались густые облака дыма к ясному звездному небу, и испуганные птицы с жалобными криками улетали в глубь леса. Если бы в это время путнику случилось проходить через лес, он, наверное, подумал бы, что нечистая сила празднует здесь свой шабаш. Фриц Гедерих сидел под деревом со своей плясуньей, и та наполняла его кубок; когда же кубок опустошался, она наполняла его снова и снова и целовывала капли вина с губ Фрица. Он прислонил голову к стволу ели и привлек девушку к себе на грудь. Потом он закрыл глаза; музыка и голоса танцующих стали удаляться, перешли в неясное жужжанье и, наконец, совсем стихли.

Доктор Рапонтико подошел к спящему. Он подозвал девушку, погладил ее по щеке и заговорил с нею дружеским тоном. Потом он вытащил из кармана цепочку из богемских гранатов и дал ее девушке, которая с сияющим лицом отошла от него, чтобы опять смешаться с танцующими. Доктор еще несколько минут добродушно посматривал на спящего, затем позвал Бальтазара Клипперлинга, и они соединенными усилиями перенесли бакалавра в фургон.

— Он — наш! — сказал доктор Рапонтико.

Его товарищ кивнул головой и швырнул между ног свою шляпу так, что она сама наделась ему на голову. Это был фокус, которым Бальтазар Клипперлинг очень гордился.

Глава II

МАГИСТР КСИЛАНДЕР

В нагорном лесу, где мы оставили бродячих актеров, берет начало речонка, которая называется Аммер. Она течет вокруг старого городка, которому дает название: Аммерштадт. Затем она стремится дальше прелестными излучинами, чтобы оросить стены другого маленького городка — Финкенбурга.

Аммерштадт и Финкенбург, теперь незначительные местечки, во время происшествия, рассказанного в первой главе, были столицами княжеств и резиденциями двух князей, принадлежавших к одному и тому же роду.

Правитель Аммерштадта, князь Рохус, был еще несовершеннолетним и находился под опекой. В Финкенбурге правил старый князь. Его звали Мориц, писал же он свое имя — Маврициус, с прибавлением длинной римской цифры, которая должна была показать, что в своем роде он не первый с таким именем.

Его правление было благотворно, и, благодаря отеческим заботам князя, его страна во время большой войны пострадала меньше всех других государств Германии. Но счастье на земле не вечно. Князь Маврициус не имел наследника, а растил только одну дочь. Поэтому обитатели Финкенбурга с трепетом ждали того времени, когда княжество попадет под власть Аммерштадта и когда Финкенбург из столицы превратится в незначительный, лишенный блеска городок. Утешением для князя и его подданных была предполагавшаяся дипломатическая помолвка принцессы Доротеи фон Финкенбург с молодым князем Рохусом; и когда стало известно, что последний по смерти князя Маврициуса будет жить поочередно в обоих городах, то будущее представлялось взволнованным финкенбургцам в менее мрачном свете.

Чтобы молодому князю не наскучило ждать момента восшествия на престол и бракосочетания, которое должно

было состояться тогда же, его, богато снабженного деньгами и чеками, с маленькой свитой избранных дворян и испытанных слуг отправили в путешествие для знакомства с германским, французским и итальянским дворами.

Вскоре по отъезде князя вернулся в Аммерштадт молодой человек, который в течение трех лет усердно проходил в университете курс гуманитарных наук. Это был магистр Иероним Гольцман, сын покойного Кристофа Гольцмана, придворного пекаря в Аммерштадте. Магистр был небольшой худощавый человек с добродушным взглядом и нежными белыми руками. На среднем пальце правой руки у него зачастую появлялось чернильное пятнышко, — тогда он тер палец куском лимона до тех пор, пока пятно не исчезало.

Когда магистр услышал об установленном сроке бракосочетания князя Рохуса, он почувствовал зуд в чернильном пальце, спешно распаковал свое имущество и принялся писать с чрезвычайным усердием, так что чернильные брызги летели во все стороны. Он грыз перья, тер лоб, бегал взад и вперед по комнате и усаживался снова писать.

Так проводил он целый день, забывая о пище. Затем перечитывал написанное. Это были латинские гекзаметры, изящно обработанные и плавно текущие в чтении. Магистру было ясно, что он взялся за дело, которое потребует много месяцев труда. Он составлял торжественное стихотворение ко дню княжеской свадьбы, и, как ученый, он начал его с описания княжеского родоначальника, который обрел геройскую смерть в битве при Икониуме.

Но Иероним Гольдман не отступил перед трудностями предполагаемой работы. Ежедневно вставал он с петухами и сочинял с таким рвением, что крупные капли пота выступали на лбу; так проводил он, с короткими перерывами, весь день, пока сторож не приглашал горожан ко сну звуком рожка и набожными изречениями.

Наконец, он решил предпринять путешествие в Финкенбург, чтобы собрать сведения о княжеской невесте и о многом другом. Уложив свои пожитки в маленькую повозку, он отправился в Финкенбург, причем рукопись свою заботливо держал на коленях, как мать держит дитя. Приехав в Финкенбург, он нанял в аптеке Льва заднюю комнату, чтобы уличный шум не достигал его ушей, и отправился собирать нужные ему сведения. Его старания увенчались успехом. Старый священник, который наставлял принцессу в религии, а также проходил с нею *Historia mundi*, в особенности же историю ее рода, — дал сочинителю богатый материал. Когда князь Маврициус узнал о намерениях магистра и о его пребывании в городе, он проявил к нему высочайшее благоволение: пригласил его в замок, долго беседовал с ним и милостиво поделился множеством эпизодов из жизни своей дочери. Кроме того, он обещал магистру отпечатать его оду и распорядился выдать ему все довольствие герцогского канцеляриста. А довольствие это состояло из полустопы писчей бумаги, четырех связок перьев, шести пузырьков чернил, двух фунтов песка для высушивания и одного ножичка для очинки перьев.

Магистр весьма долго пребывал в Финкенбурге, так что чулок, наполненный талерами и оставленный ему покойной матерью на черный день, стал заметно легче. Нако-

нец, настал день, когда сочинитель смог написать слово *finis* под своими стихами; тогда ода — она оказалась массивной пачкой бумаги — была отпечатана на княжеский счет и снабжена переплетом из зеленого бархата.

Вскоре после этого пришло известие, что князь Рохус намерен возвратиться домой. Тогда, не медля ни минуты, магистр снова уложил свои вещи и, получив значительное вознаграждение от своего высочайшего покровителя, благополучно вернулся на родину.

Когда он увидел стены и башни родного города, сердце его сильно забилося. Дело было вечером. Весь город утопал в свете заката, и кровля княжеского замка сияла и переливалась, как золото дукатов. Магистр счел это за доброе предзнаменование. Вскоре, однако, небо потемнело, и город покрылся тем серым туманом, который каждый вечер появлялся над крышами, когда хозяйки готовили ужин.

Князь и сочинитель почти одновременно достигли Аммерштадта. Князь был торжественно встречен, и недалеко уже было время, когда он должен был взять правление в свои руки и жениться.

Тогда, словно летучая мышь на черных крыльях, пролетело по городу страшное известие. В трактирах горожане наклоняли головы друг к другу и шептались, женщины на рынке и у колодца рассказывали вещи, от которых волосы становились дыбом. Слухи говорили: князь Рохус женится в день своего совершеннолетия, но не на своей двоюродной сестре, а на иностранной принцессе, с которой он познакомился во время путешествия. И слухи не лгали.

Ужасное время настало для обоих городов, и страхи жителей увеличило появление на небе страшной кометы. Ее ядро стояло как раз над дворцом Аммерштадта, а хвост указывал на Финкенбург. Это предвещало войну между обоими соседними государствами, и более предусмотрительные жители уже искали на дворах и в садах подходящих мест, чтобы закопать свое серебро.

А магистр Гольцман был, понятно, совершенно разбит и уничтожен.

Однако до войны дело, к счастью, не дошло. Угрожавший конфликт неожиданно разрешился, хотя и очень печальным образом. Принцесса Доротея заболела оспой и умерла. Князь Рохус облачился в траур и отложил на год свою свадьбу с чужеземной принцессой. К горожанам вернулись понемногу мир и спокойствие. Но для магистра, надежды которого так горько его обманули, жизнь в Аммерштадте стала невыносимой. Он продал все свое имущество и отправился в Финкенбург, где переделал свою свадебную оду в некролог покойной принцессы и посвятил его старому князю Маврициусу. По желанию последнего магистру было предоставлено освободившееся место в городском лицее. Князь Маврициус дал также свое согласие на то, чтобы магистр переименовал свое имя. Он давно уже лелеял намерение перевести свою фамилию, по примеру других ученых, на греческий язык.

Теперь он привел в исполнение это свое намерение и стал именоваться не магистром Гольцманом, а магистром *Ксиландером*.

Все это произошло как раз в тот самый знойный год, когда бакалавр Фриц Гедерих попал в общество странствующего доктора.

Глава III

МАЛЕНЬКИЙ ВИСЕЛЬНИК

На главной улице города Финкенбурга выделялся среди других строений великолепный массивный дом, богато украшенный каменными фигурами. Под каждым окном была изображена голова барана, а на фронтоне красовалась группа чудовищ, хвосты которых переплетались между собой. Концы желобов на крыше были сделаны в виде медных дельфинов, которые в дождливую погоду изливали потоки воды на головы незащитных прохожих. Широкая лестница с железными перилами вела к сводчатой двери, в верхнюю часть которой были вставлены круглые, вделанные в свинец окна. Над дверью было написано большими буквами: «Аптека Золотого Льва». Прочитавший сие название мог с помощью собственной фантазии узнать в пуделеобразном звере, стоявшем в нише около входа, очертания царя пустыни; однако от позолоты ничего уже не оставалось.

На широком крыльце частенько прогуливался, особенно когда светило солнце, большой, полный достоинства ворон. Его звали Яков; он был очень стар и знаком целому городу. Яков исполнял нечто вроде должности сторожа при аптеке и относился особенно подозрительно к голым ногам финкенбургских мальчишек. Любимейшим занятием уличной молодежи было засовывать в пасть льва у дверей аптеки корку хлеба или кость, а также надевать ему на голову бумажную шляпу. Но прежде, чем привести в исполнение свои дерзкие замыслы, повесы тщательно высматривали, нет ли поблизости ворона. Горе несчастному, которого ворон Яков заставал на месте преступления! Он наносил клювом такой сильный удар в ногу смельчака, что тот с воем и прихрамывая покидал место своего злодеяния.

Владелец этого необыкновенного ворона, так же как и аптеки, был весьма почтенный человек — господин Даниэль Томазиус. Господин Томазиус был, правда, вдовцом, но имел все, что относится к хлебу насущному: дом, деньги, много

всякого добра, и кроме того, прелестную дочку по имени Эльза.

Он жил с нею в комнатах первого этажа, в подвале же помещалась лаборатория, кладовые и некоторые другие помещения. Второй этаж оставался обыкновенно пустым; только одну просторную комнату, выходящую в сад, занимал магистр Ксиландер.

Уже в то время, когда он собирал материал для известной нам оды, он постоянно жил в аптеке Льва и таким образом познакомился и подружился с господином Томазиусом. Позднее, переселясь навсегда в Финкенбург, он с радостью поселился в своей старой квартире и теперь жил в ней уже полтора года. В его ученый кабинет — он называл его своим *музеем* — не проникал никакой шум; только иногда по утрам и вечерам соловьи в саду пели слишком громко, но это случалось лишь в известное время года, — вообще же в комнате магистра господствовала тишина.

Господин Томазиус стоял за столиком для рецептов. Это был пятидесятилетний человек среднего роста; его добродушное лицо было несколько бледно, и в волосах заметно пробивалась седина. Но виной этому были скорее испарения в его лаборатории, чем болезни и преклонный возраст. Вообще же он был очень здоровый и жизнерадостный человек.

Сегодня господин Томазиус был несколько не в духе, потому что его помощник неожиданно оставил должность, и вдвоем с учеником он едва справлялся с работой. К этому присоединилась еще одна неприятность — из-за экономки. Дело в том, что старая Ганна... Но я должен вернуться немного назад.

В Финкенбурге ежегодно в Михайлов день устраивалась ярмарка, которая носила странное название: «Цвикмаркт». «Цвик» — так называлось, собственно, печенье, которое изготовлялось тогда в Финкенбурге. И вот между друзьями и родственниками существовал забавный обычай подстерегать друг друга утром в день ярмарки, щипать за руку и кричать при этом: «Цвик!». Пострадавший должен был наделять печеньем «цвик» того, кто успел его ущипнуть.

Господин Томазиус с годами привык к тому, что в этот

день его щипали по очереди все: экономка, дочка, господин помощник и ученик. Все они, а ученик в особенности, щипали очень деликатно, и хозяину дома не было надобности отказываться от старого почтенного обычая, — наоборот, он каждый раз делал вид, что застигнут врасплох, и охотно наделял каждого обсахаренным и начиненным миндалем печеньем, а своей Эльзе дарил и кое-что поценнее.

На этот раз, перегруженный работой, господин Томазиус не думал о «цвиках». Ночью был он разбужен, чтобы приготовить лекарство, и потому, невыспавшийся и хмурый, он вошел рано утром в столовую, чтобы съесть свой утренний суп. Лишь только он открыл дверь, темный силуэт вынырнул из-за большого платяного шкафа, и в следующий момент господин Томазиус почувствовал сильную боль в руке.

— Ай! — вскричал испуганный аптекарь.

— Цвик! Цвик! — раздался в ответ резкий голос.

Это была старая Ганна, вздумавшая пошутить со своим хозяином.

— Черт возьми! — выругался господин Томазиус. — Вы пьяны, Ганна, или сошли с ума! Что вам вдруг вздумалось так напугать меня, старая гусыня?!

Бедная Ганна молчала и удивленно смотрела на покрасневшее лицо аптекаря. Ничего подобного ей раньше не приходилось слышать; углы ее рта подозрительно передернулись, она схватила край передника и закрыла им глаза.

— Ну, ну! — спохватился господин Томазиус. — Оставьте ребячество! Ведь я сказал это без всякой злобы. Вы хорошая и преданная женщина, будьте уверены, что вы получите ваш «цвик», только не плачьте!

Он хотел было похлопать ее по плечу, но и этот жест был истолкован в худую сторону. Старая Ганна резко повернулась и пошла, всхлипывая, к двери.

Это происшествие окончательно расстроило аптекаря.

Теперь он приготовлял лекарство, и пока, устремив глаза на лежащий перед ним рецепт, он работал над чашкой для растирания порошков, его мысли не покидали старой Ганны, которая плакала, сидя в кухне. Для него было ясно, что он должен с нею помириться, — иначе он не сможет быть спокоен в своем собственном доме, но как устроить это примирение, он не успел еще придумать. Да и времени не было что-либо обдумывать: в аптеку ежеминутно входили покупатели. Сегодня, в первый ярмарочный день, делалась двойная работа, к тому же, не было под рукой помощника... Господин Томазиус был очень сердит.

В это время магистр спустился по лестнице в аптеку: он считал своим долгом наносить хозяину короткий визит перед уходом в лицей. Еще в прошлом году господин Томазиус щедро вознаграждал за щипки, и даже сам неожиданно напал на незлобивого магистра; сегодня же, оставив в стороне прежние забавы и обычаи, он лишь коротко и сухо отвечал на вопросы своего жильца. К полудню покупателей стало меньше; господин Томазиус подкрепился стаканом вина и пришел в несколько лучшее расположение духа.

Он послал слугу купить названного печенья, а также платок из пестрой шерсти для старой экономки. Слуга принес

платок, и господин Томазиус отнес его вместе с большим цвиком в кухню, где Ганна возилась у очага. Сначала она ничего не хотела и слышать, наконец нерешительно взяла подарок и проворчала что-то, что господин Томазиус принял за большое спасибо.

— Ганна! — сказал он. — Если вы хотите пройтись по ярмарке и полюбоваться на редкости, то идите! Эльза присмотрит, чтобы суп не пригорел.

Ганна ничего не отвечала, а когда аптекарь добавил еще несколько слов, то ступка в ее руках, в которой она толочла кусок хлеба, застучала так сильно, что он не смог разобрать своих собственных слов. Тогда господин Томазиус вернулся в свою аптеку. Через четверть часа он увидел, как Ганна вышла из дома в новом платке и направилась в сторону ярмарки.

Мрачное настроение господина Томазиуса совершенно рассеялось.

Между тем, белокурая Эльза стояла у огня в белом переднике, напевала песню и время от времени хлопала крышками горшков, в которых что-то весело шипело и клокотало. Кухонная дверь скрипнула.

— Это ты, Ганна? — спросила Эльза.

— Нет, Эльзочка, это я, — ответил сахарно-сладкий голос, и в кухню проскользнул с изящным поклоном магистр Ксиландер. Он нес что-то завернутое в бумагу. — Сюда ведь позволено входить?

— Я не запрещаю, — сказала Эльза, — и если вы мне хотите помочь, то там висит передник, а вот шумовка!

— Нет, Эльзочка, я не за тем пришел сюда. Разве вы не знаете, что сегодня ярмарка «цвиков»?

— Конечно, знаю, — ответила Эльза и удивленно взглянула на магистра. Когда же она заметила сверток в его руках, она сразу все поняла.

«Магистр хочет, чтобы я его ущипнула, и тогда он подарит мне “цвик”. Но ему придется этого долго ждать», — сказала она про себя.

И, предвкушая удовольствие надуть бесхитростного магистра, она лукаво улыбнулась, показав при этом два ряда маленьких зубок.

— Эльзочка! — сказал магистр и подошел ближе. — Итак, вы знаете, какой сегодня день и почему я стою здесь. Не стесняйтесь, Эльза, ради Бога!

— Что вы, что вы, господин магистр! Оставайтесь здесь хоть до обеда: смотрите, я делаю все не стесняясь, будто вас вовсе и нет, — ответила Эльза и очень усердно стала размешивать кипящую кашу, не обращая более внимания на магистра.

«Ага, — подумал тот, — она не хочет меня понять; возможно, что она собирается устроить мне сюрприз! Недавно на платке из голубого шелка она вышивала цветок, и может быть...»

Он подкрался на цыпочках к Эльзе и ущипнул ее, разумеется, крайне осторожно, за руку.

Но ему пришлось за это поплатиться: — хлоп! — шумовкой попало ему по руке, несколько капель горячей воды брызнуло ему в лицо, и в довершение позора позади послышался громкий смех старой Ганны, вернувшейся со своей ярмарочной прогулки.

— Правильно, Эльза! — воскликнула экономка. — Вам не повезло, господин магистр!

Иероним Ксиландер был очень смущен таким исходом дела, но, кое-как овладев собой, он засмеялся неестественно громко.

— Я не ожидал от вас насмешки, Ганна, — сказал он наконец, — я пришел именно ради вас и хотел подарить вам этот «цвик».

С этими словами он вручил старухе завернутое в бумагу печенье, собственно, предназначенное для Эльзы. Ганна была очень польщена таким вниманием магистра и рассыпалась в словах благодарности. Эльза стояла, пораженная этой неожиданностью, и теребила во рту завязки от своего передника. Магистр гордо удалился с чувством удовлетворенной мести.

Столкновение между ним и Эльзой очень скоро, впро-

чем, благополучно разрешилось. Подобные поддразнивания происходили нередко между ними, и магистр Ксиландер старался в таких случаях не забывать пословицу: «Кого люблю, того и быю». Эльза при этом смеялась, как веселый ребенок, а господин Томазиус, если ему случалось быть свидетелем подобных сцен, глубокомысленно качал головой.

Когда в двенадцать часов господин Томазиус, Эльза и господин магистр сидели за супом, который, несмотря ни на какие события этого дня, все-таки не пригорел, — надо всеми царило спокойное радостное настроение. Старая Ганна, приносившая кушанья, тоже сияла. Когда обед был закончен, она стала по желанию хозяина рассказывать о своей прогулке по ярмарке. Подробно рассказав о великолепных товарах, а также о двух мартышках, одетых в красные куртки, Ганна продолжала следующим образом:

— ...Я подошла к маленькому столику, окруженному людьми. За ним сидела женщина, на столе же стояла большая бутылка. Когда я протолкалась через толпу, женщина спросила меня, не хочу ли я, чтобы мне предсказали будущее за один батцен. Конечно, я согласилась, потому что один батцен — небольшие деньги. Женщина положила руку на бутылку и, представьте, из горлышка бутылки вылез маленький черный чертенок, протанцевал по столу и влез обратно в бутылку!..

Эльза и магистр сидели молча, аптекарь, снисходительно улыбаясь, откинулся на спинку кресла.

— Затем, — продолжала Ганна, — женщина сказала мне истинную правду: «Вы, — сказала она, — были в молодости очень красивы и, если бы хотели, могли бы не раз выйти замуж. Все это верно! Впереди, — сказала она, — будет у вас еще много радостных дней и даже, говорит, может быть, еще сегодня подарок получите». Так оно и случилось! Сразу после этого господин магистр подарил мне «цвик». На прощанье женщина спросила, желательно ли мне, чтобы дух из бутылки сказал, сколько мне лет. Но я запретила ей проделать это перед всем честным народом.

Затем Ганна сообщила, что видела дикаря с пестрыми перьями на голове и с кольцом в носу и знаменитого док-

тора с труднопроизносимой фамилией, у которого имеется большая лавка рядом с городской церковью. Она вытащи- ла пузырек, наполненный душистой водой, и торжествую- ще показала присутствующим.

Господин Томазиус взял пузырек и поднес его к носу.

— И что стоит эта штука? — спросил он старуху.

— Это вовсе не штука, господин Томазиус, а мускус, — ответила Ганна, — и это стоит только два батцена.

— Только два батцена! — передразнил аптекарь. — Ган- на, вы — дура! Вы могли бы получить это от меня *даром*, потому что это не стоит и двух хеллеров.

Ганна недоверчиво улыбалась. Чужеземный доктор ска- зал ей, что эта вещь вывезена из Аравии, но, так как она знала, что господин Томазиус в этих вопросах не переносит противоречия, то благоразумно смолчала.

— Если бы сегодня после обеда меня не ожидало столь- ко работы, — прибавил аптекарь, — то я обязательно пошел бы на ярмарку и посмотрел бы торговлю этого шарлатана. Может быть, среди его товаров найдется сокровище, о цен- ности которого сам владелец и не подозревает. Свою иери- хонскую розу и «палец великана» я тоже купил у такого бродячего доктора. Но ты, Эльза, если пойдешь на ярмар- ку, берегись покупать что-либо у этого парня! Вас, Ганна, предостерегать уже слишком поздно, а для господина ма- гистра мое предостережение будет бесполезным, так как он горит нетерпением отправиться к этому доктору за средст- вом против мозолей. Ну, да все равно! Теперь я ухожу в ап- теку, и если вы, господин магистр, хотите остаться посидеть с Эльзой, то я ничего не буду иметь против, потому что вы воспитанный и образованный человек, у которого ты, Эль- за, многому можешь поучиться.

Было уже за полдень, и солнце ярко освещало ярмароч- ную толпу.

В утренние часы были сделаны все необходимые хозяй- ственные покупки, а послеобеденное время было посвяще- но развлечениям; что в этих развлечениях не было недо- статка, мы уже знаем из рассказов старой Ганны.

Бюргеры города Финкенбурга прохаживались вдоль рядов ярмарочных лавок под руку со своими женами, оставаясь то здесь, то там, чтобы рассмотреть что-либо, бросившееся в глаза, или чтобы перекинуться словом со встречным знакомым. Крестьяне и крестьянки в праздничных нарядах, работая локтями, протискивались через толпу; молодежь горланила вовсю; многие играли на маленьких деревянных дудках, которые можно было приобрести тут же на ярмарке за пару хеллеров. Шум не утихал ни на секунду, так как хозяева балаганов привлекали внимание публики всевозможными звуками — ударами в таз, трещотками и барабанным боем; торговцы также зазывали покупателей, стараясь перекричать друг друга. Но финкенбуржцев весь этот шум ничуть не смущал — он был тоже одним из обычных ярмарочных развлечений.

Господин Томазиус все же урвал минутку, чтобы сходить на ярмарку. Он с достоинством шагал между рядами палаток, упирая подбородок в набалдашник своей трости, и искал лавку доктора, описанную эконолкой.

— Добрый день, господин Томазиус! — закричал ему старый, бедно одетый человек, сидевший за столом, нагруженным травами и корнями.

— Благодарю вас, Вурцельпетер. Как дела? — дружелюбно отозвался аптекарь.

— Плохо, плохо, господин Томазиус! Сегодня никто и не смотрит на мои травы; у меня есть ромашка, баранья трава, трава против глистов, корень против одышки, но все это лежит на своем месте, и никто ничего не покупает — все бегут к иностранному доктору! Если бы я не имел прибыли от продажи трутов, то не заработал бы даже на уплату за право торговли.

Старик был собирателем трав и корней в горах, причем он добывал и труты, из которых финкенбуржцы высекали огонь.

Господин Томазиус, который ежегодно давал заработать Вурцельпетеру несколько лишних грошей, до того расщедрился, что купил у него большой кусок трута и заплатил, не торгуясь.

— Где лавка этого доктора?

Собиравший корней показал костлявым пальцем на большую толпу, над которой колыхался кусок размалеванного полотна, укрепленный на длинном шесте.

Провожаемый недовольным взглядом Вурцельпетера, господин Томазиус направился к указанной лавке и, протиснувшись через густую толпу, пробрался вперед.

Изображение на полотне, которое развеивал во все стороны ветер, состояло из трех отдельных рисунков. Первый представлял собой человеческую фигуру, носившую на себе следы всевозможных болезней; изо рта человека свешивался клочок бумаги со следующими стихами:

Несчастный Лазарь перед вами —
Он болен грудью и ногами,
Болят глаза и оба уха,
Печенка, легкие и брюхо.
Найдется ль кто-нибудь на свете,
Кто исцелит недуги эти?

На втором рисунке был изображен господин в красном камзоле, со шпагой на боку, вливающий в рот пациента какую-то жидкость из большущей ложки. Красный господин держал во рту записку, которая гласила:

Иди сюда, ко мне, бедняга!
Вот жизни эликсира фляга!
Мои чудесные пилюли
Здоровье многим уж вернули.
Доктором Рапонтико меня зовут,
Везде и всюду мне хвалы поют.

Наконец, на третьем рисунке красовался уже исцеленный больной. Его костыли были брошены тут же за ненадобностью; пышущее здоровьем тело поражало обилием мускулов. На щеках виднелись две больших красных кляксы, а на записке, которую он держал во рту, стояло:

Хэйза, юхэйза, дидельдум!
Вот так чудо! Мутится ум!
Вчера я был болен и хвор и хил,
Доктор Рапонтико меня исцелил.
Теперь я весел, здоров, как бык, —
Доктор Рапонтико могуч и велик!

Рассмотрев картины и прочитав стихи, господин Томазиус обратил все свое внимание на саму лавку. Снаружи она представляла собой галерею, к которой вела лестница. Самого доктора не было видно: он, вероятно, показывал свое искусство внутри балагана. Публику, толпившуюся у входа, развлекал скоморох. Наш старый знакомый, Бальтазар Клипперлинг из Вены, одетый в пеструю, обвешанную бубенцами одежду, в остроконечной шляпе, держал под уздцы одну из маленьких лошадок, на обязанности которых лежало при переездах тащить докторский фургон.

— Пирам! — говорил скоморох лошади. — Скажи, сколько месяцев в году?

Пирам двенадцать раз топал ногой.

— А сколько дней в неделе?

Лошадь и это знала.

— Пирам, а скажи, кто здесь самый ученый из почтенной публики?

Пирам обошел народ и остановился возле одного крестьянина, который от чрезмерного удивления разинул рот. Громкие крики одобрения вознаградили гаера и его способного ученика.

— Ну, а теперь скажи, Пирам, кто здесь храбрее всех?

Лошадь снова прошлась по кругу и остановилась возле рослого гренадера, стоявшего под руку с девушкой. На лице солдата отразилось глупое самодовольство.

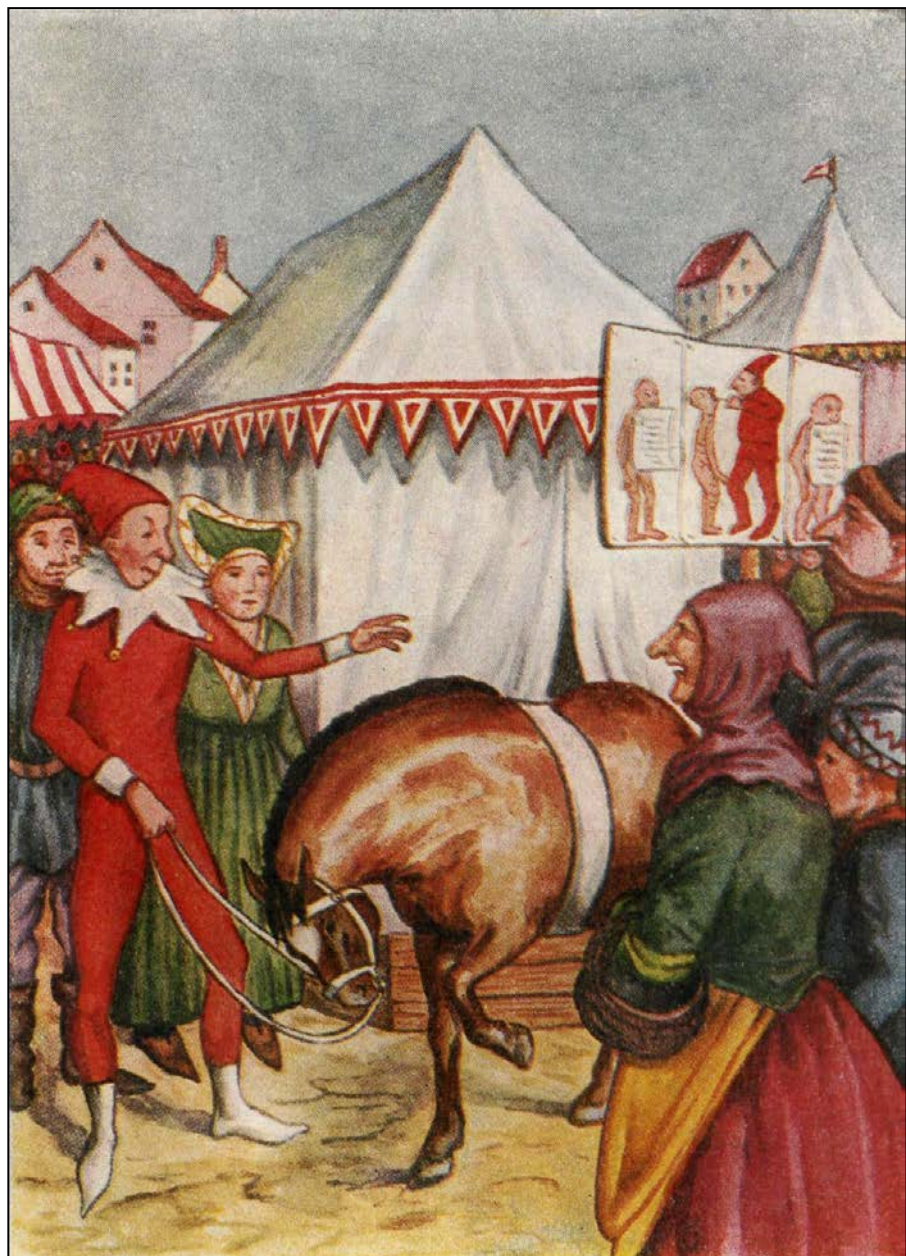
— Пирам, сколько у господина капрала пуговиц на мундире?

Лошадь отбила передней ногой нужное число.

— Пирам, а кто здесь самая красивая девушка?

Женщины и девушки захихикали.

Пирам выбрал девушку, стоявшую с гренадером. Она по-

краснела и засмеялась.

Затем последовал вопрос довольно нескромный, касавшийся поведения девушки, и Пирам энергично затряс своей большой головой. Народ гоготал от восторга. Девушка вырвала руку из руки гренадера и убежала. Последний принял было свирепый вид, но, так как вокруг все смеялись, то ему не оставалось ничего другого, как тоже засмеяться. В это время доктор Рапонтико показался на подмостках. На нем было красное платье, обшитое золотым галуном, шелковые чулки и шпага; на его пальцах и на пряжках башмаков блестели большие богемские камни. Он ответил на несколько вопросов тем, кто жаждал его советов, и остановился на галерее, правой рукой поглаживая свой длиннополый камзол и задумчиво смотря на небо. Он не удостоивал взглядом собравшуюся перед ним толпу. В это время из внутреннего помещения лавки вышел молодой человек. Он был весь в черном, и его бледное лицо выражало глубокую печаль. Словно во сне, ничего не видя, блуждали вокруг большие глаза юноши. В толпе пронесся шепот, и глаза всех обратились на Фрица Федериха, помощника доктора Рапонтико.

— Этот несчастный, вероятно, пациент, которого доктор должен вылечить, — сказала одна из женщин.

— Нет, — ответила другая, — это помощник доктора, а бледный он такой, потому что целые дни варит яды.

— Он из Италии, — сказала третья, — там все люди бледные. Кроме того, у него тоска по родине, и он здесь очень мерзнет, потому что у нас в Финкенбурге гораздо холоднее, чем в Италии.

— Я слыхала, — отозвалась четвертая, — что молодой человек — принц из Польши, а может быть, даже из Турции, который ради развлечения путешествует по стране.

— Что такое ты рассказываешь?! — возразила пятая. — Он еще ребенком был украден цыганами и сам не знает, кто он такой и откуда.

Между тем, группа людей поднялась на подмостки и была введена доктором и его помощником в саму лавку. Балтазар Клишперлинг из Вены продолжал развлекать народ

своими шутками. Он обладал очень разнообразными способностями, и стихи на вывеске также принадлежали ему.

Господин Томазиус вместе с другими вошел в лавку. Доктор сейчас же заметил, что это особа почтенная, и хотел обратиться к нему вне очереди. Но аптекарь сказал:

— Отпустите сначала других, я хочу потом с вами поговорить.

Он сел на стул, который ему предложил Фриц Гедерих, оперся подбородком на свою трость и терпеливо ждал, пока доктор освободится. Отпустив посетителей, доктор Рапонтико обратился к нему:

— Теперь я к вашим услугам. Итак, что же с вами такое? Где засела болезнь, которую я должен схватить и вырвать с корнем?

— Я, слава Богу, здоров, — ответил господин Томазиус. — Но если бы я не был здоров, то, конечно, не пришел бы к вам, мастер Рапонтико, потому что я сам кое-что понимаю во всей этой тарабарщине; я — здешний аптекарь Даниэль Томазиус.

Сказав это, он гордо выпрямился. Доктор струсил. Быть может, аптекарь следит за его работой и собирается запретить ему торговлю медикаментами?

Чуть слышно он спросил:

— Но же я могу вам служить? Я боюсь подумать...

Заметив растерянность доктора, господин Томазиус самодовольно улыбнулся.

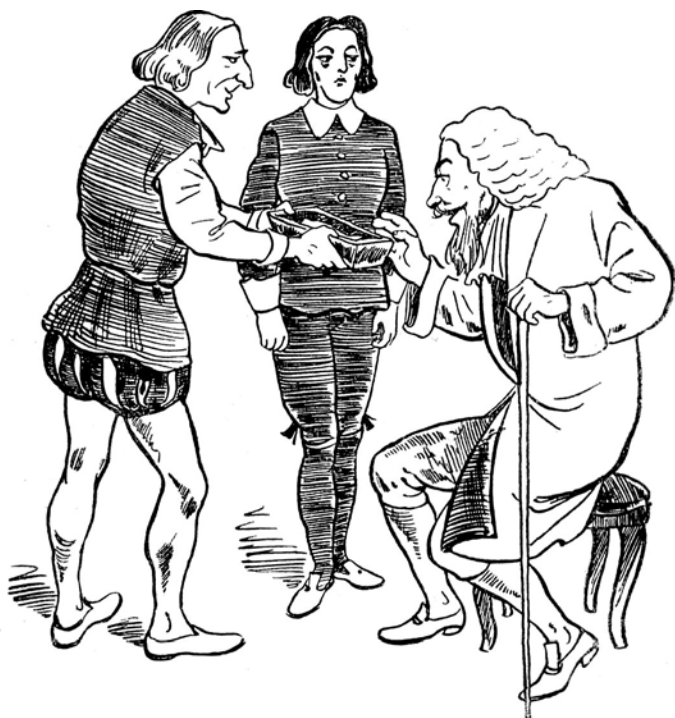
— Не пугайтесь, — сказал он, — и не думайте, что я собираюсь расстроить налаженное вами торговое дело. Меня не касается также и то, что вы выманиваете гроши у моих простосердечных сограждан. Нет, я пришел, чтобы кое-чем у вас позаимствоваться. Дайте мне посмотреть ваш товар, — возможно, что я найду что-нибудь, что мне пригодится. Есть у вас фиалковый корень?

— *Ireos florentinae radix*? — спросил доктор. — Разумеется, есть; белый, как свежавыпавший снег! Войдите лишь сюда, и вы будете поражены, увидев все мои редкости.

Доктор, сделавшийся чрезвычайно уступчивым, повел аптекаря за перегородку, где находился его склад. Там ле-

жали высушенные травы и корни; кроме того, масса всевозможных редких вещей: морской еж, кораллы, зубы допотопных животных, кольчатые черви и заяц с шестью лапами. Аптекарь все осмотрел с интересом и кое-что купил.

— Теперь я покажу вам свою величайшую драгоценность, — сказал доктор, отпер небольшой ящик и вынул оттуда маленькую шкатулку, которая имела вид гроба и была обита черным бархатом с серебряными блестками.

Господин Томазиус с любопытством протянул руку к гробику, но доктор сам открыл крышку, и аптекарь увидел на шерстяном дне шкатулки коричневатый корень в виде человека в красном камзолчике.

— Это Альраун! — вскричал пораженный господин Томазиус. — Это Альраун!

— Да, Альраун, маленький висельник, — подтвердил доктор и торопливо стал закрывать гробик.

Прерывисто дыша, аптекарь крепко схватил его за руку.

— Подождите, подождите, — просил он, — дайте мне его хорошенько рассмотреть.

Он любовался корнем, как юноша любит предмет своей первой любви.

— Что вы хотите за этот корень? — вскричал он затем.

— Я его куплю, — скажите скорее, что вы за него просите?

— Я его не продаю, — ответил доктор и закрыл ящичек.

— Продайте мне человечка! — просил господин Томазиус. — Я хорошо заплачу.

Его голос звучал мягко и умоляюще, как у ребенка, когда тот хочет добиться от матери, чтобы крышка банки с медом была снята.

— Нет, — ответил доктор, — это принесет мне несчастье. Вы не поверите, как трудно получить настоящего сильного Альрауна.

— Я знаю, знаю, — воскликнул аптекарь, — но вы бродите по всему свету, и вам нетрудно будет найти другой такой же корень.

— Нет, очень трудно, — ответил доктор, — вы знаете, что он растет только на месте *казни* и должен быть вырыт обязательно в ночь под Иванов день. Но это еще не все! Чтобы в маленьком висельнике появилась чудодейственная сила, надо, чтобы его нашла чистая, непорочная девушка в полночь и при глубоком молчании вокруг. Ему надлежит быть вытащенным из земли *собакой*, и в это время он издает звук, похожий на крик ребенка; если при этом девушка вскрикнет от страха, или собака залает, — то злые духи овладеют девушкой, и она непременно погибнет. Если же и удастся его достать с соблюдением этих условий, но девушка забудет перевязать корень накрест терновником, то все пропало, — корень потеряет всю свою силу.

Аптекарь едва слушал, что ему рассказывал доктор. Не сводя глаз с ящика, он вынул кошелек, взял оттуда дукат и протянул его доктору. Тот засмеялся.

— Один дукат! В своем ли вы уме?

— Два, — предложил аптекарь.

Доктор покачал головой.

— Три, четыре, пять!..

— Двенадцать дукатов, — произнес наконец доктор, — ни больше, ни меньше, и потому только, что вы аптекарь Томазиус. Кроме того, вы обязуетесь усиленно рекомендовать мой пластырь от мозолей и мои пилюли от желудка вашим друзьям и знакомым.

— Двенадцать дукатов — большие деньги, — задумчиво проговорил господин Томазиус, — не довольно ли половины?

— Если вы не согласны, то оставьте при себе ваши деньги, а я сохраню свой корень. Ведь я очень неохотно расстаюсь со своим Альрауном.

— Дайте его сюда, дайте! — вскричал в азарте аптекарь и вырвал гробик из рук доктора. — Я согласен, — двенадцать дукатов, и Альраун — мой.

Когда дело дошло до платежа, оказалось, что у аптекаря не было с собой требуемой суммы. Доктор не отдавал ему ящика без денег, но аптекарь ни за что на свете не хотел выпустить из рук найденную драгоценность, опасаясь, что доктор передумает.

— Вот вам четыре дуката; отпустите со мной этого парня, — он указал на Фрица Гедериха, — я вручу ему дома остальное.

Доктор согласился и на прощанье сообщил аптекарю некоторые правила употребления Альрауна. Когда наступает полнолуние, то Альрауна надо купать, иначе он будет кричать и вести себя беспокойно. Господин Томазиус терпеливо выслушал болтовню шарлатана и, наконец, в сопровождении Фрица Гедериха направился к Львиной аптеке. Не видя ничего вокруг, он нес гробик, судорожно сжав его руками.

Доктор Рапонтико рассудил правильно, когда взял себе в помощники скрывающегося студента. Фриц Гедерих, действительно, оказался драгоценной приманкой для женщин, и теперь доктору никогда не приходилось жаловаться на недостаток посетителей. Сначала бакалавру нравилась весе-

лая бродячая жизнь, и он жил беззаботно изо дня в день, как птица в степи. Когда же эта жизнь потеряла прелесть новизны и он поближе пригляделся к своим спутникам и их поступкам, то его веселое настроение уступило место мрачному раздумью.

Вначале доктор старался казаться своему помощнику человеколюбивым и полным достоинства, но постепенно он сбрасывал маску и становился таким, каким был на самом деле. Тогда бакалавр увидел, что доктор просто обманщик, готовый на все, чтобы выманить деньги у простодушных пациентов. Но он должен был выдержать еще целый год и нести свои обязанности согласно данному слову, не слушая соблазняющего голоса, который шептал ему втайне, что обещание, данное такому негодяю, позволительно нарушить.

Когда год его службы пришел к концу, Фриц Гедерих начал подумывать, как бы найти себе какое-нибудь пристанище. Он пробовал хлопотать о месте писца, но всюду получал отказ. Одни ему говорили, что, хотя и убеждены в его способностях, однако не нуждаются в услугах писаря, другие же прямо заявляли, что не ждут ничего путного от бродячего скомороха. Решив во что бы то ни стало освободиться от доктора, бакалавр удвоил свою энергию; он просил хотя бы самого скромного места; но ему всюду отказывали или просто закрывали перед носом дверь.

Однажды он встретил случайно своего товарища по университету. Тот узнал Фрица Гедериха и рассказал ему, что после его бегства имя его было помещено на черную доску, а это означало высылку *на сто лет* из Цехштадта. Он сообщил еще, что господа из консистории были в душе рады бегству бакалавра, так как этим был положен конец соблазну. Когда Фриц попросил своего товарища помочь ему найти честный заработок, тот сочувственно пожал плечами и ответил то же, что отвечали другие на просьбу бакалавра. «Если же тебе мог бы помочь небольшой денежный подарок, — прибавил товарищ, — то я готов дать его, насколько мне позволяют средства». Фриц Гедерих грустно поблагодарил и пошел дальше своей дорогой.

Доктор Рапонтико отлично видел, что происходило с его помощником, и смеялся втихомолку всякий раз, когда тот возвращался к нему после тщетных поисков службы. Он знал, что привязал к себе птичку такой цепью, которая крепче железа и стали.

С каждым днем Фриц Гедерих становился удрученнее, но чем больше сходила краска здоровья с его щек, тем ценнее становился он доктору, как приманка для народа. Смертельно бледный молодой человек в черной одежде был более сильным притягательным средством, чем цветущий юноша прежнего времени. Доктор и Бальтазар Клипперлинг пускали в ход всю свою фантазию, рассказывая о происхождении своего спутника, и это еще более способствовало усилению интереса к загадочному человеку, вызывая желание познакомиться с ним поближе.

С того дня, когда доктор нашел у ручья спящего бакалавра, прошло шестнадцать месяцев, и этого времени было достаточно, чтобы из жизнерадостного, полного сил студента сделать несчастного угнетенного человека, который ненавидел и себя и весь мир.

Фриц Гедерих шел позади господина Томазиуса, который зигзагами прокладывал себе дорогу через ярмарочную толпу. Наконец, аптекарь подошел к своему дому. Ворон Яков быстро подбежал к своему господину, приветствовал его несколькими кивками головы, затем посмотрел искоса на Фрица и сказал: «Оборванец».

Аптекарь засмеялся.

— Вы не обижайтесь, — сказал он Фрицу (это было его первое обращение к спутнику), — словом оборванец он встречает каждого посетителя и даже моего родственника — самого бургомистра. Он знает только три слова: «Яков», — это его имя — ...«оборванец» и —

— Эльза, — прокартавил ворон.

— Так зовут мою дочь, — пояснил аптекарь. — Ну, разве

не умная птица?

Фриц Гедерих был того же мнения; он нагнулся, чтобы погладить ворона. Тот изогнулся совсем по-кошачьи и позволил Фрицу провести рукой по блестящим перьям.

— Это удивительно, — сказал аптекарь, — обыкновенно он очень скуп на любезности. Ну, а теперь оставим ворона и пойдем покончим наше дело.

Сопровождаемый бакалавром, Томазиус прошел через аптеку и поднялся в свою квартиру; Фриц скромно остановился у двери, но аптекарь попросил его войти.

В это время Эльза выскочила им навстречу и, увидев странный ящичек в руках отца, захлопала в ладоши и радостно воскликнула:

— Покажи-ка, отец, что такое ты мне принес!

— Это вовсе не игрушка для тебя, — ответил аптекарь, — но посмотреть ты можешь.

Он открыл гробик и показал ей человечка из корня.

— О, какая прелестная вещица! Ведь ты подаришь мне ее, не правда ли?

— Нет, Эльза, этого ты не получишь. Не трогай! Это большая редкость, — Альраун.

Он стал подробно объяснять дочери значение своей покупки. Эльза слушала его, но взгляд ее перешел с висельника на бакалавра, который со шляпой в руке стоял у двери.

— Ах, я почти совсем забыл о нем, — сказал господин Томазиус, поймав вопросительный взгляд дочери. — Присадьте, друг мой! А я схожу за деньгами.

На столе стояла закуска, которую Эльза приготовила для отца. Ее взгляд упал на кружку с вином.

— Отец, не могу ли я предложить ему бокал вина? — прошептала она. — Он выглядит совсем больным.

Господин Томазиус утвердительно кивнул головой и вышел в соседнюю комнату.

Бакалавру было очень приятно гостеприимство аптекаря. Он уселся и, когда Эльза протянула ему бокал, быстро выпил темное вино, молча и не глядя на девушку. Давно не приходилось ему сидеть в такой комнате! Большая зеленая изразцовая печь, мебель, украшенная резьбой, неболь-

шое зеркало с воткнутым за ним павлиньим пером, старые потемневшие семейные портреты с венками из иммортелей, горшочки с желтофиолью на окнах и опрятно накрытый стол перед ним, — все это пробудило в нем воспоминания о родительском доме, о счастливом детстве... Горячая слеза покатилась по его щеке, и глубокий вздох вырвался из груди.

— Все в прошлом, все потеряно навсегда!

Эльза молча сидела напротив и с нетерпением ждала возвращения отца: ей было жутко видеть волнение молодого человека. Наконец, аптекарь вернулся, сел в кресло и стал считать перед собой на столе золотые монеты. Фриц Гедерих сидел неподвижно. Аптекарь вытащил из кармана маленькую монетку и протянул ее бакалавру.

— Вот вам за труды!.. В чем дело? Почему вы не берете денег?

— Господин аптекарь! — проговорил Фриц Гедерих тихим голосом. — Вас обманули: корень, который вам продал доктор, — не Альраун.

Аптекарь так порывисто вскочил с кресла, будто под ним оказалось раскаленное железо.

— Что вы говорите? Не Альраун? Но что же это, в таком случае?

— Это корень особой репы, — сказал Фриц Гедерих. — У доктора более сотни таких корней в запасе; они очень похожи на корни Альрауна. Верьте мне, он вас обманул.

— Черт возьми! — вскричал господин Томазиус и так ударил кулаком по столу, что зазвенела посуда. — Подлый обманщик! На виселицу его надо с его сотнями поддельных висельников, на виселицу!

— Отец! — испуганно остановила его Эльза.

Аптекарь понемногу пришел в себя. Он поглядывал то на человечка в гробике, то на бакалавра. Мало-помалу на его лице появилось опять обычное выражение.

— С вашей стороны очень похвально, что вы вывели негодяя на чистую воду. Вы, кажется, честный парень, дайте пожать вашу руку!

Фриц протянул аптекарю руку и в голове его блеснула мысль: «Этот человек может меня спасти».

— Возьмите корень с собой, — сказал господин Томазиус, уже совершенно успокоившись. — Или нет, стойте, — я лучше сам пойду к вашему хозяину и выскажу ему свое мнение!

Он надел шляпу и взял длинную трость.

— Пойдемте!

— Господин аптекарь! — робко промолвил Фриц Гедерих. — Будьте любезны, не откажите мне в разговоре с глазу на глаз!..

— Вы хотите еще что-нибудь сказать? — удивленно спросил аптекарь. — Так как вы избавили меня от лишнего расхода, то будет справедливо, если я сделаю вам одолжение, которого вы просите. Войдите сюда!

Эльза осталась одна. Теперь, на досуге, она хорошенько рассмотрела поддельного человечка, потом вынула его из гробика и рассмеялась, когда человек из корня кувырнулся, будучи поставлен ею на ноги. Скоро эта забава ей надоела, она положила вещицу в ящичек и закрыла его крышкой. Незнакомец что-то долго остается у отца; что бы такое мог он ему сообщать? А каким болезненным показался ей бедный юноша! Может быть, отец сумеет ему чем-нибудь помочь. Ведь он — это все говорят — понимает в медицине больше, чем целая дюжина докторов! Эльза подошла к двери. Подслушивать? — нет, это было бы неприлично, но если услышишь случайно словечко из разговора, это не такое уж большое несчастье! Она откинула назад свою тяжелую косу и приложила свое маленькое розовое ушко к замочной скважине. Незнакомец рассказывал поразительные вещи. Он говорил о чертях, о смерти и о палаче. Эльза похолодела от страха. Затем она услышала голос отца:

— Дураки же, кто думают, что черт изготавливает эти ядовитые испарения.

Эльза нагнулась и, прищулив один глаз, заглянула в замочную скважину. Незнакомец вынул из кармана небольшой сверток, снял платок, которым он был обернут, и, развернув пергамент, подал его отцу. Тот стал читать, пока-

чивая время от времени головой.

— Я помогу вам, — сказал он наконец. — Вот вам моя рука, господин бакалавр!

Он произнес это так громко, что Эльза испуганно отскочила. Когда затем господин Томазиус вошел в комнату, Эльза стояла у стола спиной к двери и внимательно рассматривала ящичек с человечком. Отец показался ей сейчас особенно высоким, и шагал он, не сгибаясь, прямой как свеча; за ним вошел в комнату Фриц Гедерих, лицо которого покрылось легкой краской, и глаза блеснули. Господин Томазиус взял черный гробик и поручил дочери убрать со стола дукаты. Затем он захватил трость и удалился со своим спутником. Внизу, в аптеке, он открыл один из ящичков и протянул бакалавру горсть сухой травы.

— Что это такое?

— Торментилль.

— Хорошо, а это что?

Фриц Гедерих снова назвал растение. Экзамен продолжался, и все ответы были правильны.

— Вы, кажется, ничего не забыли! Теперь будьте внимательны, — что это такое?

Фриц Гедерих взял высушенные листья, понюхал их и ответил:

— Растение похоже на цикуту, но это не она, а телячий зоб.

— Optime! — сказал аптекарь и хлопнул бакалавра по плечу. — Мой прежний помощник дал себя провести и принял это растение за цикуту! Насколько вы сведущи по части рецептов, мы посмотрим потом. Прежде всего, нам предстоит рассчитаться с негодным Рапонтико.

Он взмахнул своей палкой, как полководец саблей перед битвой, и вышел с Фрицем Гедерихом на улицу. По дороге бакалавр признался своему покровителю, что опасается резкого выступления со стороны доктора; последний не захочет его отпустить и сделает его прошлое известным жителям Финкенбурга, что может сильно повредить ему в городе. Но аптекарь успокоил его:

— Я — сенатор города Финкенбурга, и бургомистр — мой

близкий родственник. Было бы позором для меня, если бы я не смог вырвать вас из зубов этого подделывателя альраунов.

В это время они подошли к лавке Рапонтико и поднялись по лестнице. Доктор находился на галерее и низко поклонился аптекарю, когда тот взошел на площадку.

— Если вы думаете, что я принес вам деньги, то вы жестоко ошибаетесь, — начал господин Томазиус. — Вот вам Альраун или, вернее, ваша *репа*, а теперь отдайте мне обратно мои четыре дуката!

Доктор Рапонтико сделал изумленное лицо.

— Не знаю, чего вы хотите, — произнес он, — не думаете же вы...

— Негодяй! — прервал его аптекарь, — отдайте сию минуту мои деньги, не то будет плохо!

Доктор бросил на своего помощника взгляд, полный яда, и вытащил из кармана золотые монеты. Аптекарь внимательно осмотрел их и спрятал.

— Так, — сказал он, — одно дело сделано! А теперь будьте любезны, рассчитайтесь с этим молодым человеком: я беру его к себе.

Доктор стоял неподвижно, словно св. Георгий над рыночным колодцем города Финкенбурга.

— Да, хозяин, — сказал Фриц Гедерих, — позвольте мне взять свои пожитки: я покидаю вас и желаю вам всего наилучшего.

Доктор изменился в лице и принужденно засмеялся.

— Сударь, — начал он, обращаясь к аптекарю, — вы, конечно, шутите?

— Ничуть, — сказал господин Томазиус и ударил палкой об пол, — неужели вы воображаете, что я пришел с вами шутки шутить?

— Что такое? — вскричал доктор, и лицо его приняло темно-вишневый оттенок. — Вы хотите взять к себе нищего студента, заклинателя чертей?!

Люди, толпившиеся у лавки, стали прислушиваться.

Фриц Гедерих судорожно сжал кулаки.

— Будьте осторожнее! — воскликнул аптекарь. — Иначе я заставлю упрятать вас вместе с вашим фальшивым висельником! Вы — жалкий шарлатан!

При этих словах доктор потерял все свое самообладание, его черные глаза блеснули, зубы заскрежетали. Он подскочил к аптекарю и яростно замахнулся на него своей тяжелой палкой. Но Фриц Гедерих бросился между ними, и удар пришелся ему по руке. Доктор был разъярен, как дикий зверь. Быстро выхватил он свой нож, и кто знает, каков был бы исход всего этого происшествия, если бы сильные руки внезапно не схватили и не повалили наземь доктора.

Толпа зевак сначала с удивлением прислушивалась к спору между почтеннейшим из горожан и странствующим доктором. Когда же последний перешел в наступление, два рослых парня мигом взобрались на лестницу и, схватив доктора, сжали его, словно в тисках.

В Финкенбурге, как и в других местах, существовал обычай заканчивать *дракой* все народные увеселения. Побоище заканчивало ярмарку, как аминь — проповедь.

Городские стражники в ярко-зеленых мундирах бродили недовольные вокруг ратуши, вспоминая доброе старое время, когда в ярмарочные дни по крайней мере *один* человек оказывался убитым. Они как раз горевали о том, что их время прошло, как вдруг из докторского балагана слышались крики и шум. Стража подоспела на место происшествия именно в тот момент, когда вмешательство горожан положило конец перебранке. Стражники заставили присутствующих рассказать, как было дело, после чего один из них завладел ножом, другой — палкой доктора; остальные связали его самого. Они намеревались заодно взять с собой помощника и скомороха, но Бальтазар Клипперлинг заблаговременно испарился с места драки, а за Фрица Гедериха обещал поручиться сенатор и аптекарь Томазиус. Все же стражники продолжали сомневаться в невиновности помощника, когда, к счастью, подошел сам господин бургомистр.

Аптекарь переговорил с ним, они удовлетворенно по-

жали друг другу руки, и Фриц Гедерих получил разрешение взять из лавки узелок со своим добром. Он быстро собрал свое имущество и желал как можно скорее уйти со своим покровителем. Но господин Томазиус остановил Фрица и обратил его внимание на происходящее вокруг. К шесту, который держал вывеску со стихами, была приставлена лестница, и вывеска снята, после чего появились люди с молотком и гвоздями и заколотили наглухо лавку доктора.

Когда Фриц Гедерих проходил с аптекарем мимо ратуши, они увидели собравшуюся перед ней большую толпу, и господин Томазиус сказал:

— Если вы хотите проститься с вашим бывшим хозяином, то подойдемте поближе!

Перед ратушей стоял деревянный осел, верхом на котором в красной одежде сидел доктор Рапонтико. Он опустил голову и в бессильной ярости кусал нижнюю губу. Городская чернь, которая недавно еще, разинув рот, благоговейно глазела на доктора, теперь злорадно хохотала и издевалась, швыряя в поверженного кумира всем, что попадалось под руку.

— Так наказываются у нас те, кто нарушают мир и спокойствие ярмарки, — сказал господин Томазиус и повернул на главную улицу, где бакалавра манила Львиная аптека, как манит земля потерпевшего кораблекрушение.

— Ганна, — сказал, придя домой, господин Томазиус, — это мой новый помощник — господин Гедерих; проводите его в его комнату! Завтра в половине шестого утра, — продолжал он, обращаясь к бакалавру, — приходите ко мне завтракать, а потом я объясню вам ваши обязанности. Сегодня вечером вы останетесь у себя в комнате, куда Ганна принесет вам ужин. Будьте здоровы и постарайтесь, чтобы мы стали друзьями.

Господин Томазиус ушел, а Ганна проводила нового помощника в его комнату.

В этот день старая экономка до поздней ночи просидела у белокурой Эльзы. Ганна в подробностях узнала о происшествии на ярмарке и теперь, не переводя духа, сообщала все своей любимице, прибавляя еще кое-что от себя.

— ...А какой он воспитанный и деликатный! Подумай, Эльза, когда я постелила ему постель и принесла воды для питья, он сказал: «Спасибо, фрейлейн Ганна». Прежний помощник звал меня просто «Ганна», и ничего подобного я от него никогда не слыхала. Поверь мне, Эльза, новый помощник не простой человек. Он — благородного происхождения.

Эльза сделала большие глаза.

— Моя мать, царство ей небесное, — продолжала Ганна, — однажды рассказала мне историю об одном садовнике, имевшем красавицу-дочку. Пришел как-то молодой человек и нанялся к ним слугой, — подробностей я уж не помню — ну, одним словом, он оказался сыном короля, женился на девушке, и она сделалась королевой. Помяни мои слова, Эльза, — если наш молодой помощник и не принц, то за ним

во всяком случае что-то скрывается...

Эльза рассмеялась; старая Ганна поцеловала свою любимицу и вышла из горницы. Девушка зарылась в пуховые перины, и очень скоро ей уже снился маленький висельник.

А в подвальном помещении Фриц Гедерих спал без снов так крепко и сладко, как спалось ему лишь много лет тому назад, когда любящая мать каждый вечер взбивала на ночь его подушки.

Глава IV

В АПТЕКЕ ЗОЛОТОГО ЛЬВА

Пришла осень. Лиственные деревья, которые летом упорно защищали от налетов ветра свое зеленое убранство, устали, ослабели и уступили свои пожелтевшие листья царственному Борею, который разметал их по всем направлениям. Ласточки устраивали большие народные собрания на крыше Львиной аптеки и держали совет о дне отлета. Ворон Яков прохаживался по лестнице и презрительно наблюдал за ласточками. «Оборванцы, оборванцы, — говорил он и прибавлял на вороньем языке: — оставались бы здесь и честно зарабатывали бы себе кусок хлеба на прочном месте, как это делаю я».

Нечто подобное думал и Фриц Гедерих. У него было такое состояние духа, будто его пробудили от дурного сна. Он

усердно исполнял свои обязанности, и звон ступки и треск пламени под колбами и тиглями звучали для него, как тихий звук любимой колыбельной песни о черной и белой овечке.

Отбыв наказание, доктор Рапонтико поспешно уехал из города со своим скоморохом, не причинив никакого вреда Фрицу Гедериху, хотя и бакалавр и его теперешний принципал ожидали от него какого-нибудь злостного выступления.

Фриц очень скоро освоился со своей новой деятельностью, и господин Томазиус не мог нарадоваться на своего помощника. Первое время он строго наблюдал за ним; когда же убедился, что молодой человек знает свое дело, он доверил ему всю аптеку, а сам заглядывал в нее всего на час или на два. Кроме лаборатории, предоставленной Фрицу Гедериху, господин Томазиус имел еще вторую, где он работал один. Дверь этой лаборатории была всегда накрепко заперта, и никто, кроме самого аптекаря, не смел переступать ее порога. Иногда господин Томазиус несколько дней безвыходно работал в этой таинственной комнате, и старая Ганна подавала ему пищу через особое окно.

Старая экономка покровительствовала новому помощнику с того самого дня, когда аптекарь привел его в дом. Первое время она с напряжением ждала, что вот-вот он сбросит маску и превратится в золотого принца. Но, так как ничего подобного не происходило и Фриц Гедерих ничем другим, кроме доверенных ему ящиков и сосудов, не интересовался, то в глазах Ганны он потерял большую часть своего ореола, сохранив, однако, все ее расположение. Впрочем, это проявлялось покуда лишь в том, что она тотчас же пришивала ему каждую отлетевшую пуговицу и старательно гофрировала щипцами его манишки и манжеты.

С Эльзой бакалавр виделся только за обедом. Господин Томазиус сидел в верхнем конце стола, справа от него — Эльза, по левую руку — магистр Ксиландер, а рядом с ним Фриц Гедерих. Последний большею частью ел молча, так как разговор за столом касался обычно таких вещей, которые ему были чужды.

С Эльзой он еще не говорил ни слова, только иногда показывал ей время на своих часах, за что она благодарила его легким кивком головы. «Она высокомерна», — думал Фриц. «Он — чурбан», — думала Эльза. Что касается магистра Ксиландера, то первое время он был очень сдержан по отношению к новому человеку в доме; когда же он узнал от аптекаря, что это человек образованный и даже бакалавр, то постарался сблизиться с ним и нашел, что это человек, с которым можно серьезно поговорить. Хотя магистр чувствовал себя недурно в доме аптекаря, все же чего-то в такой жизни ему недоставало, и этот пробел он надеялся заполнить разговорами с бакалавром.

Господин Иероним Ксиландер был, как мы знаем, учителем в Финкенбургском лицее и добросовестно исполнял свои обязанности. Однако он видел в преподавательской деятельности не свое истинное призвание, а лишь источник дохода, и втайне мечтал о другом.

В его «музее» в рамке под стеклом висела гравюра, изображавшая человека с лавровым венком на голове. Это был не кто иной, как прославленный и увенчанный лаврами поэт — Мартин Опиц из Боберфельда. Под картиной, тоже под стеклом, находились стихи Пауля Флемминга:

«На кончину господина Мартина Опица из Боберфельда».

На этот портрет увенчанного поэта магистр нередко смотрел мечтательным взором и всегда при этом невольно проводил рукой по своей собственной голове, на которой, впрочем, не имелось никакого венка, а виднелись лишь скудные светлые волосы.

Магистр Ксиландер был *сочинитель*, которому не хватало только признания со стороны читателей, но он не терял надежды и неустанно работал.

Когда ему случалось сочинить, тщательно отделать и начисто переписать какое-нибудь стихотворение, магистр, естественно, горел желанием кому-нибудь прочесть его, но тут-то и возникали затруднения. Сначала он избрал в качестве слушательницы дочь господина Томазиуса. Когда магистр Ксиландер переехал в Финкенбург и нанял себе комнату в

Львиной аптеке, Эльза только что перестала посещать школу. Господин Томазиус обратился к нему с просьбой наставлять Эльзу в познании различных наук, и магистр изъявил к этому полную готовность. Он стал рассказывать белокурой Эльзе о персидском царе Ксерксе, о дикобразе, о египетских пирамидах и огнедышащей горе — Везувии, о Ромуле и Реме, о людоедах, о китах и о многом другом. Эльза слушала его охотно. Но как только магистр попытался ввести свою ученицу в тайны поэтики и прочел ей свои стихи, Эльза начала зевать и прямо заявила, что все песни, которые нельзя петь, наводят на нее скуку. Магистр старался заинтересовать ее наилучшими образцами, но Эльза оставалась при том мнении, что поэзия скучна, и в этом ее поддерживал отец, удивлявшийся, как это такой рассудительный человек, как магистр, в состоянии заниматься подобными пустяками! С тех пор не было у магистра ни одного сочувствующего человека, но, так как молчать было ему не по силам, то декламировал он свои оды четырем стенам «музеума», смотря по очереди то в зеркало, то на портрет Боберфельдского лебедя.

Но как только Фриц Гедерих поселился в Львиной аптеке, магистру не нужно было больше расточать свое искусство глухим стенам. Бакалавр не только внимательно слушал, но даже обнаруживал понимание красот поэзии Ксиландера.

Несколько раз в неделю, когда закрывалась аптека, Фриц Гедерих подымался с лампой в руке наверх, на второй этаж, где его ждал магистр в своем «музеуме». Здесь было тепло и уютно. В камине трещали огромные поленья; около камина стояло большое кресло для господина помощника. На столе возле лампы лежала зеленая папка с рукописями магистра, а несколько в стороне стояла пузатая фляга с двумя стаканами.

Пока магистр читал одно из своих длинных героических или дидактических стихотворений, Фриц Гедерих удобно откидывался в кресле и, время от времени отхлебывая из стакана, давал свободу течению своих мыслей. Во время паузы в чтении Фриц бормотал вполголоса: «Превосходно,

очень хорошо сказано!» — или что-нибудь в этом роде. А когда спрашивали его мнения, он обыкновенно отвечал: «Хоть я и не тонкий знаток, господин магистр, но мое чувство говорит мне, что...»

Только это он и успевал произнести, так как магистр уже перебивал его: «Я хотел сказать, господин бакалавр...» — и тут же излагал свой собственный взгляд на вещи. Фриц Гедерих неизменно кивал головой и говорил: «Именно так думаю и я».

Таким образом, магистр имел причину быть довольным бакалавром и часто говорил господину Томазиусу, что он должен быть счастлив, имея такого помощника, на что однажды аптекарь сухо ему ответил, что помощник Гедерих вообще человек, подающий большие надежды и, надо полагать, имеющий достаточно разума, чтобы не дать испортить себя поэзией.

Так обитатели Львиной аптеки, начиная с хозяина и кончая вороном Яковом, проводили тихие, спокойные дни.

На улице порхали снежные хлопья; каменные существа, которыми был украшен дом, и лев около входа надели белые шапки, а Яков во время своих прогулок оставлял на снегу красивые узорные следы.

Финкенбуржцы ходили в больших, снабженных множеством воротников плащах, и носы у них блестели, словно флюгерный петух на церковной крыше в лучах заката, так что все они напоминали хозяина гостиницы «Золотой Гусь», у которого подобное сияние носа замечалось и в летнее время, а не только зимой, когда падал снег.

В Львиной аптеке был большой спрос на мазь против опухолей от мороза, и ученик господина Томазиуса выдавал эту мазь руками, красными, как вареные раки, и бесформенными, словно лапы медведя. Он терпеливо переносил свои страдания, так как знал, что получит от господина Томазиуса пару рукавиц в качестве рождественского подарка.

Дни, недели и месяцы проходили однообразно как во Львиной аптеке, так и вне ее, — в городе и во всей стране.

Тем не менее, в гостинице «Золотой Гусь», в комнате для господ, патриции города Финкенбурга то и дело заводили разговор о грозящих тяжелых бедствиях и об опасностях войны; но господин бургомистр успокаивал всех твердой уверенностью, что мир не будет нарушен. А уж он-то должен был быть осведомленным в таких делах!

Зима подходила к концу, и снег постепенно таял. Аммер вышел из берегов, что он делал ежегодно в течение столетий, и прервал сообщение. На ивах появились серебристые кошечки; гренадеры, дежурившие у княжеского дворца, скинули свои плащи; на освободившихся от снега лужайках собирались дети и затевали веселые весенние игры. Сочная ива раздавала свои ветки для свистулек и свирелей, и финкенбургская молодежь свистела и чирикала взапуски с воробьями, которые мужественно перенесли суровую зиму и теперь высвистывали уходящей напутственный марш.

И вот произошло то, чего не могли представить себе даже самые ярые пессимисты из комнаты для господ в «Золотом Гусе».

Князь Маврициус внезапно умер, и страна должна была перейти под власть князей Аммерштадта.

Финкенбуржцы были очень подавлены, так как знали, что теперь быстро померкнет прежний блеск их городка.

Князь Рохус был к тому же известен, как человек, любящий *новшества*.

Разве в Аммерштадте он не отделил самовольно должности пастуха и ночного сторожа, которые с незапамятных времен соединялись в одном лице?

Все другие, менее важные реформы, невозможно и перечислить! Сразу после кончины своего родственника он издал, правда, манифест, в котором обещал оставить за городом все его прежние права и каждый год проводить несколько месяцев в Финкенбурге; и все-таки горожане смотрели на будущее с большой тревогой.

Рохус, князь Аммерштадта и Финкенбурга, был умным правителем. Он благоразумно оставил в Финкенбурге на первое время все по-старому; так, например, он даже отказал-

ся от своего намерения заменить лимонно-желтую форму финкенбургских гренадеров яблочно-зелеными мундирами аммерштадтских войск, благодаря чему очень скоро завоевал расположение финкенбургских граждан.

Над рыночным колодцем Финкенбурга стоял издавна каменный св. Георгий с драконом, но оба, и рыцарь и крылатый змий, были сильно тронуты зубом времени, и из пасти чудовища весело пробивалась сорная трава. Князь велел снести эту группу и на ее месте воздвигнуть статую покойного государя.

Памятник был торжественно открыт, и когда проповедник в цветистых словах описал отеческие заботы нового повелителя страны, выразившиеся в сооружении этого монумента, все были глубоко потрясены, и когда бургомистр провозгласил троекратное ура новому князю, то все откликнулись от полноты сердца и глоток, — все, кроме *одного*.

Этот один был магистр Иероним Ксиландер. Как наставник четвертого класса, он по обязанности привел своих питомцев на освящение статуи, но когда раздались крики «виват», магистр сделал вид, что его одолевает удушливый кашель.

Он еще не заключил мира с князем Рохусом.

Глава V

ПОД БУЗИНОВЫМ КУСТОМ

В здании под знаком Золотого Льва помещался когда-то монастырь, с которым связывалось много страшных историй. Рассказывали о замурованных в стены скелетах, о длинном подземном ходе, который вел будто бы к развалинам другого, дальнего монастыря, и о зарытых здесь кладах. Ходила также легенда о монахе и монахине, совершивших великий грех и поэтому не нашедших покоя в могиле; их призраки бродили якобы по ночам в здании, где была прежде обитель.

Сказание это стало известным и Фрицу Гедериху, но старая Ганна, которая, вообще говоря, охотно пускалась во всевозможные рассказы, давала уклончивые ответы всякий раз, когда речь заходила о монастырских привидениях.

К дому прилегал огромный сад, тянувшийся до старой городской стены. Стену эту господин Томазиус отчасти распорядился снести, отчасти засадил плющом. Древняя развалившаяся башня была обращена в садовую беседку, из окон которой открывался чудесный вид в сторону гор. Большую часть сада занимали гряды с овощами, находившиеся под наблюдением старой Ганны; в особом отгороженном месте аптекарь выращивал разные лекарственные травы.

Как только наступила весна, Фриц Гедерих, понимавший немного в садоводстве, с удовольствием занялся уходом за этой частью сада. Когда не было работы в аптеке и лаборатории, он спускался в сад и здесь с одинаковой любовью ухаживал за целебными и ядовитыми травами. Движение на открытом воздухе, среди ароматов свежей земли, было очень полезно здоровью бакалавра, возвращая его мускулам прежнюю силу и упругость.

В один прекрасный день, окапывая землю вокруг кустов, он услышал глухой звук взрыва; окно потайной лаборатории разбилось вдребезги, и оттуда повалил черный дым.

В несколько прыжков Фриц очутился у дома и поспе-

шил к двери лаборатории. Дверь эта открылась изнутри. На ее пороге, в длинном красном таларе, стоял господин Томазиус, прямой и неподвижный, как обращенная в соляной столб жена Лота. Дальше, на каменном полу, валялись разбитые колбы и бутылки, а между осколками текла какая-то горящая жидкость.

Бакалавр вбежал внутрь, схватил со стола скатерть и с ее помощью приостановил распространение огня.

Господин Томазиус все еще был нем от испуга. Фриц снял с него красную мантию и провел его в сад. После этого бакалавр еще раз поспешил в лабораторию, чтобы убедиться в том, что опасность миновала. Огонь, действительно, всюду потух; последние облака дыма улетали через разбитое окно. Он запер дверь и вернулся к аптекарю, который сидел на садовой скамье, бледный и совершенно разбитый. Механически приняв ключ от лаборатории, он только кив-

нул головой, когда Фриц спросил его, не хочет ли он подкрепиться вином.

Когда бакалавр вернулся с кружкой вина, аптекарь успел немного прийти в себя; он выпил вино и стал горько жаловаться:

— Теперь все пропало, я должен начинать работу сызнова, все труды были напрасны! Вы заперли дверь? — неожиданно спросил он Фрица.

— Ну конечно, — я только что передал вам ключ.

— Разумеется, разумеется... Ах, Фриц, это был страшный удар для меня! Вы смотрите с недоумением, вы не можете понять, как это я горюю из-за нескольких разбитых сосудов... Но если б вы знали!.. Однако, пойдёмте, посмотрим, как выглядит там, внутри!

Они направились к лаборатории.

— Какое это счастье, — сказал по дороге Томазиус, — что ни Ганна, ни моя Эльза ничего не заметили! А то, вдобавок ко всему, мне пришлось бы выслушивать теперь женский визг и отвечать на расспросы! Вы, Фриц, — разумный человек, вы обладаете присутствием духа, делаете, что надо делать, и не задаёте лишних вопросов.

Войдя в лабораторию, аптекарь стал осматривать следы разрушения. Фриц Гедерих огляделся: лаборатория эта ничем не отличалась от других; он заметил лишь несколько старых фолиантов, один из которых был заперт тяжёлой цепью. С помощью бакалавра аптекарь привел в порядок разбросанные предметы.

— Какое счастье, — сказал он, — что огонь не повредил моих книг и рукописей! Нет такого несчастья, которое не могло бы быть еще большим. Теперь здесь больше нечего делать, — придется опять начинать сначала! Пойдёмте!

Выйдя за дверь, господин Томазиус еще раз остановился и стал говорить, держа своего помощника за пуговицу камзола и вращая ее в обе стороны:

— Так как несчастный случай сделал вас до некоторой степени моим поверенным, то я расскажу вам сегодня вечером или, лучше, завтра утром, *над чем* я здесь работал и какие мои надежды теперь рухнули!.. Впрочем, я забыл, ка-

жется, вас поблагодарить... Делаю это теперь. С сегодняшнего дня я буду платить вам на три гульдена больше за квартал; кроме того, даю вам разрешение уходить из дому после шести часов вечера два раза в неделю.

То, что господин Томазиус сообщил на следующий день своему помощнику, было, так сказать, тайной всего городка. Не только обитатели Львиной аптеки, но и жители всего Финкенбурга знали, что Томазиус тратит большие деньги на открытие тинктуры, при помощи которой можно было бы превращать обыкновенные металлы в благородные, но, так как сам он избегал говорить о своих работах и всем было известно, что он терпеть не может никаких расспросов, то в его присутствии тема эта никогда не затрагивалась.

— Видите ли, Фриц, — сказал аптекарь своему помощнику, когда они сидели вдвоем в потайной лаборатории, окна которой были уже починены стекольщиком, — дело не столько в добыче золота, — у меня, слава Богу, достаточно добра, чтобы дать богатое приданое Эльзе, — нет, дело в самом *изобретении*. Никто ведь не станет спорить, что существует такая тинктура или, вернее, две: одна — белая, производящая серебро, другая — красная, производящая золото...

Фриц утвердительно кивнул головой.

— Епископ Альберт Магнус, великий Роджер Бэкон Английский, а также Теофраст Бомбаст Парацельсий знали эту тинктуру и оставили указания относительно ее изготовления. К сожалению, однако, указания эти настолько темны, что только люди, находящиеся под влиянием известных созвездий, способны постичь смысл сокровенных формул. Не знаю, принадлежу ли я к числу этих избранных...

Господин Томазиус опустил голову на грудь и молчал некоторое время.

— Когда я был юношей вроде вас, — продолжал он, — мне пришлось много бродить по свету. Побывал я и в Вене, где алхимия процветает как нигде; многие императоры осыпали большими почестями тамошних адептов этой науки. Мне самому посчастливилось почти год быть учеником зна-

менитого мастера Рихтгаузера, которому император Фердинанд пожаловал титул графа Хаосского. Это был один из тех, что родились под счастливой звездой! Я видел собственными глазами, как он вынимал из своего плавильного тигеля золото, да, чистое золото!.. Многому научился я у мастера Рихтгаузера, но самой сути дела, великой тайны своей он мне не открыл. Я должен был вскоре покинуть Вену, так как отец мой уходил тогда на покой и передавал мне аптеку. Однако кое-кому другому удалось-таки проникнуть в тайну мастера Рихтгаузера, и вот это-то обстоятельство и не дает мне покоя.

Господин Томазиус отпер шкаф, достал оттуда золотую монету и показал ее бакалавру. Это был дукат чистейшего золота, снабженный следующей надписью: «Искусством Венцеля Зейлера обращен я в золото из свинца».

Фриц Гедерих удивленно смотрел то на монету, то на аптекаря, который кивнул головой и продолжал грустным голосом:

— Я знал этого Венцеля Зейлера! Он служил помощником у Рихтгаузера, но был глуп и косолап, — годился разве лишь только в пожарные сторожа... И все же он *узнал* великую тайну. А я мучаюсь столько лет, и всякий раз, когда я бываю на волос от открытия, случается какое-нибудь несчастье! Однажды все шло как нельзя лучше, и микстура уже переливалась пурпуром, как вдруг в порыве радости я роняю сосуд на пол! В другой раз сажа попала в колбу, а вчера, — ну, да вы знаете, что произошло вчера!.. Теперь опять начну сызнова и уже завтра утром поеду в Аммерштадт сделать необходимые закупки. А вы, Фриц, будете отныне моим помощником и в *этой* работе. Я научу вас всему, что мне известно о великой тайне, чтобы после моей смерти не пропало достигнутое с таким трудом, чтобы кто-нибудь мог продолжать мое дело... Быть может, вы окажетесь счастливее меня и откроете тайну!.. Составлялся ли когда-нибудь ваш гороскоп? Нет? Вы должны позаботиться об этом, как только представится случай, ибо, как я уже сказал, многое зависит от воздействия планет на адепта. Ну, теперь вы знаете мой секрет, будьте же благоразумны и не болтайте

лишнего! А главное — ни слова магистру, — он способен обратить в *стихи* всю эту историю!

Фриц Гедерих обещал молчать, как рыба.

— Итак, завтра я еду в Аммерштадт, — закончил аптекарь. — Смотрите, как следует, за аптекой! Я просил уже магистра заглядывать по временам в домашние дела. Идите теперь работать!

На другой день рано утром небольшая коляска остановилась перед аптекой Золотого Льва. Из двери вышел господин Томазиус, провожаемый всеми домочадцами. Он поцеловал дочь, пожал остальным руки и сел в коляску, после чего еще раз обратился к остающимся с наставлением внимательно следить за всем в доме. Лошади тронулись по направлению к городским воротам.

Как только коляска аптекаря скрылась за углом, магистр вырос на два вершка: он почувствовал себя хозяином дома!

— Я отправлюсь теперь в лицей, — сказал он с миной полководца старой Ганне, — а по возвращении домой надеюсь застать все в надлежащем порядке. Вы же, юнгфер Эльза, сделайте мне одолжение, не смотрите так много из окна: вы же знаете, как этого не любит ваш отец.

Эльза покраснела от досады, но не нашлась ничего ответить магистру. Иное дело — Ганна! Она уперлась руками в бока и смотрела на говорившего сверкающими от гнева глазами.

— Господин магистр, — сказала она, — мне и в голову не приходит совать нос в ваши дела: делайте себе, что вам угодно, в своем лицее и в кабинете, хоть кувыркайтесь на здоровье, — только оставьте меня в покое! Я уже более двадцати лет живу в доме и знаю сама, что мне делать. Идите в свой лицей, а когда вернетесь домой, суп и без вашей помощи будет стоять на столе! Что же касается Эльзы, то она уже не ребенок, который может выпасть из окна. А если ей понадобится кто-нибудь из старших, то здесь налицо я, юнгфер Ганна Пторхшнабелин. Пойдем, Эльза!

И старая Ганна отправилась с Эльзой наверх. Магистр протянул на прощанье руку помощнику и сказал:

— Она, в сущности, неплохая женщина, только язык у нее — словно у благоверной мудрого Сократа! До свиданья!

В отсутствие отца Эльза намеревалась, собственно, привести в порядок белье, но теперь она передумала и все утро смотрела из окна, чтобы показать, как мало считается она с наставлениями магистра. Возвращаясь около полудня домой, он уже издалека увидел белокурую голову девушки у открытого окна, однако воздержался от каких бы то ни было замечаний, так как старая Ганна выглядела, словно готовая к обороне крепость, и, казалось, ждала только подходящего случая, чтобы пустить в ход тяжелую артиллерию.

После полудня, когда магистр снова ушел в лицей, Эльза продолжала свое утреннее занятие, однако вскоре оно ей надоело, так как на улице было пусто и тихо. Она отправилась в свою комнату и села здесь с рукоделием у открытого окна в сад.

Воздух был чист и мягок. Бузиновый куст под окном посылал вверх целые облака аромата; на одной из веток распевала овсянка:

«О, девушка, как все цветет!»

Через некоторое время с яблони соседнего сада послышался ответный щебет. Овсянка пела все громче, все призывнее, и вот уже на цветущей ветке сидели рядом две желтых птички. Они целовались клювами и щебетали так беззаботно, словно на свете и не было кошек.

Эльза вздохнула, сама не зная почему, затем опустила руки с шитьем на колени и стала смотреть на облака, медленно плывшие в сторону синих гор.

Ей вспомнился почему-то магистр... Эльзе не хотелось о нем думать, и все же он не выходил у нее из головы... Она стала считать от единицы до ста, потом в обратном порядке, но и это не помогало... Нет, она, в сущности, не сердилась на магистра! Она знала, что ее отец был о нем высокого мнения, и что он желал ей добра. Но *сейчас* она была в таком настроении, что мысль о магистре ей чем-то меша-

ла. Эльза мысленно дала себе слово приготовить ему завтра его любимое блюдо, тушеное мясо с овощами: она надеялась, что теперь-то он оставит ее в покое! Но нет, словно пробка из-под воды, то и дело всплывало перед ней лицо магистра и его сладенькая улыбка.

Она отложила работу в сторону и запела песню, которую с незапамятных времен поют девушки на всех языках:

Я хотела бы птичкой стать,
Чтобы к милому другу летать!

Однако, Эльза не знала, к кому хотелось бы ей полететь, — во всяком случае, не к магистру Ксиландеру! Так мысли ее вернулись к тому же. В досаде она снова села за рукоделье у окна. В это время открылась дверь, ведущая из дома в сад, и из нее показался Фриц Гедерих. Он шел на работу в сад.

Думы Эльзы приняли другое направление.

Помощник аптекаря выглядел в саду совсем по-иному, чем в аптеке, или когда он молча сидел за обеденным столом.... «Как прямо держит он голову! — подумала Эльза. — И волосы откидывает назад, словно молодой лев!» Она, впрочем, никогда не видала молодого льва... Вот он взял сразу обе лейки и наполнил их водой у колодца. Эльза знала, как тяжелы эти лейки. Она едва могла поднять одну из них обеими руками, а магистр, помогавший ей однажды в саду, вздыхал и кряхтел, когда ему пришлось нести одну только лейку. Между тем, Фриц Гедерих легко поднял обе и понес, словно два перышка!..

— Как он силен! — сказала вполголоса Эльза. — И как он строен!

Но тотчас же подумала не без досады: «Ну что ж? Будь он хоть Самсон или сам Зигфрид, мне-то какое дело?»

Она продолжала усердно шить.

«Возится там с цветами и воображает, что ничего на свете нет, кроме его глупых трав! Магистр — и тот в десять раз милее!... Нет, господин помощник, вы очень ошибаетесь, если думаете, что я на вас смотрю! Вот так самомнение!»

— Ай! — вскрикнула вдруг Эльза: она укололась иголкой. На ее белом пальчике показалась пурпурная капля. Теперь конец шитью! Она уложила свое рукоделье и через несколько минут уже была в саду.

Фриц Гедерих рылся в земле обеими руками, словно крот. Вдруг чья-то тень упала перед ним на грядку. Он поднял глаза и увидел лицом к лицу белокурую Эльзу. Бакалавр встал и поздоровался.

— Здравствуйте, господин Фриц! — ответила Эльза, и оба замолчали.

Фриц Гедерих взглянул на небо, откашлялся и пробормотал что-то о хорошей погоде.

Эльза тоже подняла свои голубые глаза к облакам и согласилась с замечанием господина помощника. Затем опять наступило молчание.

— А вечером все-таки может быть дождь, — продолжал Фриц, — вон оттуда приближается подозрительное облачко... Да и древесная лягушка вот уже целый час сидит под водой.

— Скажите пожалуйста, господин Фриц, ведь такая лягушка, должно быть, страшно умное животное! Не правда ли? Как это она знает, что скоро дождь пойдет?

Фриц Гедерих пожал плечами:

— Да, кто мог бы это сказать?

— Я спрошу когда-нибудь магистра. Он очень ученый человек и знает решительно все!

— Вот как, — ответил бакалавр, которому эта похвала пришлась не по душе, — тогда уж спросите его заодно, почему закрываются цветы выюнка, когда предстоит перемена погоды.

— А разве это так? — спросила Эльза и нагнулась, чтобы разглядеть цветы. — Это поразительно! Должно быть, вы очень любите цветы, господин Фриц?

— О, да! — ответил тот. — Ведь надо же что-нибудь любить... И поверьте мне, юнгфер Эльза, — если внимательно присматриваться к жизни трав, можно каждый день открывать нечто новое. Тут тоже есть тайны, которых никто, даже ваш магистр, не в силах постичь. Вот, например, рядом

два растения — мята и белена, они растут на той же почве и освещаются тем же солнцем, а между тем, одно из них целебно, а другое содержит сильный яд. Отчего это так? То же самое бывает и с людьми. У матери двое сыновей. Оба получают одинаковый уход, одинаковое воспитание, но один вырастает порядочным человеком, а другой бездельником. Кто мог бы все это объяснить?

Эльза смотрела на бакалавра большими глазами. Ей всегда казалось, что он вряд ли умеет досчитать до трех!.. И вот он говорит почти так же красиво, как магистр, — нет, еще гораздо лучше, так как магистра бывает трудно понять, а мысли господина помощника так просты, что кажутся ей ее собственными....

— Вы вероятно, очень учены? — спросила она робким голосом.

— Нет, не слишком, юнгфер Эльза! Но с Божьей помощью из меня мог бы выйти недурной ученый, если бы меня не постигло несчастье.

В Эльзе проснулось любопытство. Отец строго запретил ей расспрашивать нового помощника о его прошлом, и до сих пор она ни разу не нарушала этого запрета. Но теперь, когда Фриц Гедерих сам начал говорить о своей судьбе, она решилась спросить:

— Вы, должно быть, много пережили, господин Фриц?

— Да, — ответил он со вздохом, — много было и хорошего и дурного, особенно последнего...

— Знаете что? — сказала, рассмеявшись, Эльза. — Старая Ганна считала вас вначале заколдованным принцем или кем-то в этом роде....

Фриц Гедерих улыбнулся.

— Нет, отец мой был не королем, а только пастором. Впрочем, я смутно помню его: я был совсем маленьким, когда умерли мои родители.

— У вас нет ни отца, ни матери? — спросила Эльза.

— Да, они умерли от чумы. Мне было всего пять лет, когда великий мор пришел в нашу деревню. Сначала слег отец; к вечеру он скончался, и в ту же ночь умерли два моих брата. Я видел все это и ничего не понимал. На другой день

мать подозвала меня к своей постели и сказала слабым голосом: «Возьми каравай хлеба в мешок и беги к брату Габриэлю!» Я обрадовался словам матери, хотел обнять ее и поцеловать. Но она отстранила меня и сказала: «Беги, беги, словно за тобой горит!» Я выбежал из дома и помчался по деревне. На улице не было ни души, все двери были заперты, были собаки... Мне сделалось жутко, и я бежал изо всех сил. Брат Габриэль был учителем в соседней деревне. Он ласково принял меня и оставил у себя. Своей матери я больше уже не видал: она умерла и ее похоронили вместе с другими.

Фриц Гедерих замолчал. Эльза смотрела на него влажными глазами.

— Вы хоть знали свою мать... а моя умерла тотчас же после моего рождения. Это еще гораздо грустнее!

Фриц сочувственно посмотрел на Эльзу и протянул было ей руку, но, вспомнив, что она запачкана в земле, тотчас опустил ее.

— Дайте мне вашу руку, господин Фриц, — сказала Эльза. — Это не беда, что она в земле.

И они пожали друг другу руки, словно старые боевые товарищи.

Фриц Гедерих сбегал к колодцу и принес лейку с водой. Эльза первая опустила в нее свою маленькую ручку, потом вымыл руки и господин помощник. Но полотенца у них не было, и Эльза стала размахивать мокрыми руками, так что капли воды полетели в лицо господина помощника. При этом она хохотала, как расшалившееся дитя. Наконец, руки у них обсохли.

— Не расскажете ли вы мне еще о своей жизни? — спросила Эльза.

— Охотно, — отвечал Фриц, — мне было бы приятно высказаться, только не думаю, чтобы мой рассказ доставил вам много удовольствия...

— Обязательно расскажите! — поспешно сказала Эльза. — Пойдемте вон туда, на скамью. Там больше тени, чем здесь!

Под бузиновым кустом стояла грубо сколоченная скамья: на ней было места как раз для двоих. Здесь сидела те-

перь Эльза рядом с Фрицем, который рассказывал о том, как приемный отец отвез его в город, в латинскую школу, чтобы он мог стать настоящим ученым, к чему тщетно стремился сам Габриэль. Потом его воспитатель умер, предварительно вручив Фрицу отцовское наследство, которого было вполне достаточно для поступления в университет. Дальше Фриц стал рассказывать о своей жизни в университетском городе, о знаменитых профессорах и о веселых проказах студентов.

— Почти три года, — по-латыни это называется *trien-nium*, — продолжал Фриц, — изучал я в Цехштадте медицину. Стал бакалавром и готовился к диспуту, чтобы получить звание доктора, как вдруг все рухнуло...

Бакалавр остановился и опустил глаза.

— Если вам неприятно рассказывать о дальнейшем, я не стану настаивать, — сказала Эльза и хотела уже встать, но Фриц Гедерих удержал ее.

— У меня будет легче на сердце, если я выскажусь до конца. Юнгфер Эльза, я расскажу вам все, как на исповеди, а вы скажете мне, велик ли в ваших глазах мой проступок.

Маленькая белокурая исповедница была очень смущена. Господин помощник говорил так торжественно, дело начинало принимать серьезный оборот. Не лучше ли прекратить разговор? Кто знает, что за чудовище этот Фриц? Эльза вспомнила подслушанные ею обрывки его разговора с отцом, и мурашки пробежали у нее по спине. Но любопытство взяло верх, она осталась на скамье и стала слушать исповедь бакалавра.

— Был у меня один товарищ, — рассказывал Фриц, — очень странный человек! Его не радовали ни вино, ни веселье, ни песни. Он чувствовал себя хорошо только среди пожелтевших, запыленных пергаментов. Он просиживал над ними дни и ночи, стараясь постичь разные запретные тайны. Я пробовал уговаривать его, пытался силой ввести его в нашу веселую жизнь, — все было напрасно! Он продолжал уверять, что никакие земные радости не смогут заменить ему того тайного восторга, который он испытывает каж-

дый раз, когда перед ним поднимается занавес, отделяющий видимый мир от невидимого. Только тот, говорил он, достигает высшей степени учености, кто может подчинить себе тайные силы природы, кто может заклинать духов...

Эльза вздрогнула.

Бакалавр продолжал:

— Я сам почувствовал любопытство, и друг мой охотно согласился обучать меня. Мы часто сидели за полночь у лампы, разбирая магические формулы заклинаний, не раз пытались также вызывать духов, но они не являлись.

Однажды приехал из Кенигсберга странствующий студент, с которым товарищ мой вскоре подружился. Выяснилось, что приезжий студент был основательно посвящен в сокровенные тайны природы. За стол и квартиру он согласился обучать нас магии. Мы часто просили его совершить заклинание духов; он дал свое согласие, но откладывал со дня на день исполнение задуманного. Наконец, он назначил ночь, когда должен был состояться вызов духов.

Была тихая, темная весенняя ночь, когда мы решились приступить к делу. Все окна и двери были тщательно заперты. Студент из Кенигсберга начертил на полу круги и вписал в них магические знаки. Мы сидели во внутреннем круге; перед нами стояли три горящих свечи и таз, наполненный пылающими угольями. Приезжий студент дал нам еще некоторые наставления, потребовал соблюдения полной тишины, и заклинание началось.

Он бросил в уголья трав и благовонных веществ, и, когда поднялась струя мутно-желтого дыма, прочитал молитву. Затем он взял в руки книгу и стал произносить магические формулы. Он читал долго; комната наполнялась дымом от угольев, и огоньки свечей выступали в темноте темно-красными точками. Мне казалось, что я слышу издадека пение и музыку, в столбе дыма мне мерещились какие-то странные образы... Пение и музыка становились все громче... Непреодолимый ужас охватил меня... Я хотел вскочить и в этот момент потерял сознание.

— Ах, как это ужасно! — сказала Эльза. Она смотрела на рассказчика испуганными глазами.

— Когда я пришел в себя, — продолжал бакалавр, — я увидел себя в постели. Вокруг меня суеилось много людей. Меня засыпали вопросами, но голова моя была тяжела, как свинец, и я ничего не соображал. Только постепенно я вспомнил все происшедшее и узнал, что меня и обоих моих товарищей нашли утром лежащими без сознания на полу. Кенигсбергский студент был мертв, меня же и моего друга удалось привести в чувство; однако, выздоровел только я, — мой бедный товарищ через несколько часов испустил дух.

Едва успел я поправиться настолько, что мог стоять и ходить, меня отдали под суд и заключили в тюрьму. Мой друг признался перед смертью во всем, что ему было известно, — возможно, впрочем, что, охваченный страхом смерти, он рассказал больше, чем знал... Во всяком случае, господ из консистории не оставили меня в покое. Я должен был признаться, что мы состояли в союзе с чертом, так как в городе говорили, что именно черт сломал шею кенигсбергскому студенту, а оба других заклинателя лишились сознания от страха. Правда, среди профессоров медицины нашлись люди, утверждавшие, что причиной несчастья был угар от угольев, — то же самое говорит и ваш отец, — но это мнение не нашло поддержки. Духовенство и судьи продолжали стоять на том, что в деле замешана нечистая сила, и строгое расследование продолжалось. Само собою разумеется, я и не хотел и не мог дать желательного для них показания. Тогда было решено подвергнуть меня пытке.

Эльза вся дрожала; ее глаза наполнились слезами.

— И вот в ночь перед пыткой (мне никогда не забыть ее) я ходил в отчаянии взад и вперед по своей камере. Вдруг загремели затворы, дверь открылась, и в камеру вошли мои друзья. Чтобы спасти меня от ожидавших меня мучений, они подкупили тюремного сторожа и пришли освободить меня. В ту же ночь я перешел границу и, только достигнув гор, решил немного отдохнуть.

Фриц Федерих остановился и взглянул на Эльзу. Она сидела с опущенными глазами, избегая смотреть на рассказчика.

Бакалавр рассказал дальше о том, как он встретил в лесу странствующего медика и стал его спутником. Об очаро-

вавшей его цыганской красавице Фриц умолчал, — возможно, потому, что уже не помнил этого случая! Он поведал о своих странствованиях в обществе ярмарочного шарлатана и о том, каким несчастным чувствовал он себя все это время; о том, наконец, как они прибыли в Финкенбург, где отец Эльзы протянул ему руку спасения.

— Теперь вам известна вся моя жизнь, — закончил Фриц, — вы знаете также, что гнетет меня... И если вы теперь отвернетесь от меня, я не буду поминать вас лихом...

— Нет, господин Фриц, — возразила Эльза, — я не сделаю этого. Отец взял вас к себе в помощники и вполне доверяет вам, а он знает, что делает. Мне, правда, сдается, что вы вели кощунственную игру с этими заклинаниями, но вы жестоко поплатились за свою ошибку и давно уже искупили вину.

Фриц нагнулся и поцеловал руку оправдавшей его девушки.

Эльза быстро вырвала у него свою руку и густо покраснела. Если бы кто-нибудь это видел! Она мельком взглянула на окна дома, но там не было видно ни души.

Фриц Гедерих закончил свой рассказ, и молодые люди могли бы теперь разойтись, но они продолжали сидеть под бузиновым кустом, глядя перед собой на песок.

— Теперь, — начала Эльза, — я могу объяснить себе вашу молчаливость. Видите ли, господин Фриц, вначале я почти сердилась на вас за то, что вы были немые, как рыба... И я думала, — не осуждайте меня за это! — я думала, что у вас здесь (она постучала себя пальчиком по лбу) не все в порядке. Теперь я знаю, что заставляло вас молчать, и от всего сердца прошу простить меня.

— Вам не за что просить у меня прощения, — возразил Фриц. — Несчастье сильно подействовало на меня. Я был когда-то весельчаком, любил поговорить, и меня ценили за это. Теперь, как видите, я совсем притих. Этот покой и постоянная работа в доме вашего отца мне очень приятны и полезны. Меня ничуть не тянет назад, в шумную жизнь людей; я хотел бы здесь закончить свои дни...

«Бедный мальчик», — подумала про себя Эльза и сказала:

— Вы снова будете веселым и полным жизни, — подождите только! Воспоминание о тяжелых переживаниях еще слишком живо в вас, но пройдет еще год, и вы перестанете думать о своем несчастье. У меня была однажды кипрская кошечка, такая хорошенькая! Белая, как снег, и изящная, словно принцесса! Когда она умерла, я много плакала и думала, что никогда не забуду своего горя, но прошло восемь дней, и я снова была весела, как раньше. Так будет и с вами.

Фриц Гедерих от души рассмеялся.

— Ну, вот видите, вы уже можете смеяться! Это хорошо. Знаете ли вы сказку о принцессе, которая не могла смеяться? Не знаете? Я вам когда-нибудь расскажу ее. Впрочем, что это за глупости я болтаю?

Фриц поспешил уверить Эльзу, что учнейшие речи его бывших профессоров никогда не доставляли ему столько удовольствия, как ее милая болтовня.

И Эльза продолжала говорить. Она рассказывала о своем детстве, о покойной тете Урсуле, о кипрской кошечке и магистре Ксиландере. Фриц Гедерих слушал ее болтовню внимательно, словно проповедь, смотрел в ее голубые глаза и радовался, видя ее маленькие белые зубки.

Эльза сказала, что магистр, в сущности, хороший человек, но что она его все же терпеть не может, и это ей неприятно; она рада, что встретила наконец человека, с которым можно поговорить. И господин помощник пусть, ради Бога, не думает, что она осуждает его за прошлое, — наоборот, она очень высоко его ценит, и, если бы у нее был брат, то и к нему она не могла бы испытывать большего расположения. У нее, правда, никогда не было брата, а если бы был, то ей хотелось бы, чтобы он был точь-в-точь, как господин помощник, только чуточку повеселее!

Выслушав эти слова, Фриц Гедерих не считал возможным молчать и стал говорить о добродетелях и хозяйственности юнгфер Эльзы, восхваляя также ее умение готовить кушанья и рукодельничать. Он перешел затем к очарованию ее

милых речей, ее шелковистых волос и голубых глаз.

Эльза сидела молча, опустив глаза. Она позволила Фрицу взять ее руку в свою — и тихонько гладить.

Над ними шелестел бузиновый куст, на них осыпались белые лепестки, и на одной из веток распевала овсянка:

«О, девушка! как все цветет вокруг!»

Эльза чувствовала, как сильно бьется ее сердце; она хотела взглянуть на Фрица, но не решалась поднять глаза, и все же знала, что его взгляд покоится на ней.

— Эльза, — тихо сказал Фриц Гедерих.

Она вздрогнула, когда он назвал ее по имени, подняла голову, и их глаза встретились, его — карие, ее — голубые.

— О, милый, — прошептала Эльза. В это время заскрипели ворота, и в сад вошел магистр.

Они быстро отодвинулись друг от друга. Фриц поспешно нагнулся к земле и стал внимательно рассматривать цветы вероники. Эльза же с сильно бьющимся сердцем пошла навстречу магистру, насколько могла любезным тоном сказала ему: «Добрый вечер», но быстро прошла мимо и вздохнула свободно, лишь закрыв за собою дверь дома.

Приведенный в веселое настроение приветливым поклоном Эльзы, магистр проследовал дальше и застал господина помощника у лекарственных трав. Он усердно рылся в земле, напевая что-то вполголоса, и был так увлечен работой, что не заметил приближения магистра. Когда тот окликнул его, Фриц испуганно выпрямился и должен был выслушать шутливое замечание магистра о путливости некоторых молодых людей.

Глава VI

МАГИСТР СОЧИНЯЕТ КОМЕДИЮ

Господин Томазиус вернулся из своей поездки. В потайной лаборатории были установлены приборы, и началось обучение.

Фриц Гедерих был очень понятлив, к тому же он знал многое, о чем аптекарь не имел ни малейшего представления. Так, например, он умел выращивать свинцовые деревца, и знал еще немало других любопытных экспериментов, неизвестных господину Томазиусу.

Об аптекарском ученике господина Томазиуса мы упоминали всего только один раз, но он не играет существенной роли в нашем рассказе, и в дальнейшем мы будем лишь изредка говорить о нем. Между тем, следует признать, что за последние месяцы он сделал большие успехи в своей науке, и его хозяин уже без всякой боязни поручал ему составление лекарств по рецептам. Таким образом, большую часть дня Фриц Гедерих мог работать в потайной лаборатории.

С Эльзой он встречался только во время обеда. При этом оба они старались ни одним взглядом не выдавать своей тайны.

Один только человек в доме знал о том, что с ними происходило: это была старая Ганна.

Когда вечером, после известного разговора в саду, Эльза вместо соли насыпала в подливку к жаркому сахара, а перед отходом ко сну так обняла старушку, что чуть не задушила ее, — у Ганны возникло подозрение. Она начала наблюдать за своей любимицей и вскоре пришла к убеждению, что не ошиблась. Старуха уже начала подумывать о том, что ответить, если Эльза доверится ей.

«Вот так новости, моя девочка! — так начнет она. — А что скажет па это твой отец, что скажет магистр?»

Тогда, думала старушка, Эльза бросится ей на шею, заплачет и шепнет: «Моя добрая, старая Ганна, посоветуй, что мне делать». И она ответит тогда:

«Успокойся, Эльза, это, конечно, скверная история, но, если дело зашло так далеко, обдумаем все хорошенько и уже как-нибудь постараемся, чтобы вся история имела счастливый конец. Только не плачь, мое золотце, — я что-нибудь да придумаю. С Божьей помощью и при содействии юнгфер Иоганны Шторхшнабель все пойдет к лучшему».

Ганна думала, что ей придется говорить именно в таком духе.

Эльза, однако, была все время замкнутой и молчаливой и не обращала никакого внимания на намеки старухи. Ганна сильно опечалилась и решила приняться за виновника всей этой истории.

Последний, однако, начал петушиться, когда старая экономка приступила к нему с расспросами. С каким-то ожесточением он стал клясться и божиться, что ровно ничего не произошло. Однако, искушенная жизненным опытом Ганна пришла к совсем противоположному выводу: что-то именно произошло! Но из гордости она решила, что больше не будет вмешиваться.

А господин Томазиус продолжал работать без устали. Фриц деятельно ему помогал. Кроме того, он пытался самостоятельно делать новые опыты, — хозяин заразил его своей золотой лихорадкой!

«Чем я хуже других? Почему бы мне первому не проникнуть в тайну золота?» — думал он иногда во время работы, процеживая какой-нибудь раствор.

Господин Томазиус каждый день повторял: «Я ведь не о золоте думаю, — для меня важно сделать это *открытие*».

А Фриц Гедерих говорил про себя: «Ну что ж? — и я не о золоте думаю! Но если найду его, то смогу во всем открыться хозяину. Пойду к нему и скажу: так и так обстоят дела».

В плавильной печи ярко пылал огонь, в тигелях и колбах кипело, и у обоих изобретателей кружились головы. Эльза каждый день разбивала по тарелке; старая Ганна была так обижена замкнутостью своей любимицы, что чувствовала себя как бы отстраненной от должности; ворон Яков усиленно линял, а магистр... о нем-то как раз мы сейчас и расскажем.

Ректор Финкенбургского лицея, господин Пауль Крузиус, каждый год торжественно праздновал день своего рождения. Занятия в школе отменялись. Пышно разодетый, с золотой цепью — дар князя Маврициуса — на шее, ректор сидел в своей комнате и ждал.

Сперва являлась депутация от учеников, которые преподносили ему книгу или какую-нибудь вещь домашнего обихода; ученик старшего класса произносил обыкновенно речь на латинском языке, причем оратор неизменно запинаясь. Господин Крузиус благодарил его и без запинки отвечал также по-латыни. Расфранченная ректорша подносила каждому члену депутации по кубку вина и по куску сладкого пирога. Этим заканчивалась первая часть праздника.

В десять часов на лестнице раздавался грохот шести пар сапог: это вся учительская коллегия лицея, в праздничных одеяниях, направлялась к ректору. Ученые мужи преподносили ему поздравительную оду на латинском языке, после чего удостоивались приглашения «на ложку супа».

За обедом, который далеко не ограничивался ложкой супа, бывало обыкновенно очень весело. Ученые мужи — вместе с ректором их было как раз семеро — величали себя именами семи греческих мудрецов: ректор звался Солоном, конректор — Биасом, терций — Фалесом и т. д. Все это служило поводом для шуток, и семь мудрецов принимались иногда так хохотать, что весь стол сотрясаясь от их смеха.

Точно таким же образом протекало торжество и в этом году, с той лишь разницей, что, кроме представителей учительской коллегии, к обеденному столу были приглашены бургомистр, суперинтендант и диаконус.

В данный момент вся компания только что принялась за сладкий пирог, которым завершался обед. Магистр Ксиландер произнес приличествующий случаю тост, после чего стали говорить о том и о сем. Само собою разумеется, коснулись и предстоящего приезда в город нового князя.

Бургомистр рассказал о задуманных по этому случаю тор-

жествах, и затем неожиданно спросил ректора о том, каким образом лицей примет участие в общем празднестве.

Солон даже нож выронил из рук: он еще не успел подумать об этом! Растерянно обвел он глазами своих коллег, но все шесть мудрецов сидели молча и, раскрыв рты, глядели на своего руководителя. Наконец, ректор поборол смущение и заявил бургомистру, что уже обдумывал вопрос, но не пришел пока ни к какому определенному решению. Как только дело решится, он немедленно сообщит обо всем бургомистру.

Когда встали из-за стола, ректор дал знак своим коллегам, чтобы они остались. После ухода бургомистра, суперинтенданта и диаконуса, семь мудрецов стали держать совет: как отпраздновать лицеем посещение города князем Рохусом. Конечно, вся школа *in* согроге будет присутствовать при торжественном въезде нового государя, но нужно было еще нечто — из ряда вон выходящее.

Толстый конректор предложил устроить большой пир в честь князя, но все решили, что это будет стоить слишком дорого. Другой ученый муж посоветовал заказать памятную доску с пышной надписью, но это показалось недостаточным. Третий предложил поставить в главной зале лицея бюст нового государя между бюстами Цицерона и Гомера, однако ректор возразил на это, что князю не подобает красоваться между этими мужами, из коих один был только бургомистром Рима, а другой всего лишь поэтом.

Ректор решил, наконец, что следует навести справку в хронике лицей. Вскоре принесли запыленную книгу. После недолгих поисков, наши мудрецы узнали, что лет пятьдесят тому назад, лицей по случаю таких же точно торжеств поставил комедию под названием «Блудный сын». Это представление — по словам хроники — имело очень шумный успех, и тогдашний князь осыпал милостями лицей.

Когда ректор прочел до конца, все глаза обратились на магистра Ксиландера, который, однако, отнесся к этому с полным равнодушием.

— Да, это было бы неплохо, — заявил господин Крузиус. — Что вы об этом думаете, мои почтенные коллеги?

Пять ученых мужей склонили головы.

— А вы что думаете, господин Ксиландер? — продолжал ректор. — Именно *вам* следовало бы заняться устройством представления.

Магистр молчал.

В его груди боролись самые противоречивые чувства. Ему предлагали написать комедию в честь князя Рохуса, который так глубоко его обидел!

Все коллеги начали его уговаривать, чтобы он согласился.

Тогда Ксиландер сказал, что ему нужно как следует обдумать этот вопрос.

— Постарайтесь как можно скорее дать ответ, — сказал ректор. — Через шесть недель приедет наш светлейший князь, а нам ведь придется много времени потратить на обучение учеников, чтобы они не ударили лицом в грязь!

Магистр обещал ответить завтра же. После этого все семь мудрецов разошлись по домам.

Весь вечер и часть ночи Иероним провел в раздумье. «Согласись, согласись, — шептал ему некий тайный голос, — тебя ожидает слава!» — «Не соглашайся, не соглашайся, — говорил другой голос, — разве ты уже позабыл обиду?»

Так и не разрешив сомнений, он растянулся наконец на перине, но и здесь не нашел покоя — все ворочался с боку на бок и задремал лишь под утро. Ему приснился странный сон.

Он стоял в большой пышной зале, — кругом было много народа — весь княжеский двор и немало всякого другого люда. У князя в руках был длинный свиток пергамента и он возгласил громким голосом: «Пусть подойдет к нам магистр Ксиландер!» Он хотел было пойти на зов, но не смог двинуться с места, — он как бы врос в землю и лишился дара речи. Вдруг раздался чей-то звучный голос: «Это брат мой во Аполлоне — магистр Иероним Ксиландер». И некий муж в лавровом венке, протискавшись сквозь толпу, подошел к нему, взял за руку и подвел к князю. Магистр посмотрел на своего неожиданного покровителя и узнал в нем поэта Мартина Опица из Боберфельда... Тут он проснулся. Пря-

мо в окно светила луна. Спросонья взглянул он на портрет увенчанного поэта и — о ужас! — Мартин Опиц кивнул ему.

Магистр с головой спрятался под одеяло. У него зуб на зуб не попадал от страха.

На другой день господину Томазиусу сразу же бросилась в глаза бледность магистра, и он решил прописать ему микстуру; магистр, однако, решительно отказался от этой любезности, скушал свой утренний суп и поспешил в лицей.

Там он сообщил ректору Крузиусу, что согласен взяться за предложенную ему работу, но для успешного выполнения ее просит освободить его от чтения половины лекций. Ректор согласился. В тот же день вечером в «музее» магистра сидел Фриц Гедерих. Они говорили о предстоящем представлении.

— Фабулу, конечно, следует взять из Библии, — сказал магистр, — но какую именно? Девы разумные и неразумные

уже всем надоели, как и Иона во чреве китовом.

Бакалавр кивнул головой.

— В таком случае, напишите о Данииле, брошенном в львиный ров.

— Гм... неплохо, — сказал магистр и опустил свою многотрудную голову. — Можно будет одеть двух лицеистов в львиные шкуры и научить их рычать. А впрочем, из этого ничего не выйдет! Нет действия.

— Тогда напишите о трех отроках, брошенных в печь огненную.

— Прекрасно! Мы разведем в театре адский огонь — это придется по вкусу зрителям, однако, как бы не сгорели наши лицеисты!

— Может быть, возьметесь за Валаама с его ослицей, — предложил Фриц. — Публика придет в восторг, когда ослица начнет говорить...

— Нет, господин бакалавр, это не подойдет! Ослу нечего делать на сцене, когда в театре присутствуют важные господа.

— Нашел, нашел! — закричал Фриц. — Что вы скажете о браке в Кане Галилейской?

— Вот это будет славно! — магистр даже привскочил. — Свадьба в Кане! Как я раньше не догадался? Это великолепно! Сперва свадебный пир, затем превращение воды в вино, — под конец веселые пляски, — о, это им понравится!

Магистр взволнованно заходил по комнате и, страстно жестикулируя, начал развивать сюжет. Вдруг он остановился и ударил себя по голове.

— Нет, не годится, — сказал он с сожалением. — Я не смогу ввести в игру дьявола.

— А разве это так необходимо?

— Конечно! Наши представления так же связаны с чертом, как свет с тенью. Или дьявол, или смерть, а всего лучше — оба вместе.

— У меня блестящая идея, господин магистр! Если Люцифер так необходим, — то пусть он втихомолку выпьет вино из сосудов, которые потом наполняет Господь.

— Озолотить вас нужно! — воскликнул магистр. — Так оно и будет! В то время, как гости будут в церкви, появится дьявол или, лучше всего, целая орава чертей; чтобы посмеяться над Господом нашим Иисусом Христом и гостями, они выпьют все вино. Это совсем ново — и вызовет всеобщее одобрение! Очень вам благодарен за прекрасный совет и постараюсь не остаться в долгу. Если комедия понравится, и наш милостивый князь спросит меня: «Мой дорогой магистр, мой старый друг, как вы придумали эту чудесную комедию?» — я скажу ему: «Светлейший государь, основная мысль, идея — не моя, а моего друга, бакалавра Фрица Гедериха». А что дальше, видно будет. Теперь — за работу!

Он достал бумагу, чернила, перья и подлил свежего масла в лампу. Бакалавр сказал, что не хочет мешать, распрощался и ушел, провожаемый словами благодарности.

Магистр засел за свой пульт и принялся сочинять так усердно, что пот лил с него градом.

Как раз под ним — этажом ниже — сидела у окна Эльза и мечтательно всматривалась в горы и облака. Она поглядывала иногда и в ту сторону сада, где росли лекарственные травы, которые изо дня в день приходили в запустение, — с тех пор, как господином помощником овладела золотая лихорадка.

Этот последний находился в это время в подвальном помещении. Он стоял около плавильной печи рядом с Томазиусом и что-то кипятил и поджаривал. Только одно мешало его работе — образ белокурой Эльзы, глядевший на него изо всех колб и реторт.

Глава VII

КНЯЗЬ ЕДЕТ

Эльза, одетая в белое платье, разукрашенное цветами, стояла посредине своей горницы, а старая Ганна, стоя перед ней на коленях, оправляла ее наряд; на свою любимицу она глядела с искренним умилением.

Но вовсе не с умилением, нет! с завистью поглядывали на Эльзу две других, так же пышно разодетых девушки, — бургомистрова Кэтхен и дочь городского писца Лора, которые зашли за своей подругой, чтобы вместе отправиться на празднества. Все три девицы должны были играть довольно важную роль в сегодняшних торжествах по случаю въезда князя в Финкенбург.

Ганна встала, отступила на шаг назад, уперлась руками в бока и еще раз с ног до головы оглядела свою Эльзу.

— Ты самая что ни на есть красавица, — сказала она с полным убеждением. — Воображаю, какие глаза будут у князя, когда он тебя увидит!

Кэтхен и Лора задрали свои носики кверху. Первая из них пытливо посмотрела на Эльзу и вдруг сказала:

— Ганна права, Эльза! Жаль только, что видна родинка, которая у тебя на плече. Следовало бы ее скрыть!

Эльза густо покраснела и отвернулась. Кэтхен с торжествующим видом посмотрела на Лору.

— Родинка нисколько не мешает, — проворчала старая Ганна, — она только оттеняет белизну кожи. Ах, Эльза, одевая тебя сегодня, я все время думала, когда же мне придется наряжать тебя к венцу. То-то будет торжественный день! И я уверена, что он скоро наступит. Весной я спрашивала кукушку, и она прокуковала только один раз. А эта птица никогда не врет: знаю по опыту. Когда я была молода и хороша, я о том же спрашивала кукушку, — и она шестьдесят раз подряд прокуковала мне. Через два дня после этого забрили моего Петера — и целых двадцать лет он пробыл в солдатах, а я так и осталась старой девой...

Болтовня старухи порядком наскучила белокурой Эльзе. К тому же она успела заметить, что ее подруги втихомолку подсмеиваются над Ганной.

— Ах, если бы вы знали, как у меня беспокойно на сердце! Очень хотела бы, чтобы все эти торжества были уже позади, — сказала Эльза, обращаясь к подругам.

— Тебе нечего бояться, моя милая! У тебя с Лорой — простая роль: вы должны преподнести нашему государю цветы, а мне (тут Кэтхен стала на два вершка выше) — а мне поручено сказать ему приветственную речь.

Она достала из-за корсажа лист бумаги и стала читать:

— «Светлейший князь, все милостивейший наш государь, светлейшая княгиня» и так далее. Только бы в начале не сбиться! Потом уж не так страшно будет.

Все три подруги приготовились, наконец, к выходу. Старая Ганна вышла из комнаты и постучала в дверь тайной лаборатории. Когда пышно разряженные девушки спускались вниз по лестнице, Фриц Гедерих стоял в сенях и грубокомысленно рассматривал какой-то корешок. Он вежливо поклонился, а Эльза подарила ему молниеносный взгляд.

— Кто это такой? — спросила Лора,

— Это *только* помощник господина Томазиуса, — ответила Кэтхен. Эльза вспыхнула. Ей захотелось сказать колкость, но она сдержалась и промолчала.

На крыльце перед аптекой грелся на солнышке взъерошенный ворон Яков. Когда девушки вышли из дома, он подлетел к ним и называл Эльзу по имени. Но ни она, ни ее спутницы не обратили на него никакого внимания, и ворон обиженно отошел в сторону.

Весь город был пышно разукрашен. Дома были увешаны гирляндами. Повсюду развевались флаги с цветами обоих городов — Финкенбурга и Аммерштадта. Все лавки были закрыты, целые толпы по-праздничному разодетых горожан устремлялись к специально воздвигнутой триумфальной арке у городских ворот.

Вскоре после ухода Эльзы отправился и сам господин Тамазиус, в парадном одеянии и огромном парике, — этот торжественный головной убор придавал ему сходство со

львом. В руках он держал маленькую, обшитую золотыми галунами шляпу. Он пошел к ратуше, — там должны были собраться все сенаторы во главе с бургомистром, чтобы вместе отправиться навстречу высочайшим особам.

Ворон Яков изумленно глядел вслед своему хозяину.

Немного позже вышел из дому магистр, а за ним отправилась и расфуфыренная старая Ганна.

Около триумфальной арки, построенной близ городских ворот, все уже было в должном порядке. На самом верху арки поместились городские трубачи. Для поднятия настроения они захватили с собой бочонок вина.

Под аркой стоял бургомистр, окруженный сенаторами; он был похож на индейского петуха, разгуливающего посреди своих индюшек. Далее стояло духовенство и три знакомых нам девушки — Кэтхен, Лора и Эльза. Вокруг них толпились другие девушки Финкенбурга, — они должны были усыпать цветами путь во время проезда князя. Дальше выстроились ученики, за ними — цеха со своими знаменами, а в самом конце княжеские гренадеры, стоявшие шпалерами до самого входа во дворец. Эти храбрые воины стояли довольно далеко друг от друга, ибо до дворца было не так уж близко.

Въезд должен был состояться в десять часов, но уже за полчаса все было готово.

Бургомистр держал в руках подушку из алого шелка: на ней лежали заново позолоченные ключи от городских ворот. В этот момент он сильно напоминал кормилицу с младенцем на руках. Про себя бургомистр повторял речь, которую ему предстояло сказать.

Прошло десять часов. Прошло еще четверть часа, князь все не ехал. Солнце палило вовсю. Люди устали от долгого стояния — у всех пересохло во рту. Наконец, прискакал всадник и сообщил, что высочайшие особы прибудут через час.

Бургомистр вопросительно посмотрел на сенаторов. Битый час ждать! Не лучше ли пока что отправиться в ближайший трактир «Золотого Гуся» — там можно будет выпить

кружку-другую пива... Отцы города ответили на это согласием и двинулись к «Золотому Гусю». Оставшиеся разделились на группы и, чтобы убить время, занялись разговорами. Впрочем, у некоторых предусмотрительных бургомистров оказалась закуска и даже бутылочки с крепкими напитками. Они вытащили из карманов свои запасы и по-братски делились с друзьями и соседями.

Хозяин «Золотого Гуся», — по случаю праздника нос у него был еще краснее, чем обыкновенно, — с низким поклоном встретил важных господ и тотчас же подал им прохладительные напитки. Но едва бургомистр поднес кружку к губам, как на улице послышался шум, и на церковной башне затрезвонили. Это означало, что княжеский кортеж приближается к городу. Не омочив даже губ, бургомистр стремительно вылетел из трактира и что есть духу побежал к триумфальной арке. Едва запыхавшиеся отцы города встали по своим местам, как уже показались на взмыленных конях первые фореиторы.

Музыканты затрубили, колокола затрезвонили; с большими промежутками раздавались выстрелы старой пушки.

Вдали показалось целое облако пыли. «Едут, едут!» — пронеслось в толпе. Бургомистр изо всех сил вцепился в пурпурную подушку.

Его дочка Кэтхен то краснела, то бледнела.

— «Светлейший наш князь... и мать народа...» — шептала про себя Кэтхен. — Эльза, у меня голова кружится, дай мне, пожалуйста, твой флакончик с нюхательным спиртом...

Но Эльза не успела его вытащить: к арке уже подкатила блестящая карета. Князь и княгиня сидели рядом. Позади них на маленьком сиденье помещался маленький принц. Коляска остановилась перед триумфальной аркой. Бургомистр выступил вперед, и все сошло гораздо легче и проще, чем он представлял себе. Князь сказал в ответ несколько ласковых слов, и когда девушки подошли к карете и благополучно вручили букеты, высочайшие особы добродушно заулыбались. Дочка бургомистра сказала свою маленькую речь, и княгиня, очень красивая и приветливая дама, протянула руку сначала Кэтхен, а потом ее подругам; каждую

из них она спросила, как ее зовут. Маленький принц также потянулся ручонками к девушкам. Старая Ганна, внимательно наблюдавшая всю эту сцену, заметила, что малютка-князь слегка дернул Эльзу за ее белокурые локоны, и добрая старушка очень обрадовалась этой — на ее взгляд — большой милости. После этого карета тронулась. Девушки бросали цветы, школьная молодежь по знаку учителей кричала «виват», почтенные цеховые ремесленники размахивали своими знаменами и с громкими криками подбрасывали шляпы, гренадеры стояли на караул. Наконец, княжеская карета въехала во двор замка. Музыка смолкла, прекратился колокольный звон, и только из пушки дали еще несколько выстрелов. Бургомистр, сенаторы, духовенство, разряженные девушки, ремесленники, школьники и гренадеры в строгом порядке двинулись в город. На этом, однако, торжество не кончилось.

Господин Томазиус разыскал свою дочь в толпе и пошел с нею домой. Он с гордостью посматривал на свою белокурую Эльзочку, которая чинно шла с ним рядом. Вскоре к

ним присоединился и магистр. Томазиус любезно раскланивался направо и налево. Все глядели на них с уважением. Аптекарь был в превосходном настроении. Сам он являлся представителем богатства, Эльза воплощала красоту, а магистр — ученость. Чего ему еще недоставало?

У дверей дома стоял Фриц Гедерих. По-видимому, он поджидал аптекаря.

— Господин Томазиус, — крикнул бакалавр, — я...

Тут он посмотрел на Эльзу, которая глядела на него сияющими глазами, и вдруг позабыл, что хотел сказать. На мгновение его осенила мысль: забыть все, броситься на шею Эльзы и поцеловать ее в алые губы... его прогнали бы, конечно, из дома, но зато — какое это было бы счастье!

— Оборванец, — прокаркал ворон Яков, и Фриц опомнился.

— Что такое случилось? Почему вы уставились на меня, как баран на новые ворота? — шутливо заметил Томазиус. — Разбилось что-нибудь? Да говорите же!

— Никакого несчастья не произошло, — напротив! Последуйте за мной — я вам сейчас кое-что покажу.

— Пожалуйста, проводите Эльзу наверх, господин магистр, а я пойду взгляну, что там такое у Фрица, — сказал Томазиус.

Эльза стала подниматься по лестнице в сопровождении магистра, а Фриц повел аптекаря в лабораторию.

— Смотрите-ка, — шепнул Фриц и протянул своему принципалу плавленный тигель. Аптекарь испустил крик радости.

— Золото, золото! Эй, парень, дай-ка я тебя обниму. Рассказывай, как ты достиг этого!

— Сперва убедитесь, действительно ли это золото, — возразил Фриц, но в голосе его слышалось торжество.

Аптекарь не слушал его. Он не сомневался, что на дне тигеля мерцало чистое золото. Руки у него дрожали от волнения.

— Говорите, говорите же, — бормотал он, — как вы сделали это открытие?

Фриц начал объяснять. Сперва он выделил из киновари серу, а затем ртути, — в осадке получилось золото.

— Подождите-ка, — сказал господин Томазиус, — я переодеюсь и тотчас же вернусь, тогда мы вместе проделаем ваш опыт с начала до конца.

Томазиус снял с себя парадную одежду и быстро оделся в рабочее платье. Через несколько минут он уже возвратился в лабораторию.

— Живо, Фриц! Давайте сюда киноварь!

Молодой человек достал банку с киноварью и повторил опыт. Томазиус, затаив дыхание, следил за движениями бакалавра, который работал с лихорадочной быстротой. И опять дно сосуда покрылось слоем золота.

— Очень хорошо, Фриц, — хрипло сказал аптекарь, — ваше счастье! Правда, это не тинктура, и большой выгоды ждать нельзя: киноварь стоит дорого, а золота выходит мало. Но все-таки вам удалось добыть чистое золото!

После долгой паузы он сказал неуверенным голосом:

— Фриц, ведь я вам друг...

— Совершенно верно, господин Томазиус! Бог знает, что вышло бы из меня, если бы вы не приняли во мне горячего участия!

— Я вовсе не это имел в виду, Фриц. Видите ли, я богат, богаче, чем вы думаете... Мне хочется вас осчастливить. Фриц, заклинаю вас, — продайте мне вашу тайну! Мне уже пятьдесят пять лет. Всю жизнь я мечтал открыть эту великую тайну. И теперь вот — как снег на голову — такой случай, такой счастливый случай! Продайте мне вашу тайну, уступите мне славу и честь открытия. Я дам вам много денег, — вам хватит на всю жизнь.

— Господин Томазиус, — сказал Фриц срывающимся голосом, — я продам вам свою тайну!

— Вы — золотой человек!

— Я уступлю вам и честь и славу, если вы...

— Что, что? Да, скорее же, наконец! Чего ты хочешь от меня — о, сын мой?

— Выдайте за меня Эльзу! — тихо сказал Фриц и опустил глаза.

— Ай, ай, — простонал аптекарь, — об этом я не думал. Бедный мальчик! Выбрось это из головы: все равно ничего не выйдет! Конечно, Эльза должна была прийтись тебе по вкусу, — она ведь самая красивая девушка в городе, во всей нашей стране! Но, милый мой мальчик, лучше выбей эту дурь из головы! Послушай, Фриц! Я тебя озолочу, отдам тебе аптеку, — ведь это предприятие очень, очень выгодное. Я сосватаю тебе какую хочешь девицу — и богатую, и красивую, например, бургомистерскую Кэтхен, — ее непременно отдадут за тебя! Кстати, бургомистр — мой свояк. Но Эльзу не отдам!

— Почему же вы отказываете мне в руке вашей дочери? — спросил Фриц упавшим голосом. — Чем я плох?

— Я бы с удовольствием сделал тебя своим зятем, ответил Томазиус, — но, видишь ли, Эльза — мое единственное дитя, она для меня дороже жизни, я не могу ее принудить выйти за тебя замуж! Магистр, магистр Ксиландер покорила ее сердце своей ученостью и тонким обхождением, и ни о ком другом она и слышать не хочет! Поэтому, как только Эльза подрастет, она выйдет за него замуж. Откровенно говоря, ты был бы мне даже приятнее в качестве зятя: стихов ты не пишешь, ты фармацевт, и аптека осталась бы в нашей семье. Однако, из этого ничего не выйдет. Забудь об Эльзе!

Фриц Гедерих страшно побледнел. Значит, она только играла с ним! Какой же он был глупец! Ну, а теперь все, все кончено! Он закрыл лицо руками.

— Бедный юноша, — пробормотал аптекарь. — Слушай, Фриц, твои сердечные раны скоро заживут, я знаю это. Будь же мужчиной, Фриц! Зятем моим тебе не быть, но ты мне и без этого дорог. Пойди теперь, отдохни! Приготовлением *тинктуры* займусь сегодня я сам: мы не должны пренебрегать этой работой, несмотря на твоё открытие! Ну, а завтра, когда ты успокоишься, мы приступим к опыту над большим количеством киновари, и заодно поговорим о нашем деле.

Он крепко пожал руку бакалавру, и тот вышел из лаборатории. Фриц чувствовал себя совсем подавленным.

Хозяин «Золотого Гуся» высоко задрал свой багровый нос: он был очень доволен приездом князя.

На время торжеств работа в городе прекратилась, и харчевня была полным-полна. Зимой в ней всегда было очень тепло, а летом прохладно. Маленькие оконца пропускали так мало света, что уже в четыре часа пополудни можно было пировать при зажженных свечах; а вино тогда, как известно, вкуснее, чем при дневном свете. Что касается самого вина, то оно было здесь очень хорошее; правда, хозяин разбавлял его водицей, однако, не больше, чем все прочие благочестивые трактирщики.

За лучшим столом восседали старшие цеховые мастера. Здесь говорил больше других толстенный мясник. В молодости ему довелось постранствовать по белу свету. Одно время он даже состоял на службе у самого всесильного герцога Фридландского, и при каждом удобном случае начинал рассказывать про этого великого человека. Сегодня он заявил, что заметил сходство между князем и герцогом, и стал говорить об этой блестящей поре своей жизни. Но никто его не слушал: сегодня разговоры шли только о въезде нового государя.

Трактирщик сновал, как уторелый. Дела — хоть отбавляй! То он спускался в погреб, то разносил кружки или, почти-точно склонив голову, стоял за стулом какого-нибудь важного гостя и докладывал ему о достоинствах вина. Затем стремглав бежал на кухню и тотчас же возвращался оттуда, чтобы отметить число выпитых кружек. При этом он всегда был в самом веселом расположении духа, умел с каждым перемолвиться словечком, обо всех заботился, но и себя не забывал, — то и дело прочищал горло пивцом.

У трактирщика была и другая причина радоваться приезду князя, который снял весь второй этаж его дома, вместе с кухней. Княжеские слуги внесли туда какие-то тяжелые ящики и осторожно поставили их в снятых комнатах. Затем явилось двое неизвестных, — трактирщик решил, что, судя

по носам, они — чужеземцы. Один из них, высокий и с длинной бородой, имел вид начальника, другой был, по-видимому, его подчиненным. Бородач заказал дорогой обед на две персоны. Подав кушанья и вина, трактирщик встал в сторонке и начал рассматривать своих почетных гостей, но бородатый барин самым бесцеремонным образом вытолкнул его и запер дверь.

Итак, трактирщику было известно только то, что оба чужеземца принадлежат к свите князя. Об их отношениях к князю он ничего не знал, да и не тужил об этом. «Рано или поздно узнаю, кто они такие», — думал он про себя.

Откушав, чужеземцы начали распаковывать ящики, из которых извлекли множество приборов — какие-то бутылки, тигли, колбы, ступки; для чего они предназначались, угадать было нелегко. Все эти приборы были расставлены в кухне и в самой большой комнате. Теперь квартира походила на тайную лабораторию господина Томазиуса, но были здесь и другие примечательные вещи, например, карта звездного неба, подзорная труба и два скелета.

Когда все было поставлено на место, неизвестный с длинной бородой окинул взглядом новую лабораторию и затем вместе со своим спутником вышел в соседнюю комнату, — где находился разный домашний скраб.

— Не унывай, — сказал он, — все — к лучшему.

— Ах, учитель, — возразил другой, — я все чего-то боюсь; вам не следовало бы приезжать сюда, у меня дурные предчувствия.

— У тебя заячья натура, — сказал длиннобородый, — я прочел по звездам, что...

— Нет, учитель, поберегите лучше ваши бредни, — я хотел сказать, вашу мудрость — для князя и прочих сиятельных господ. Я не читал по звездам и вообще не умею читать, знаю только, что нам незачем было приезжать сюда. Мы ведем опасную игру. Подумайте только, — что будет, если он нас узнает!

— Кто? Этот желторотый птенец? Если даже допустить, что он все еще здесь — ни за что он меня не узнает!

— Вас — нет, но меня — наверняка, лица-то ведь не спря-

чешь.

— Сиди дома, если боишься.

— Нечего сказать! Князь предполагает здесь прожить целых шесть месяцев, и все это время мне сидеть взаперти!

— Да, князь пробудет здесь шесть месяцев, — он погладил свою длинную бороду. — Но мы-то едва ли проживем здесь так долго. Скоро мы выполним то, что задумали.

— А не лучше ли теперь же задать стрекача, например, сегодня? Сейчас о нас все позабыли. Деньги на дорогу имеются.

— Ты дурак! Нам нужно много денег, и мы достанем их! А теперь оставь меня одного.

Лицо у его собеседника вытянулось.

— Выпей для успокоения, — сказал бородач и протянул своему спутнику стакан вина, — а то у тебя слишком черные мысли.

Тот осклабился, выпил и покорно вышел из комнаты.

Глава VIII

ФРИЦ ДЕЛАЕТСЯ С ГОРЯ АКТЕРОМ

На другой день утром Фриц застал господина Томазиуса за работой: он толок в ступке киноварь в своей тайной лаборатории.

— Как ты себя чувствуешь, Фриц? — участливо спросил Томазиус.

— Я ничем не болен...

— Очень рад, — сказал аптекарь и протянул своему помощнику руку. — Голову выше, Фриц! Пей почаще холодную воду, — это отрезвляет!

Они принялись за работу. Фриц повторил свой опыт с небольшим количеством киновари — и опять получил золото. Затем аптекарь решил приступить к крупному эксперименту.

— Первые крупницы золота я употребляю на позолоту льва, который является вывеской нашей аптеки. Вчера вечером у меня был разговор с магистром. Я сообщил ему под секретом о нашем, вернее, впрочем, о вашем открытии, и он составил мне надпись, которая будет красоваться на постаменте моего аптечного льва.

С этими словами он передал бакалавру лист бумаги. Тот прочел:

«ME RENOVAVIT ET ORNAVIT AURO, QUOD IPSE FECIT, DANIELVS THOMASIVS».

— Жирные буквы, — пояснил аптекарь, — обозначают дату. Очень ловко составлено! Наш магистр тонкий грамотей!

Фриц кивнул головой и молча вернул ему записку.

Оба алхимика снова взялись за работу. Вскоре из тигеля повалили клубы мутно-желтого дыма. А на небе сияло солнце, в саду на деревьях распевали птицы, зеленые ящерицы скользили по ограде, и в воздухе роились целые тучи комаров.

Но искатели золота, забыв обо всем на свете, копошились около плавильной печи. Аптекарь думал только о жел-

том металле и наблюдал за кипящей массой, а Фриц Гедерих, ничего не видя, смотрел в одну точку.

Усталый пловец, — он доплыл до тихой пристани и был доволен своей судьбой. Его не тянуло назад в шумное море жизни... И вот рок вновь показал ему образ земного счастья в лице белокурой Эльзы. Он почувствовал неизъяснимое волнение и приободрился: счастье близко — подумал он. Теперь снова — ничего: разбиты надежды, и нет покоя, а он ведь так мечтал о тихой, спокойной жизни! Что ждет его впереди? — Жизненные бури и тяжелая борьба. Стоит ли начинать все сначала? Или лучше погибнуть? Где-то у него запрятана склянка с ядом... Не распрощаться ли ему со светом, сказав «спокойной ночи» всему вокруг? О нет, жизнь хороша, вопреки всем бедам и несчастьям! Тут он вспомнил песнь странника:

Куда идти вам, усталым людям,
Какой тропой?
Через страданья забрезжит счастья
Луч золотой,
Через мученья проглянет ясный
Покоя лик...
Через долины, через вершины! —
Ведь мир велик!

Фриц поднял голову и выпрямился: он опять был полон сил.

Вдруг он заметил, что лицо его хозяина покрылось смертельной бледностью, и он даже покачнулся. Фриц взял его под руки и посадил в кресло. Когда Томазиус пришел в себя, он показал рукой на плавильный тигель. Фриц Гедерих посмотрел вовнутрь и увидел, что вместо золота дно тигеля было покрыто каким-то мутным осадком.

Фриц покачал головой.

— Не беспокойтесь, господин Томазиус, — сказал он, — это простая случайность. Я убежден в правильности моего открытия.

Аптекарь вскочил и взволнованно потребовал повторе-

ния опыта. Фриц работал теперь один. И что ж? — опять неудача! Золота он не добыл.

— Наваждение, наваждение... — прошептал Томазиус.

— Нет, — возразил Фриц, которого вдруг осенило, — не наваждение, а моя дурь! Сперва я работал над киноварью, которая содержала известное количество золота. А в этой киновари нет ни крупицы золота. Теперь все ясно.

— Какое заблуждение, — вздохнул аптекарь, — и какое разочарование для вас! Теперь мы снова должны работать над открытием тинктуры, и мы найдем ее состав! Судьба должна наконец над нами смиростивиться.

Он подошел к большой колбе, наполненной мутно-красной жидкостью, — снизу ее лизали языки пламени.

— Смотрите, Фриц, дело начинает идти на лад. Терпения, побольше терпения! Не будем сдаваться, Фриц! Если я открою великую тайну, кому, как не вам, будет лучше? Будем внимательны и осторожны! На этот раз должно удасться.

Фриц Гедерих откашлялся.

— Господин Томазиус, у меня к вам просьба.

— В чем дело?

— Я служил вам верой и правдой и знаю свое дело.

— Совершенно верно, вы — хороший работник.

— Благодарю вас за лестное обо мне мнение. Вы человек почтенный — о вас идет слава по всей округе. Ваше слово имеет вес. Если замолвите обо мне словечко у кого-нибудь из ваших коллег, я буду вам по гроб благодарен. А в этом доме и вообще в этом городе я не могу больше жить.

— Неужели вас так огорчает первая неудача в алхимии?

— Дело не в этом, — возразил Фриц, — вы знаете, что я имею в виду.

— Так-так, — пробормотал аптекарь и опустил свою седую голову. — Что же, в конце концов, вы правы. Я отпускаю вас с неохотой, но вам, действительно, следует уехать отсюда. О хорошем месте для вас я уж позабочусь! Может быть, вас удастся устроить в Аммерштадте. Но в данный момент я не могу вас отпустить: ведь тинктура еще не готова. Вы сможете уехать не раньше, как через две-три недели,

когда мы достигнем цели. Обещайте мне, что останетесь на этот срок!

Фриц поколебался немного, но ответил согласием.

— От аптекарской работы я вас освобождаю. Но зато постарайтесь как можно прилежнее работать в лаборатории. Глаз не спускайте с тинктуры! Мы будем сменяться: шесть часов — я, шесть часов — вы и, я уверен, скоро добьемся своего.

* * *

Было шесть часов вечера. Фриц только что отдежурил в лаборатории и сидел теперь в своей каморке. Вдруг кто-то постучал в дверь: оказалось, что это магистр. Лицо у него было багровое, и ноздри подергивались. Видно, что-то очень его взволновало..

— Ах, господин бакалавр, — начал он срывающимся голосом, — ах, ах, ах!

— В чем дело, господин магистр, что случилось?

— Подумайте только — какой ужас! Христос заболел, вернее, он *притворяется* больным, только чтобы меня огорчить!

Бакалавр испугался не на шутку. Казалось бы — достаточно одного аптекаря, который совсем обезумел в погоне за тайнами магии, а тут еще один умалишенный!

— Успокойтесь, господин магистр, успокойтесь! — начал он его уговаривать. — Присядайте, постарайтесь прийти в себя и расскажите все по порядку!

— Однако, я сам виноват! — продолжал магистр и ударил себя по лбу. — Зачем я наказал его?

Фриц Федерих схватился за голову.

— Но он ведь совершил непростительный проступок, — добавил магистр.

— О ком вы говорите? — спросил Фриц. — О Христе?!

Магистр кивнул головой.

Теперь у бакалавра больше не оставалось сомнений: дело ясно, — магистр спятил с ума! Он взял его за руку.

— Пульс бьется, как мышь в крынке с молоком! Возьмите себя в руки, магистр! Что же дальше?

— Нет, это прямо невероятно... Он употребил *ut* с изъяснительным наклонением! — простонал магистр.

Бакалавр громко рассмеялся.

— Это, конечно, большое преступление!

— Само собой разумеется, — просипел магистр. — Его *нужно* было наказать, и я наказал его! А он решил сыграть со мной глупую шутку: притворился больным! Скажите на милость, кто же теперь будет играть в воскресенье Господа нашего Иисуса Христа?

Теперь бакалавр понял, в нем дело.

— Слава Богу! — сказал он. — Насколько я понимаю, внезапно заболел ученик, которому вы дали роль Спасителя. Не так ли?

— Да, да, — подтвердил магистр, — разве вы меня не так поняли? Я имею в виду ученика второго класса Каспара Краутмана, который в своем последнем сочинении употребил *ut cum indicativo*! Неслыханное дело, чтобы ученик стар-

шего класса допустил подобную ошибку, и я, конечно, *не мог* не наказать его.

— Вы поступили неостроумно, господин магистр! — заметил Фриц.

— Но я ведь должен был поступить по совести, господин бакалавр: я — педагог! — с живостью возразил магистр. — Я не мог иначе! И кто это надоумил Краутмана притвориться больным?! Я ведь отлично знаю, что он здоров, как бык! К сожалению, доктор Краутман — его дядя, и он написал мне записку, что его племянник не может выходить из комнаты. Увы, теперь я нахожусь в весьма затруднительном положении! В воскресенье состоится представление, и все уже готово, а Спаситель изволил заболеть!

Фриц Федерих почувствовал жалость к магистру и участливо спросил его:

— Нельзя ли заменить Краутмана другим лицеистом? До воскресенья еще целых шесть дней. К тому же, Спасителю не придется говорить слишком много.

— Увы! никто из моих учеников не годится для этой роли. Лучших из них я уже взял в оборот: маленький Мюллер будет играть Деву Марию, а второклассник Ганс Шпис — невесту. С большим трудом я нашел двух мальчуганов для роли подружек невесты. А чертены и свадебных гостей будут играть дюжие, неповоротливые парни; из них никто, конечно, не сумел бы изобразить Спасителя. Нет, Фриц, — господин бакалавр, хотел я сказать, — если вы меня не спасете, я себе места не найду со стыда! *Вы* должны сыграть Иисуса, — иначе все пропало!

— Я? — спросил бакалавр и засмеялся. — Ах, господин магистр, если бы вы только знали, что у меня на душе, вы не просили бы меня об этом!

— Уж я знаю, знаю, — возразил магистр, — вероятно, какая-нибудь маленькая неудача в лаборатории! Господин Томазиус говорил мне о чем-то в этом роде. Это все бредни, господин бакалавр, пустые мечтания! А я-то думал, что вы чужды этого дурацкого увлечения нашего — во всех других отношениях весьма почтенного и умного — господина аптекаря. Итак, вы верите во весь этот вздор? Хотите делать

золото?! — Предоставьте другим служить мамоне; по-моему вы рождены для чего-то более возвышенного. Сыграйте Спасителя! Будьте уверены, вам не придется раскаиваться. Я замолвлю за вас словечко у нашего всемилостивейшего князя, и если он хотя бы только раз удостоит вас своего внимания и окажет вам милость, вы сможете извлечь из этого великую для себя пользу! А роль Иисуса — нетрудная. Вам придется выучить всего лишь несколько слов из Евангелия, которые вам и так должны быть известны, как доброму христианину. Я только обратил их в стихи, и тем легче будет вам выучить роль наизусть.

Фриц Гедерих почувствовал себя в затруднительном положении: ему нужно было направить свои мысли совсем в другую сторону. Как странно, думал он, именно теперь, когда здесь все для него потеряно, и он снова готов ринуться в бой, бросив вызов самой судьбе, именно теперь ему предлагают играть в комедии! Он рассмеялся и вдруг заявил магистру, что согласен взять на себя роль Христа. Это неожиданно принятое решение даже испугало его, а магистр, конечно, был в восхищении: «С господином Томазиусом я уже говорил, — он ничего не имеет против». Затем он удалился, чтобы принести Фрицу текст его роли.

В ближайшие дни, сидя у огня, над которым клочкотала красная тинктура, Фриц учил наизусть соответствующие стихи комедии Ксиландера. Это занятие немного развлекло его. Он не без удовольствия думал о предстоящем представлении, когда ему придется играть Спасителя, и на него будут обращены фиалковые глазки коварной Эльзы.

Господин Томазиус соизволил дать свое согласие на участие Фрица в торжественном представлении. Сам он был убежденным противником всякой вообще поэзии и заявил, что ни в коем случае не пойдет в театр. Но ему хотелось сделать маленькое удовольствие своему помощнику, которому так не повезло: он надеялся, что театр отвлечет Фрица от его мрачных размышлений.

Все эти дни магистр ужасно волновался. Ему пришлось несколько сократить свою комедию и внести известные поправки по указанию ректора; магистр далеко не всегда

был согласен с советами господина Пауля Крузиуса, но не считал возможным противоречить начальству.

Каждый день происходили репетиции, которые доставляли магистру немало огорчений. Ганс Шпис, игравший невесту, был отъявленным лентяем и никак не мог выучить наизусть свою маленькую роль. А у девы Марии начал «ломаться» голос, — то она говорила нежным дискантом, а то вдруг — басом. «Дать ему мела для смягчения голоса!» — приказал магистр. Но маленький Мюллер залился горькими слезами и решительно отказался есть мел, от которого его тошнило. Тогда ему дали яичный желток и меда. Один только Фриц Гедерих утешал магистра. Он очень подходил к своей роли. Его бледное лицо, окаймленное длинными кудрями, имело сходство с обычными изображениями Спасителя. Нахмуренное чело магистра прояснялось, когда Фриц Гедерих начинал говорить свою роль.

Вероятно, ни у одного автора комедий не бывало столько хлопот и возни, как у магистра Иеронима Ксиландера!.. Наконец, дело пошло на лад. В субботу состоялась последняя репетиция, а на следующий день был назначен спектакль. Но тут произошло еще нечто.

Как раз в субботу вечером к ректору лицея явился гофмейстер князя и напомнил ему, что завтра, в день представления комедии, состоится поминовение почившей княгини-матери, и господину ректору должно быть известно, что в этот день строго воспрещены музыка и танцы. «Это распоряжение, — закончил гофмейстер, — необходимо в точности соблюсти во время завтрашнего представления».

Господин Крузиус ничего не знал о трауре, но гофмейстеру он заявил, что ему, конечно, известно это печальное обстоятельство, и он уже отдал соответствующие приказания. Затем ректор проводил важного посетителя до выходных дверей и низко ему поклонился. Возвратившись в свою комнату, он схватил палку и шляпу и помчался в харчевню «Золотого Гуся», чтобы поговорить с магистром, который приходил туда по вечерам выпить кружку пива. Ректор сообщил Ксиландеру, что завтра годовщина смерти княгини-матери, и посему воспрещены музыка и танцы. «Я уве-

рен, господин магистр, — закончил ректор, — что вам все это хорошо известно».

Магистр ответил, что он давно уже предуведомлен об этом обстоятельстве и сделал соответствующие изменения в комедии. Затем он допил свое пиво и вышел с ректором на улицу. Здесь он простился с ним и поспешил к Фрицу Гедериху.

— Какая досада! — начал он. — Я только что вспомнил, что завтра годовщина смерти княгини-матери.

— Следовательно, мы должны отложить представление? — спросил Фриц.

— Нет! Но нам придется обойтись без музыки и танцев, а в них ведь — вся соль! Вспомните обращение виночерпия к Иисусу:

Добрый наш Пастырь, дозвошь приступить нам к
старинным, священным
Пляскам. В тимпаны пускай ударят и лютей коснутся
Тонкие пальцы певцов — задумчивых странников мира!
Слышишь, уже раздались беспечальные легкие звуки...

И Спаситель отвечает:

Пусть начинают играть и к веселому пиру приступят
Гости, — и к пляскам, — в честь жениха и невесты
счастливой.
Радуйтесь, радуйтесь все! И сердцем ликуйте, как
славный
Царь — сладкогласный Давид, плясавший вокруг
золотого
Ларца — ковчега....

Без музыки и танцев эти стихи не произведут никакого впечатления!

— Нельзя ли отложить представление на один день?

— Невозможно! В понедельник начнется жатва, и многим из моих учеников придется помогать родителям в полевых работах. На это время мы всегда отпускаем наших

лицеистов. А после окончания вакаций все эти лентяи и повесы, конечно, забудут свои роли. К тому же — наступит охотничья пора, и у его светлости не будет времени смотреть комедии.

Так они долго судили и рядили, и все же магистру пришлось уйти ни с чем. Он был безутешен и никак не мог обрести возжеланный покой. Портрет Мартина Опица, правда, больше не мог пугать его, потому что каждый вечер, прежде чем идти спать, он повертывал его лицом к стене. Но мысль об изменении конца комедии не давала магистру ни минуты покоя. Вдруг, около полуночи, раздался стук в дверь Ксиландерова «музеума». Магистр спрятался с головой под одеяло: он вспомнил легенду о привидении, совершающем по ночам обход дома. Но стук повторился, и раздался знакомый голос:

— Это я, господин магистр, — Фриц Гедерих.

Магистр Ксиландер зажег лампу и открыл дверь.

Фриц Гедерих со сдержанной усмешкой взглянул на полуодетого сочинителя и сказал:

— Я кое-что придумал, господин магистр.

— Что вы придумали?

— Вот — прочтите сами, — сказал Фриц и протянул магистру листок бумаги. Ксиландер поставил лампу на стол и принялся читать. Его голые ноги и кончик ночного колпака то и дело вздрагивали во время чтения.

— Optime, мой друг, — сказал он, дочитав до конца, и бросился обнимать бакалавра. — Optime, господин бакалавр! Какой у вас изобретательный ум! Я в восхищении от вашей идеи. Фриц, вам везет, ужасно везет! Если все пройдет хорошо и князь окажет мне милость, я буду иметь вас в виду, а когда ближайшей весной состоится моя свадьба с Эльзой, вы будете моим шафером! Жму вашу руку, мой друг!

Магистр говорил с восторгом, с увлечением, но не слишком вразумительно: у него зуб на зуб не попадал от холода.

— А теперь идите спать, — посоветовал Фриц. — Благодарю вас за доброе ко мне отношение! Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, господин бакалавр, еще раз — большое спасибо!

Бакалавр удалился. Магистр закрыл за ним дверь, но спать не пошел. Он оделся и встал около своей конторки. Работы было немало: нужно было обработать рукопись бакалавра, ибо стихи его оставляли желать лучшего.

Глава IX

БРАК В КАНЕ

Крысы финкенбургской ратуши собрались на семейный совет. Они были очень недовольны тем, что за последние дни в большой зале, которую они считали своей неотъемлемой собственностью, происходили события, весьма для них неприятные. Хвостатые вожди крысиного племени уже подняли вопрос о переселении на другое место жительства.

Если бы они были *странствующими* крысами, им, конечно, нетрудно было бы пуститься в путь-дорогу. Но зверьки, о которых идет речь, принадлежали к совсем другой породе: они были крысами домовитыми; ведь финкенбургская ратуша с незапамятных времен находилась в их полном обладании, и поэтому им очень не хотелось трогаться с насиженного места.

Как мы уже сказали, крысы собрались на семейный совет. Председательствовала на этом сборище старая, седая и весьма почтенная крыса, которая вместо длинного хвоста, которым так чванились ее собратья, увы! обладала очень жалким обрубок. Однако, именно на этот самый обрубок все остальные крысы взирали с чувством глубокого уважения, — так молодые бойцы глядят на деревянную ногу испытанного в боях ветерана. Дело в том, что три четверти своего хвоста вождь крыс потерял в схватке с большим котом бургомистерши по имени Петр, который коварно напал на него сзади.

Конечно, ни одной из крыс не могла прийти в голову безумная мысль об оказании сопротивления людям. Волей-неволей приходилось готовиться к массовому переселению; весь вопрос был только в том, *куда* идти.

Предприимчивые крысята-юноши, нередко совершавшие набеги на соседние дома, расхваливали харчевню «Золотого Гуся»; они с восторгом описывали все прелести трактирной жизни. Один из этих героев — как некогда Катон, при-

везший фиги из Карфагена, притащил на сборище весьма соблазнительную приманку, — кусочек колбасы, похищенный им из кухни «Золотого Гуся». Однако, пожилые крысы отвергли это предложение: харчевня — под стать мышиному пролетариату, а старинному, почтенному крысиному роду не подобает жить в этом злачном месте!

Боязливые крысиные жены к тому же сообщили, что там проживают два человека, имеющие большое семейное сходство со словацкими крысоловами.

Кто-то посоветовал обосноваться в подвалах аптеки. Но и это предложение не встретило сочувствия. «Не ровен час, — наши детки объедятся там каким-нибудь ядовитым зельем! К тому же, в аптеке живет ворон Яков».

Другие предложения были также отвергнуты после оживленного обмена мнениями. Тогда выступила одна почтенная крыса, до сих пор хранившая глубокое молчание. Она предложила выждать: может быть, дня через два что-нибудь выяснится. Все с восторгом приняли это предложение. Конечно, нужно повременить: может быть, дело примет хороший оборот! Собрание было закрыто, и крысы разбежались по своим норам: все они нуждались в отдыхе после утомительных парламентских прений.

В главном зале ратуши, действительно, произошли очень большие изменения. Увы! теперь он больше не был пригоден для пребывания в нем почтенных домашних крыс.

Раньше этот зал был, собственно, *кладовой* ратуши. По стенам его стояли высокие сундуки, наполненные старыми актами и документами. Над ними висели почерневшие портреты, изображавшие бургомистров и других замечательных людей. В углах висели знамена цехов в кожаных чехлах и вышедшие из употребления алебарды ночных сторожей. Сюда же сваливали конфискованное после драк оружие и дубины, а также старинные пищали, которыми когда-то храбрые горожане защищали свой город от врагов. Тут и там валялись старые пожарные бады, неверные весы и гири, изъятые из употребления, затем — поломанные латы, изношенные мундиры городских солдат, какие-то ржавые цепи, негодные желоба и прочий хлам. Окна были густо

покрыты паутиной. Кое-где в стеклах зияли довольно крупные отверстия, так что в зал имели доступ и летучие мыши.

Теперь понятно, почему крысы так любили это помещение: никто их здесь не трогал, и они жили в свое полное удовольствие. Но за последние дни все изменилось.

Явились городские батраки и вынесли из зала весь хлам. Затем пришли поломойки и вымыли пол, а на другой день появились плотники. Зал огласился стуком молотков. Когда шум смолк, крысы отважились выйти на разведку: в конце зала они увидели большое деревянное сооружение, — спереди оно было занавешено красной материей. Крысы сразу же решили, что люди готовят им западню.

Однако, на этот раз они ошиблись: сцену, приготовленную для торжественного представления комедии магистра Ксиландера «Брак в Кане Галилейской», они приняли за ловушку для крыс!

Ректор Крузиус предпочел бы поставить комедию в главном зале лица, а не в ратуше, где известная часть княжеских милостей должна была пасть на бургомистра. Но с этим пришлось волей-неволей примириться уже потому, что лицейский зал не мог вместить в своих стенах княжеский двор и почетных гостей. Однако, господин Крузиус выговорил себе привилегию встречать августейших особ, стоя на лестнице рядом с бургомистром.

В воскресенье вечером массы горожан устремились к ратуше; у ее входа стояли две ярко пылавших смоляных бочки и шесть человек городской милиции, вооруженных алебардами. Их было в Финкенбурге, собственно, пятеро, но так как для симметрии нужен был шестой, то и ночного сторожа нарядили в мундир и поставили у входа в ратушу. К его чести надо сказать, что он имел не менее бравый вид, чем настоящие городские солдаты.

Кроме этих шести молодцов и двух смоляных бочек, перед ратушей стояло немало обыкновенных смертных, не получивших приглашения на спектакль. Они выражали свою досаду шумом и руганью, осыпая насмешками и неуместными замечаниями каждого горожанина, входившего в ратушу.

Наконец, прибыл княжеский гонец. Возбужденная толпа мгновенно стихла и расступилась. К ратуше подъехала позолоченная карета, окруженная конной свитой. Все снимали шапки. Бургомистр и ректор встретили высоких гостей глубокими поклонами и проводили их наверх. Толпа опять принялась шуметь. Солдаты снова оперлись на свои алебарды. Из смоляных бочек подымались к небу густые облака дыма.

Предусмотрительный бургомистр позаботился о превращении камеры для пыток в гардеробную, и высокие гости прошли туда раздеться. Затем, в сопровождении бургомистра и ректора, они отправились в пышно разукрашенный зал, освещенный двадцатью четырьмя толстыми сальными свечами.

При входе в зал княжеского двора все присутствующие поднялись со своих мест. Раздалось дружное шарканье доброй сотни ног, — звук, живо напоминавший конюшню. О, они были людьми весьма воспитанными, — граждане Финкенбурга!

Князь, княгиня и маленький принц раскланивались во все стороны. Их усадили в первом ряду. Направо и налево от августейших особ разместились свита, состоявшая из дворян города и его окрестностей. Позади них уселись приглашенные на спектакль горожане. Бургомистерша восседала рядом со своей дочерью Кэтхен и Эльзой Томазиус, а ректорша сидела между супругами конректора и терция. Среди цеховых мастеров особенно бросался в глаза толстый мясник и его не менее пышная супруга.

Места, отведенные бюргерам, были отделены от передних рядов красным шнуром, за которым толпились молодые кавалеры из дворян. Они бросали пламенные взгляды на прекрасных горожанок и даже вступали в разговор с застенчивыми Гретхен, Кэтхен, Лотхен и Лизхен, мамыши которых так и таяли, слушая комплименты изящных кавалеров, беседующих с их дочерьми, между тем как кое-кто из бюргеров сжимал кулак, — правда, только в кармане.

Князь Рохус беседовал с бургомистром, а на долю ректора выпала высокая честь занимать княгиню и малень-

кого принца. Он делал это с чувством собственного достоинства, как и подобает ученому мужу; время от времени он посматривал на свою дражайшую половину, которая с каждой секундой становилась все важнее и надменнее.

Наконец, раздался звонок, извещавший о начале спектакля. В зале воцарилась мертвая тишина. Медленно взвился занавес.

На сцене стоял магистр Ксиландер. Он был в роскошном кафтане, пышном парике и при шпаге в белых ножнах.

Магистр был бледен, и его рука, державшая свиток, слегка дрожала. Прижимая левую руку к сердцу и отставляя правую ногу, он трижды поклонился публике и начал читать тщательно отделанный пролог. Затем он опять отвесил три низких поклона. Занавес опустился, — и почти тотчас же взвился опять.

На сцене красовалась дюжина больших глиняных сосудов, а направо от них стояла фигура, одетая в костюм зажиточного горожанина.

«Это кузнецов Готлиб», — зашептали в зале. Сын кузнеца Готлиб, ученик старшего класса, изображал отца невесты; поэтому к его груди был прикреплен большой букет из астр и розмарина. Он поклонился августейшим особам, покраснел и начал свой монолог тихим, неуверенным голосом:

Радость великая: дочь — я ею горжуся без меры —
Замуж выходит теперь. И зятем я очень доволен.

— Громче! — шепнул ему из-за кулис магистр. Отец невесты несколько повысил голос:

Нынче во храме святом, при великом стеченье народа,
Чудный свершится обряд венчания дочери милой.

— Еще громче! — прошептал Ксиландер. — В классе-то, небось, горланит, что есть мочи, а теперь голоса лишился!

Бедный Готлиб собрал все свои силы и заорал на весь зал:

Как хороша моя дочь, нет краше ее в Галилее,
Розы на персях ее — иерихонские алые розы.
Мед истекает из уст, и ласковы темные очи.
Светлая радость моя — ты, чудесный двойник
Суламифи!

— Руку на сердце! — напомнил магистр. Готлиб послушно положил руку на сердце и закончил свой монолог:

Счастлив, кто может назвать такую красавицу милой
Дочерью. Счастлив и тот, кому она будет женою!

В этот момент на сцену выступил виночерпий, — толстый краснощекий юноша, и обратился к отцу невесты:

Да почиет на тебе, господин, благодать!

Отец невесты.

Что ты хочешь, друг, от меня? Зачем ты пришел,
виночерпий любезный?

Виночерпий.

Я пришел доложить, господин мой, что яства и вина
Ждут гостей дорогих. Все готово для нашего пира.

Отец невесты.

Только бы не было, друг, недостатка в сверкающей влаге.
Пир ведь не пир без вина! Позаботься, любезный,
о винах!

Жду я высоких гостей — Богородица Дева Мария
Пир наш украсит своим присутствием. С Нею Иосиф
Из Назарета и Сын Ее Галилеянин — добрый
Пастырь Иисус Христос — Господь и Спаситель распятый.

«Аминь» — послышалось здесь и там в публике. Многие

из женщин схватились за свои сумочки, чтобы в любой момент можно было вытащить носовые платочки: «комедия» обещала быть очень трогательной.

Магистр, конечно, был очень доволен произведенным на слушателей впечатлением. Особенно пристально вглядывался он в лица высоких особ. Ему показалось, что они с интересом наблюдают за игрой.

Виночерпий подал реплику:

Не беспокойтесь, вина превосходного вдоволь! Повсюду
Жбаны большие стоят, переполнены светлою влагой.
Богобоязненный Ной — виноградного сока любитель,
Старец почтенный весьма, — поверь мне, остался б

доволен,

Если б явился на пир. Припасов у нас в изобилие.

Затем виночерпий заявил, что всего вина гостям не выпить; если бы у них вместо животов были губки, лишь тогда смогли бы они опорожнить все жбаны.

«Хо-хо-хо, ха-ха-ха, хи-хи-хи!» — загоготали в зале. А магистр пришел в совершенный восторг, когда заметил улыбку на лице его светлости.

Представление шло своим чередом. Виночерпий начал читать по длинному свитку перечень телят, овец, кур и прочей живности, предназначенной для свадебного пира. У зрителей так разыгрался аппетит, что слюнки потекли. Этим кончился первый акт.

Вскоре поднялся опять занавес. Сцена изображала внутренность храма. Посредине возвышался алтарь с распятием и свечами. Поодаль от него стояла кафедра. За сценой два маленьких лицеиста попеременно ударяли то в медный таз, то в лейку; неприятные зрители сразу же поняли, что это колокольный звон. Сцена была пуста. Через некоторое время послышалось церковное пение, и показалась свадебная процессия во главе с женихом и невестой. Лицеист, изображавший невесту, всем очень понравился; некоторые из зрителей даже привстали, чтобы получше разглядеть Ганса Шписа, одетого в белое подвенечное платье, с брач-

ным венцом на голове. Как известно, невесты нередко испытывают волнение во время церковного обряда. Между тем, Ганс Шпис чувствовал себя спокойно и даже весело. Его живые черные глазки с любопытством всматривались в публику. Магистр скорчил ужасную гримасу и зашептал:

— Опустя глаза, Шпис! Иначе я посажу тебя на шесть часов в карцер.

За женихом и невестой следовали гости. Иосиф, Мария и Иисус замыкали шествие; они выглядели точно такими же, как на иконе финкенбургской городской церкви. Иосиф, в знак того, что он плотник, держал в руках пилу.

Маленький Мюллер, изображавший Деву Марию, был бледен, как полотно: он ужасно боялся, что вдруг заговорит басом. Но бледность очень подходила к его роли. Лучше всех выглядел Фриц Гедерих, выступавший в голубой одежде. Всем бросились в глаза его благородные черты и

высокая стройная фигура.

По залу пронесся шепот восхищения. Князь осведомился у ректора, кто этот молодой человек.

Ректор Крузиус наклонился к князю. В голосе его слышались ноты сожаления, когда он сообщал своему повелителю, что актер, изображающий Спасителя, не лицеист, а некий бакалавр, — давно уже поселившийся в городе. По совету магистра Ксиландера, ему дана была роль внезапно заболевшего ученика.

Юный бакалавр понравился очень многим, но в особенности, конечно, белокурой Эльзе, которая глаз с него не сводила.

— Ваш помощник, — шепнула ей на ухо бургомистрова Кэтхен, — выглядит неплохо.

«Неплохо! — Эльза бросила уничтожающий взгляд на свою подругу. — Неплохо — как бы не так!» И она мысленно сравнила своего Фрица с находившимися в зале бюргерскими сынками. Нет, всем им далеко до него! Затем Эльза оглядела изящных кавалеров из свиты князя. Да, среди них можно было найти немало красивых и стройных молодых людей, но, опять-таки, никто из них не мог сравниться с Фрицем Гедерихом.

Эльза так глубоко вздохнула, что привлекла внимание своих ближайших соседей, а бургомистрова Кэтхен даже спросила ее, что это с ней творится сегодня.

Между тем, жених и невеста подошли к алтарю и преклонили перед ним колени. Эта сцена далась магистру не без труда: нелегко было облечь в стихотворную форму тексты катехизиса, касающиеся бракосочетания.

Все шло гладко. Первосвященник Кайафа, одетый в черную мантию, благополучно совершил обряд венчания. В заключение он обратился с традиционным вопросом к жениху:

Если ты к браку готов, — скажи в подтверждение: да!

— Да! — пробормотал жених. Тот же вопрос был предложен невесте. Ганс Шпис наклонил голову и на весь зал

рыкнул свое «да». В публике послышался смех. Магистр в ярости заскрежетал зубами.

Затем первосвященник возложил руки на головы новобрачных.

— Побольше умиления, умиления! — зашипел магистр из своей засады. Лицеисты тотчас же начали всхлипывать.

Теперь растроганные зрительницы полезли в свои сумочки за платками. В зале послышались вздохи и сдержанные рыдания, которые заглушили даже на время слова юных лицедеев.

Магистр был на верху блаженства.

Быстрая смена противоположностей всегда имеет успех у зрителей, — эта истина была хорошо известна магистру. После трогательной сцены в храме, он выпустил на подмостки Люцифера и его воинство, предназначенное для увеселения публики.

Как раз сцена с дьяволом пришлась по вкусу юным исполнителям, — они блестяще провели ее на последней репетиции. Не ударили лицом в грязь и на спектакле.

В полу сцены было сделано отверстие. Теперь из него вылетали яркие языки пламени: этим фейерверком заведовал Фриц Гедерих. Ему усердно помогали два ученика младших классов.

Освещенный адским пламенем, поднялся Люцифер в сопровождении шести бесенят, зашитых, как и он сам, в телячьи шкуры. У всех чертей имелись, конечно, хвосты, рога и когти. Люцифер изрыгал страшные богохульства и поносил все святое семейство. Под конец он предложил своим бесенятам опорожнить жбаны с вином, чтобы досадить Господу.

С громким визгом и писком набросились чертенята на жбаны и выпили их содержимое. Публика рычала от восторга и аплодировала вовсю.

Не участвовавшие в этой сцене лицеисты стояли за кулисами и дрожали от злости при виде успеха, выпавшего на долю их товарищей. Ганс Шпис, игравший невесту, даже заплакал от досады. Он предугадал этот успех, и в свое время страстно добивался роли чертенка. Но неумолимый

магистр заставил его играть невесту. Теперь мальчуган твердо решил, что сыграет шутку с ненавистным магистром, который в это время с чувством полного удовлетворения смотрел на беснующихся от восторга зрителей. С благодарностью вспомнил он бакалавра, которому пришла счастливая мысль заставить чертей выпить все вино.

Вдруг дело приняло дурной оборот: маленький принц, услышав яростные вопли чертей, начал плакать сперва тихо, а потом все громче и громче. К счастью, его быстро утешили леденцом, и у магистра отлегло от сердца. Однако, он очень обрадовался, когда сцена с чертями пришла к концу, ибо успел уловить свирепый взгляд ректора, брошенный в его сторону.

Последовал заключительный акт комедии: свадебный пир и превращение воды в вино. Фриц Гедерих, хорошо знакомый со всеми тайнами аптекарской кухни, блистательно совершил это чудо. Все сошло как нельзя лучше. Невеста, после всех волнений, пережитых во время аплодисментов, выпавших на долю чертей, казалась, как и подобает, чем-то опечаленной и не бросала больше задорных взглядов в толпу. А маленький Мюллер, игравший Деву Марию, не говорил больше басом.

Комедия приближалась к концу. Гости пили вино да похваливали. Затем убрали столы, и должны были начаться танцы. На сцену вышли музыканты, и виночерпий обратился к Спасителю со словами:

Добрый наш Пастырь, дозволь приступить нам
к старинным, священным
Пляскам. В тимпаны пускай ударят и лютней коснутся
Тонкие пальцы певцов, — задумчивых странников мира.
Слышишь, уже раздались беспечальные легкие звуки...

Гофмейстер и ректор обменялись недоуменными взглядами. Какая неслыханная дерзость со стороны магистра! Господин Крузиус хотел уже пойти за кулисы. Но вдруг дело приняло совсем другой оборот.

Иисус так ответил виночерпию:

Друг мой, ты должен был знать, что сегодня день
смерти княгини;
Нынче негоже плясать и играть гуслирам голосистым.

У гофмейстера и ректора вырвался вздох облегчения, а князь совсем расчувствовался: он несколько раз милостиво кивнул головой и затем провел рукавом по глазам. В угоду супругу и княгиня сделала опечаленное лицо. Тотчас же все кавалеры и дамы княжеской свиты приложили к глазам платки. Их примеру последовали сидевшие за ними финкенбургские бюргеры. Последние стихи комедии были заглушены рыданиями растроганных зрителей.

Магистр Ксиландер с умилением смотрел на публику. По его знаку лицедеи покинули сцену. Тогда на подмостки вышел он сам и начал читать эпилог.

Когда магистр кончил, князь махнул рукой: это означало, что можно аплодировать. Изящные кавалеры и в особенности почтенные бюргеры начали изо всех сил бить в ладоши, так что крысы задрожали от страха в своих норках.

Ректор Крузиус прошел за кулисы, пожал магистру руку и сообщил, что его светлость желает с ним говорить.

Скромно опустив глаза и с небесной улыбкой на устах, предстал магистр Ксиландер перед августейшими особами. Все зрители повскакали со своих мест, чтобы лучше видеть происходящее впереди.

Ректор представил магистра.

Князь милостиво протянул ему руку.

— Ваша комедия доставила мне много удовольствия, — сказал он, — вы сами сочинили ее?

— Точно так, ваша светлость, но основная мысль принадлежит моему другу Фрицу Гедериху, который играл Спасителя.

— Где же этот Гедерих? — осведомился князь. Фрица тотчас же подвели к нему. Он даже не успел еще снять голубое одеяние Спасителя.

Князь милостиво взглянул на него и сказал несколько ласковых слов. Маленькому принцу он велел протянуть бакалавру руку.

Затем его светлость выразил желание взглянуть на остальных комедиантов. Все они вышли гуськом. С каждым из них князь поговорил в отдельности. Ганс Шпис и Мюллер, отличавшиеся миловидностью, удостоились разговора с княгиней. Ганс Шпис бойко ответил на все вопросы. Но маленькому Мюллеру не посчастливилось. Когда он рывкнул баском: «Покорно благодарю, ваша светлость!» — дамы взглянули на него с неприятным изумлением. «Откуда только берется этакий зычный голос у этого мальчика, похожего на девочку?» — подумали они. Мюллер отошел от них совсем сконфуженный.

Затем подошел Люцифер со своими чертенятами. На этот раз маленький принц так осмелел, что каждому из них протянул свою ручку.

Князь кивнул ректору и что-то тихо сказал ему. Ганс Шпис, стоявший поблизости, наострил уши. Ему послышались слова: «сосисок и пива», о чем он тотчас же сообщил своим товарищам.

В заключение князь обратился к магистру и к стоявшему рядом с ним Фрицу Гедериху.

— В самом ближайшем будущем наш любезный магистр и его молодой друг получают от нас доказательство нашей особенной к ним милости.

В ушах магистра эти слова прозвучали, как райская музыка. Он отвесил низкий-пренизкий поклон. После этого высокие гости удалились, провожаемые шарканьем многих сотен подошв.

Магистр хотел было наказать некоторых юных лицедеев за упущения в игре, но теперь, под впечатлением монаршей милости, — только хвалил да похваливал своих лицейцев.

Фриц Гедерих снял с себя свой театральный костюм и собрался идти домой. Но бургомистр и ректор, успевшие проводить августейших особ до выхода, пригласили бакалавра пойти с ними в харчевню «Золотого Гуся»; они решили закончить знаменательный день маленькой пирушкой. Но Фриц вежливо поблагодарил их и отказался. Он знал, что господин Томазиус сидит около своей красной тинк-

туры и давно уже ждет его возвращения. Бакалавр распрощался и направился в Львиную аптеку, а бургомистр, ректор и магистр поспешили в харчевню, чтобы там за стаканом вина поболтать о событиях сегодняшнего дня.

В это время в театральный зал явились плотники и снесли подмости. Бравые городские солдаты водворили на место весь старый хлам, и ратушная зала приняла свой обычный вид. Затем погасли огни, и крысы под покровом темноты вышли на разведку. Как они обрадовались, когда увидели, что все опять по-старому! Разведчики тотчас же бросились в подземные жилища и в мгновение ока оповестили своих сограждан о радостном событии. Все крысы высыпали в зал и с громким писком заплясали от восторга.

Глава X

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С МАГИСТРОМ В ЛЕСУ

— Слава Богу, что пришел конец вашим играшкам! — воскликнул аптекарь, встречая бакалавра в лаборатории. — За последние дни я ужасно боялся, что вы не досмотрите за тинктурой. Посмотрите только, как она сверкает! На этот раз опыт *должен* удасться! А где же Ксиландер?

Фриц Гедерих сообщил ему, что магистр отправился в харчевню.

— Надеюсь, — заметил Томазиус, — что теперь он образумился и пришел в себя, а то ведь за последние недели с ним невозможно было разговаривать. Мне кажется, Фриц, занятия поэзией можно сравнить с падучей болезнью. Незадолго до припадка человек дуреет, затем вдруг падает и бьется в судорогах. Если схватки проходят благополучно, то больной очень быстро оправляется и снова овладевает своими умственными способностями. Жаль только, что припадки *повторяются*, и от этого, конечно, страдает черепная коробка. Поэтому-то все городские и придворные поэты — немного не в своем уме. Обещайте мне, Фриц, что вы никогда не сделаетесь поэтом!

Фриц Гедерих с легким сердцем исполнил просьбу старика, — он не чувствовал склонности к поэзии.

— Теперь я оставляю вас одного, — заявил аптекарь, — а завтра я буду целый день в отъезде, — мне нужно побывать в Аммерштадте. Но к вечеру я вернусь. Постараюсь заодно подыскать вам место в этом городе. Впрочем, вплоть до окончания нашего опыта я не отпущу вас от себя. Спокойной ночи!

На другой день в семь часов утра Томазиус отправился в Аммерштадт. В тот же час вышел из города и магистр. Вооруженный бамбуковой тростью, с маленьким томиком поэта Горация, походной фляжкой с вином и холодной закуской в кармане, он отправился в окрестные горы, покрытые густым лесом.

Успех вчерашнего спектакля, милостивое внимание князя и окутанное розовым туманом будущее — все это вскружило голову магистру Иерониму Ксиландеру. Стены его «музейного» обиталища показались ему слишком узкими, и он, подражая римским поэтам Вергилию и Горацию, решил совершить поэтическую прогулку по окрестностям. Как человек осторожный, он предварительно осведомился о безопасности горных лесов и отправился в экспедицию лишь после того, как узнал из вполне достоверных источников, что в горах нет ни разбойников, ни диких зверей, исключая белок.

Вообще же магистр не был склонен к странствиям. Правда, в солнечные дни он совершал иногда небольшие прогулки: выходил из одних городских ворот и затем возвращался через другие, но бродить по лесам и по горам он не привык.

Даже в детстве он никогда не участвовал в веселых экспедициях своих проказливых товарищей. В то время, как они странствовали по горам и лесам, опустошали птичьи гнезда и крали сливы в чужих садах, маленький Иероним Гольцман помогал своей матери по хозяйству. А зимой, когда все прочие мальчуганы играли в снежки, он сидел у печки, слушая рассказы выдавших виды людей или читая какую-нибудь поучительную и занимательную книгу, например «Волшебный замок в пещере Кса-Кса» или «Приключения герцога Эрнста Швабского». Его школьные товарищи всячески над ним издевались, но он не обращал внимания на их насмешки. Никогда не приходил он домой с подбитым глазом или с расквашенной губой и в рваных штанишках. За все эти добродетели — чистенький, благонаправный Иероним был любимцем своей матери.

Позднее, в годы студенчества, он был не прочь полюбоваться горами и лесами, но только издали, из города. Итак, сегодняшняя прогулка по пустынным местам была первой в его жизни. Он с любопытством и не без страха оглядывался по сторонам. Точно таким же образом ведет себя деревенский парень, впервые попавший в город.

Магистр шел не торопясь. Внезапно лес начал редеть, и

между деревьями блеснула вода.

«Это, наверное, озеро, — предположил магистр, — но почему же оно не голубое, как описывают поэты, а серо-зеленое? Следует рассмотреть его поближе!»

Вдруг он слегка вскрикнул и отпрянул назад. Чуть ли не из-под самых его ног выскочили какие-то маленькие существа и — квак! квак! — прыгнули в воду.

В первый момент магистр решил, что это нимфы или эльфы, но затем он улыбнулся, устыдившись своего испуга, и вспомнил известную историю о крестьянах, которых разгневанная Латона превратила в лягушек.

Он осторожно подошел поближе и заметил зеленую голову, торчащую из воды. Автор комедии «Брак в Кане Галилейской» замахнулся палкой — он хотел было ударить по лягушке. Но зеленое существо успело уже исчезнуть, и в магистра только полетели брызги. Он еще несколько раз ударил по воде, и все с тем же успехом. Уж очень ему хотелось поближе рассмотреть этих крестьян, превращенных в амфибий! Увлечшись охотой, он нечаянно ступил в холодную воду, вскрикнул и отскочил в сторону.

— Однако, это могло худо кончиться, — пробормотал он, усевшись на траву и снимая башмак. — Осторожность, Иеронимус, прежде всего — осторожность!

Оправившись от испуга, магистр пошел дальше. Лягушки, которые то и дело попадались на пути, очень его забавляли.

— *Sub aqua maledicere tentant*, — воскликнул он. — Жаль, что я не захватил с собой Овидия Назона, — тогда смог бы прочесть весь этот отрывок. Какое это доставило бы мне удовольствие!

Тут он вспомнил о Горации и вытащил книжку из кармана. Почувствовав некоторую усталость, он выбрал местечко поудобнее, бережно расстелил носовой платок на мху и уселся.

«*Integer vitae scelerisque purus*» и т. д. — начал он читать оду, в которой Гораций воспевает свою возлюбленную и описывает прогулку по сабинскому лесу, где он повстречался с волком, которого обратил в бегство. Это произведение

поэт заканчивает сентенцией: с мужем доблестным не может случиться никакого несчастья во время странствий.

Магистр пришел к выводу, что эта ода очень подходит к теперешнему его положению, и решил теперь же приступить к сочинению стихов в честь своей возлюбленной — Эльзы Томазиус...

Он захлопнул книжку Горация и двинулся дальше. По дороге он начал слагать стихи, — этому занятию, увы, очень мешали древесные корни. Поэт то и дело спотыкался. Тогда он решил отложить поэзию до более спокойного часа.

— А лес-то — вещь хорошая, — пробормотал он про себя, — но, к сожалению, слишком мало разнообразия: внизу мох, посередине — деревья, наверху — небо; повсюду одно и то же.

Он приостановился и сорвал еловую ветку.

— Вот, например, эти иглы, они все — одна, как другая! Скучно!

«Пи-ип», — чирикнула птичка. Магистр оглянулся: совсем близко от него сидела на ветке крохотная птичка с золотистыми перьями на головке. Об этой птице магистру приходилось уже слышать, конечно! Его покойная мать часто рассказывала ему сказку о чудесной птичке в золотой короне, которая кладет золотые яички. Пташка, по-видимому, несколько его не боялась. Она спокойно смотрела на магистра большими глазами. В Иерониме Ксиландере опять проснулся инстинкт охотника, — он изо всех сил размахнулся, но златоголовая птичка перелетела на соседнюю ветку и насмешливо зачирикала. Магистр Ксиландер был возмущен: этакое нахальство со стороны птицы! Ее поведение превосходило бесстыдство ворона Якова! Он повернулся к ней спиной и быстро зашагал вглубь леса.

Отойдя несколько шагов, он успокоился и прочел само себе целую лекцию по поводу своей боязливости.

— Будь мужчиной! — громко воскликнул он. — Да, да, будь мужчиной! Ты ведь совершенное дитя, Иероним, — продолжал магистр, — в конце концов, ты пугаешься самого себя. Однако, — вспомнил он, — я до сих пор еще не завтракал.

Он выбрался из мрачной лесной чащи и вышел на небольшую лужайку. Отсюда открывался прекрасный вид на лежащий в долине Финкенбург. Когда магистр увидел крыши и трубы города, он вздохнул с облегчением и принялся завтракать.

Ученый муж пришел к выводу, что очень приятно закусывать в лесу. Он усердно работал челюстями и не без удовольствия наблюдал жизнь окружавшей его природы. В воздухе летало множество маленьких крылатых существ. По земле ползали пестрые деловитые жуки и ленивые улитки. Там и сям весело подпрыгивали зеленые кузнечики. Это был совершенно особенный маленький мирок.

Наклонясь к земле, магистр заметил несколько торчавших из нее совершенно круглых камней. С помощью своей тросточки он выковырял один из них и принялся рассматривать. Он попробовал разбить камешек. Это ему удалось.

— Удивительно! — глубокомысленно заметил магистр. Он увидел, что внутри камень был покрыт небольшими блестящими кристаллами. — Эту штучку следует показать господину Томазиусу; он, наверное, обрадуется.

— Вы нашли что-нибудь? — раздался вдруг чей-то голос. Магистр испуганно обернулся. Камень выпал у него из рук. Он увидел старенького, бедно одетого человечка с пучком трав и корешков.

— Ах, это вы, господин магистр? — воскликнул старичок. Он любезно осклабился и приподнял свою круглую войлочную шляпу.

— Откуда вы меня знаете? — не особенно приветливо осведомился магистр.

— Как же мне вас не знать? — возразил старичок. — Каждую субботу я бываю в аптеке, — продаю лечебные травы господину Томазиусу. Разве вы меня там не видели?

Магистр сразу же вспомнил, что, действительно, встречал этого старичка в аптеке. Здесь — в лесу — ученый муж ничего не имел против его общества. Он уделил старику немного хлеба и мяса. Тот с благодарностью принял.

— Вы нашли что-нибудь? — повторил он свой вопрос.

— Да, — ответил магистр, — эти вот блестящие камешки!

— Они не заслуживают внимания; вам нужно найти золото, золото, — глухим голосом прошептал старичок. — Кругом много золота, но найти его нелегко. Смотрите, здесь повсюду растут золотolistник и кукушкин лен, — значит, в земле скрыто немало золота. А камешки, которые вы нашли, еще не созрели, и очень жаль, что вы их разбили: годика через два в них образовалось бы золото.

Магистр изумленно оглядел старичка-ведуна. «По-видимому», — решил он, — господин Томазиус заразил его золотой лихорадкой».

— А вы сами находили золото в этих камнях?

— Нет, но как-то раз сюда приезжали чужеземцы, которые знали толк в этих камнях. Несозревшие камешки они зарывали в землю, а созревшие — разбивали и находили в

них золото. Затем они уехали с золотом в Италию и построили себе великолепные дома.

— Значит, они — итальянцы?

— Итальянцы или венгерцы; это ведь все равно, — убежденно заявил старичок.

— Вероятно, вы меня приняли за золотоискателя?

— Когда я увидел вас сзади, мне показалось, что вы один из тех чужих господ, что поселились недавно в гостинице «Золотого Гуся», — я ведь стал слаб глазами.

— О каких это чужих господах вы говорите?

— Ах ты, Боже мой! — воскликнул старичок и всплеснул руками. — Разве вы ничего не слышали об итальянском графе — астрологе, который делает золото для нашего всемогущественнейшего князя?

Но магистр никогда ничего не слышал о графе. Тогда собиратель кореньев рассказал все, что знал сам. Он часто встречал в лесу этого загадочного чужеземца, который занимался здесь исследованием золотоносных камней. Случалось, он покупал у старичка еду и питье, причем всегда очень щедро расплачивался.

— Да я бы его и так попотчевал, — заметил старичок, — ибо дружба с таким чужеземцем могла бы мне принести счастье. Дядюшка моего деда был приятелем одного итальянца, и ему не пришлось пожалеть об этом.

Магистр почувствовал любопытство.

— Расскажите-ка мне это, — попросил он.

— Почему бы нет, господин магистр? Сейчас расскажу... Но, если вы не хотите промокнуть, зайдите ко мне! Взгляните-ка на небо!

Небо, действительно, успело покрыться тучами, и магистр благословил судьбу, столкнувшую его с собирателем кореньев.

— Вы здесь живете на горе? — спросил он старика.

— Дом-то у меня в деревушке, но летом я всегда живу здесь, в лесу, — вместе с племянником моим, угольщиком. Видите, — дымок над деревьями; там моя хатка. Парень ушел сегодня в город, а я остался сторожить костер.

Они пришли в хибарку как раз вовремя. Едва магистр

переступил порог, как по крыше забарабанил частый дождь.

Внутри хата выглядела довольно убого. Очаг, один стул о трех ножках да около дюжины клеток для птиц, — вот все, что в ней имелось.

Старичок подал магистру стул, а сам уселся на полу — на соломе, которая служила постелью ему и его племяннику.

— Погода будет скверная до самого вечера, — заметил старичок. Магистр вздрогнул при этих его словах. — Если хотите, я вас выведу потом из лесу, — мне ведь здесь известна каждая тропинка; через час вы уже будете на проселочной дороге и по ней напрямиком дойдете до города.

Магистр с удовольствием принял это предложение и напомним старичку об обещании рассказать о приключениях его предка с итальянским золотоискателем. Старый ведун не заставил себя упрашивать. В лесу бушевал ветер, сбрасывая на крышу хижины еловые шишки; в окно стучал дождь. Погода была самая подходящая для слушанья чудесных историй.

— Отец дяди моего деда, — начал старик, — был угольщиком. Недалеко отсюда у него была хибарка. Это было как раз в то время, когда в нашу страну каждое лето приезжали итальянцы-золотоискатели. Как-то раз ночью угольщик услышал чьи-то отчаянные вопли. Он вышел в лес и наткнулся там на итальянца, заблудившегося в темноте и упавшего в яму. Отец дяди моего деда поступил с ним, как подобает доброму христианину, — он поднял его и привел к себе. С тех пор они стали друзьями. Каждое утро итальянец уходил со своими инструментами в горы и возвращался только поздно вечером. Он спал попеременно на трех шкурах: на кабаньей, на оленьей и на медвежьей!

— Разве здесь водятся медведи? — спросил магистр.

Старичок успокоительно покачал головой и продолжал:

— С приходом зимы итальянец уезжал, а весной возвращался обратно, — как раз во время прилета ласточек и аистов. О том, что он делал в горах, итальянец не рассказывал, и отец дяди моего деда никогда его не расспрашивал. Так прошло два года. Затем чужеземец перестал при-

ездать. К этому времени подрос сын угольщика: дядя моего деда, птицелов. Он отправился в чужие края искать счастья. Во время своих странствий он заехал как-то раз в пышный город Венецию. Этот город еще куда больше и краше Финкенбурга! Дома там из того белого камня, из которого сделали статую покойного князя Маврициуса. В Венеции дядя моего деда продавал зябликов и прочих певчих птиц. Как-то раз к нему зашел один важный господин, — это был не кто иной, как тот итальянец. Не стыдись, протянул он руку птицелову и повел его в свой роскошный дворец, где все так и блестело от золота. Во дворце итальянец угостил его на славу: свинины, кислой капусты и пива было там вдоволь. А под вечер он повел дядю моего деда в комнату, где было три кровати: одна в виде кабана, другая в виде оленя, а третья в виде медведя, и все они были из чистого золота! На этих-то трех кроватях дядя моего деда должен был спать попеременно. Потом итальянец рассказал ему, что нашел много золота в наших горах. Он купил у него всех птиц и, сверх того, так одарил, что ему хватило до самой смерти. Разве это не удивительная история? — заключил свой рассказ старичок.

— Очень даже удивительная, — подтвердил магистр. — А вы сами не находили золота?

— Нет, никогда. Впрочем, я особенно и не старался... Все равно ничего бы не вышло... Чтобы золото найти, недостаточно уметь хлеб жевать...

Магистр решил обязательно рассказать эту историю Томазиусу: «Старик, вероятно, заинтересуется. Лучше было бы, конечно, мне самому найти парочку слитков! Как бы я тогда высмеял моего тестя *in spe*, который годами ищет золото и до сих пор не нашел ни крупинки! Тогда — спокойной ночи, лицей!»

Магистр принялся строить воздушные замки. В него тоже неожиданно вселился золотой бес, который терзал старика Томазиуса.

Собиратель корней рассказал еще несколько чудесных историй о белых змеях с золотыми коронами, о жабах с драгоценным карбункулом в голове, о подземных сокровищ-

ницах и черных собаках. Но магистр почти не слушал его: он дремал, как заяц, с открытыми глазами.

Вдруг открылась дверь, и в хибарку вошел мужчина в черном, промокнувшем от дождя плаще, который придавал ему вид гигантской летучей мыши.

— Это и есть итальянский граф из «Золотого Гуся», — быстро шепнул старичок на ухо магистру и поднялся навстречу гостю.

— Такая погода была, когда Ной плавал в ковчеге! — воскликнул пришелец и снял шляпу, обрызгав дождевыми каплями чуть ли не всю комнату. — Эй ты, старик, разведи-ка огонь в очаге, — мне нужно обсушиться!

Снимая плащ, он заметил магистра, на поклон которого едва ответил.

Старичок засуетился. Через несколько секунд в очаге уже пылал огонь. Затем старый Петр начал подыскивать гостю место для сиденья. Но, увы, стул-то был всего один, и его занимал магистр. Последний понял, однако, умоляющий взгляд старичка и с любезным поклоном предоставил стул в распоряжение чужеземца. Иероним Ксиландер вообще отличался предупредительностью, особенно, когда имел дело с высокопоставленными лицами.

Пришелец поблагодарил магистра и уселся к нему спиной.

«Как это грубо, — подумал магистр, — но зато ведь он итальянский граф!»

Ученый муж сгорал от желания вступить в разговор с чужеземцем, который мог ему дать нужные сведения о добыче золота. Но как начать? Он внимательно оглядел графа с головы до ног и заметил, что из кармана у него торчал конец молотка.

Ксиландер откашлялся и произнес:

— Какая сегодня скверная погода, не правда ли?

— Совершенно верно, — буркнул чужеземец. — Эй, Петр, нет ли у тебя чего-нибудь поесть?

Старичок, видно, ждал этого вопроса и немедленно подал гостю хлеба, масла, сыра и фляжку.

— Петр, — сказал магистр, — дайте-ка и мне покушать!

Я хорошо заплачу вам за это.

Старый Петр подивился аппетиту магистра, который только что позавтракал. Однако, он тотчас же исполнил его просьбу. Магистр уселся на краю очага. Теперь он мог лучше рассмотреть лицо незнакомца.

— Хорошее масло! — заметил он, намазывая хлеб.

— Совершенно верно, — равнодушно согласился чужеземец и сунул в рот большущий кусок хлеба.

Опять наступила пауза. Тогда магистр надумал приступить к более решительным действиям. Он извлек из кармана расколотый кусок кварца и протянул его своему загадочному соседу.

— Скажите пожалуйста, милостивый государь, что это такое?

Незнакомец взглянул на камень и сказал:

— К сожалению, не могу быть вам полезным.

Старый Петр, стоявший рядом с ними, усмехнулся. Он понял, к чему клонит магистр, и отнесся вполне сочувственно к его намерению выпытать что-либо о золоте у незнакомца. Посему он решился прийти магистру на помощь.

— Если господин граф не может дать вам ответа, справьтесь у аптекаря Томазиуса! Он знает толк в этих вещах.

Итальянский граф окинул магистра молниеносным взглядом и затем опять опустил глаза.

— Ах, так, — обратился он наконец к Ксиландеру, — вы, вероятно, помощник аптекаря?

Кровь бросилась в лицо магистру. Он, автор комедии «Брак в Кане» — помощник аптекаря!

— Нет, — возразил он, — старик Томазиус только мой друг, и я проживаю в его доме. Меня зовут... — магистр поднялся и отвесил изысканный поклон: — меня зовут Иеронимус Ксиландер, я — магистр свободных искусств.

Итальянский граф также поклонился.

— Не сродни ли вы почтенному поэту, автору комедии, разыгранной вчера в присутствии нашего светлейшего князя?

Магистр зарделся, как девица, и прошептал:

— Это я и есть.

— Ах, вот как! — воскликнул граф и поднялся со своего стула-треножника. — Очень приятно, — сказал он, —читаю за честь познакомиться с вами...

Медовые речи так и потекли из уст графа и магистра. Старый Петр смотрел на обоих с изумлением. Затем поднялся маленький спор из-за стула-треножника: каждый из собеседников стремился уступить его другому. Наконец, они уселись. Граф попросил магистра еще раз показать ему камешки и прочел маленькую лекцию о кварцевых породах. А магистр пересказал своему собеседнику чудесную историю, слышанную им от старого Петра. Он рассказал также о своем старом друге Томазиусе, который уже в продолжение целого ряда лет без всякого успеха стремится добыть золото, и затем попросил графа посвятить его в тайны алхимии.

Старичок Петр, наострив уши, старался запомнить каждое слово; однако, он почти ничего не понял из того, что го-

ворил граф.

Увы! немногое уразумел и сам почтенный магистр, ибо граф говорил необыкновенно пространно и туманно.

Дождь, между тем, утомонился, и солнце склонилось к закату. Но магистр и не думал уходить. Затаив дыхание, слушал он мудрые речи итальянского графа, глаза которого странно блестели при тусклом свете гаснувших угольков очага.

Глава XI

ЯКОВ, РОКОВОЙ ВОРОН

— Послушай, Эльза, — сказал Томазиус перед отъездом в Аммерштадт, — сегодня ты остаешься полной хозяйкой в доме. Держись около Ганны и избегай бакалавра! Надеюсь, ты меня поняла? Скоро он все равно нас покинет, — понимаешь? Он сам попросил меня подыскать ему новую службу, и я сделаю, что могу. Может быть, во время моего отсутствия он захочет попрощаться с тобой. Но ты уклонись от этого — понимаешь? Он славный парень, но — ты понимаешь меня, надеюсь, — лучше будет так, а не иначе. Поняла?

Эльза поняла только одно, — Фриц уезжает от них! У нее даже голова закружилась при этом известии.

Томазиус нежно погладил свою прекрасную дочку по голове и уехал. Эльза не слышала стука колес и не обратила никакого внимания на отца, махавшего ей рукой на прощание. Она упорно думала только об одном: он уезжает!

С того самого весеннего дня, когда Фриц рассказал ей историю своей жизни, она ни разу еще не говорила с ним наедине. Ведь Фриц целыми днями и ночами работал над открытием в тайной лаборатории. Потом он готовился к спектаклю, так что Эльза видела его только изредка. Теперь комедия была сыграна, и она надеялась, что ей удастся, наконец, поговорить с ним. И вдруг — оказывается, он уезжает!

Какие мучения пришлось перенести Эльзе за все это время! Когда они сидели вдвоем под бузиной и готовы были во всем признаться друг другу, — неожиданно появился магистр и вспугнул их... В последующие дни, когда она сидела за столом напротив Фрица, ей приходилось все время быть настороже, чтобы чем-нибудь не выдать свою тайну. Как мечтала она о новой встрече с тем, ради кого билось теперь ее сердце! Но дни проходили за днями. Эльза нередко бродила по саду, однако Фриц не появлялся больше у гряд

с лекарственными травами... Он сидел в тайной лаборатории, согнувшись над тиглями, колбами и ретортами, тогда как в саду все приходило в запустение. Заметив клубы дыма, выходящие из лаборатории, Эльза нетерпеливо топала маленькой ножкой или безжалостно обрывала цветы на клумбах. А за последние дни Фриц стал показываться еще реже. К тому же, когда она с ним встречалась, он опускал глаза и быстро проходил мимо. Тогда она поднималась наверх — в свою комнату, где можно было вдоволь наплакаться. Иногда в ней просыпалась гордость и она думала: «Ты, дочь почтенного бюргера, — плачешь из-за этого...» Но затем она быстро успокаивала себя: «Что ж? — зато у него голова на плечах! Он делает золото, играет в театре. Ах, когда-нибудь я скажу ему, как я беспокоилась о нем и как люблю его! Но сперва помучаю его — совсем немножко, но чтобы почувствовал! Он заслуживает этого». Она улыбалась сквозь слезы, вытирала лицо и принималась за какую-нибудь работу.

Теперь Эльза думала о вчерашнем вечере, когда сотни людей любовались юношеской красотой ее возлюбленного и сам князь похвалил его! Как тогда стучало ее бедное маленькое сердце! Когда его темные глаза смотрели в ее сторону, она то бледнела, то краснела. «Он любит меня», — читала она в его взоре. А когда она слышала, как зрители, перешептываясь, восхищались бакалавром, и глаза всех женщин и девушек — и даже надменной Кэтхен — были обращены на Фрица, ей хотелось крикнуть на весь зал: «Он принадлежит мне, он любит меня, он — мой!» Теперь, когда отец сообщил ей, что должен уехать, первая ее мысль была: они на целый день останутся одни в доме. Сначала ей было не совсем ясно, на что, собственно, она надеется! Однако с чувством тайной радости выслушала она известие о решении магистра постранствовать по горам. Фриц, думала она, улучит минутку поговорить с ней, и магистр больше не помешает их объяснению... Понемногу Эльза замечталась. Она грезилась о бузине в их саду. Под деревом стоит маленькая скамейка. Они сидят на ней и говорят друг другу о своей любви.

Вдруг она вспомнила, что говорил ей отец: Фриц Гедерих по собственному желанию уезжает из города.

Опустив голову, пошла Эльза в свою комнату и грустно посмотрела в окно на голубое небо.

«Что гонит его от нас? Что случилось?»

Она вспомнила о странном поведении Фрица за последние дни.

Почему стал он вдруг таким боязливым и умышленно избегает встречи? Может быть, она чем-либо нечаянно оскорбила его?

Вдруг в ней, — дочери богатого бюргера, патриция, — проснулся демон гордости:

«Что ж — пускай! Не бросаться же мне первой на шею этому искателю приключений!»

Но вот перед ней опять встал образ прекрасного юноши, и ей почудилось, что он тихо прошептал одно-единственное слово: «Эльза!»

Она закрыла лицо руками и так зарыдала, что, казалось, даже камни не остались бы бесчувственны к ее горю:

«Прощайте, вешние грезы! Прощай, моя радость! У меня было маленькое миндальное дерево, весной оно покрывалось тысячами розовых цветов. Но вдруг нагрянула буря и сломала дерево. С тех пор оно больше не цветет. Молодое деревце — это я. Почему я должна так страдать? Что я сделала? За что терплю такую муку?»

Так горевала белокурая Эльза. Но вскоре она овладела собой. Недаром была она дочерью старого Томазиуса, который *никогда* не предавался унынию, — даже если его постигала неудача в царстве колб и тиглей! Крепышом по натуре была и Эльза. Она смочила водой пылавшие щеки и, усевшись перед зеркальцем, привела в порядок волосы.

— Как мне хотелось бы знать причину его отъезда! — прошептала она. — Я сама спрошу его об этом. Он должен будет ответить мне.

Она еще раз оглядела себя в зеркало и, высоко подняв голову, быстро вышла из комнаты.

Фриц Гедерих сидел в лаборатории. Туда ей нельзя было пойти, — она это хорошо знала. Тогда она решила как-

нибудь выманить его в сад. Она быстро подошла к лаборатории и бросила пригоршню песка в окно. Тотчас же показалась голова бакалавра.

— Не можете ли вы выйти на минутку? — спросила она.
— Мне нужно с вами поговорить.

— Сейчас приду, — сказал Фриц и отошел от окна.

— Посмотрим, что будет дальше, — прошептала Эльза.

Она заложила руки за спину, как школьный учитель, собирающийся допрашивать провинившегося школьника.

Но когда появился Фриц и спокойно посмотрел на нее своими карими глазами, от ее строгой позы не осталось и следа.

— Почему вы уезжаете? — мягко спросила она.

Фриц Федерих опустил глаза.

— Я должен уехать, — сказал он. — Когда-то я думал, что

найду здесь вторую родину, но это была нелепая мысль.

Он горько засмеялся.

— Не обидел ли вас мой отец? — спросила Эльза. — Он человек горячий, но, в сущности — очень добрый. Или у вас вышло что-нибудь с магистром?

— Ах, этот магистр!

— Что у вас с магистром, Фриц? Из-за чего вы поссорились?

— О, нет, магистр — мой друг, — сказал Фриц сквозь зубы. — Вы знаете, что он мне сказал? Он хочет, чтобы я был его шафером на вашей свадьбе.

Это был последний козырь в его руках! Он думал, что теперь разоблачил коварную Эльзу, и она виновато опустит перед ним свою белокурую головку. Но случилось совсем не то, что он ожидал. Эльза вдруг горько зарыдала.

Бакалавр не на шутку испугался.

— Ради Бога, перестаньте плакать! Я глупо сделал, что заговорил о вашей тайне. Но клянусь вам: я никому не скажу ни слова об этом. К тому же, я почти не встречаюсь с людьми и скоро уеду отсюда навсегда. Можете на меня положиться, — я ничего не слышал, ничего не знаю... Успокойтесь только, юнгфер Эльза!

Но девушка зарыдала еще сильнее.

— Зачем вы насмехаетесь надо мною, Фриц? — сказала она, всхлипывая. — Что я вам сделала?

Бакалавр совсем растерялся. Он пришел сюда обвинять... А вышло совсем наоборот. Теперь он стоит перед ней, как бедный грешник, и не знает, что сказать. Ему непонятно ее поведение. Эльза повернулась и пошла к дому.

«Нет, она не должна уйти от меня в гневе», — подумал Фриц и поспешил за ней. Он нагнал ее в сенях и начал говорить:

— Эльза, кто знает, удастся ли мне поговорить с вами перед отъездом? Так расстанемся же друзьями! Если я обидел вас, прошу прощения. Я был безумцем, когда вообразил на мгновение, что вы смотрите на меня не только как на помощника вашего отца... Когда мы сидели под бузиной, — тут голос его дрогнул, — и я видел вас во всем блеске вашей

красоты, и ветер играл вашими золотистыми волосами, вы сказали мне, что *не презираете* меня за прошлое, — тогда мне пришла в голову одна мысль... Ах, Эльза, зачем только вы слушали меня с таким участием, зачем вы были так добры ко мне? Тогда — на мгновение — я потерял голову... Но теперь я знаю, что вы отдали ваше сердце другому, и это заставляет меня уехать. Я не могу на вас сердиться... напротив, желаю вам счастья, и надеюсь, что когда-нибудь вы простите меня. Это мое единственное желание, Эльза... А когда я буду умирать — может быть, где-нибудь под забором, в канаве, моя последняя мысль будет о вас, я вспомню тогда, как мы сидели вдвоем под бузиной...

У него голос пресекся от волнения.

А душа Эльзы ликовала, словно яркая звезда осветила непроглядную ночь! «Ах, вот почему он такой!» — подумала она. Ей захотелось обнять весь мир, — но это, увы, было невозможно! Поэтому она бросилась на грудь тому, кто стоял перед ней, и плакала, и смеялась, и лепетала что-то, словно малое дитя.

Фриц Федерих тяжело дышал. Что это? Как это случилось? Господи! Он держит Эльзу в своих объятиях! Может быть, это только сон, и он сейчас проснется! Нет — это действительность! — Он слышал, как билось ее сердце, и чувствовал ее теплое дыхание.

— Эльза, Эльза, ты любишь меня?

Эльза продолжала смеяться и плакать, а он целовывал слезы с ее век, целовал ее в лоб и в губы, и гладил ее белокурые волосы.

А в дверях стояла старая Ганна и вытирала концом передника то правый глаз, то левый. Наконец, источник ее слез иссяк, и она решила вмешаться:

— Вот это славно! Эльза, господин бакалавр, утешились теперь?

Фриц и Эльза тотчас же отскочили друг от друга. Эльза густо покраснела и опустила голову. Фриц на несколько мгновений лишился дара речи. Старая Ганна с тайным наслаждением взирала на растерявшихся юных грешников. Наконец-то наступил подходящий момент для произнесения дав-

но уже приготовленной речи!

— Ах, дети, дети, — начала она, — что это с вами произошло? Что скажет отец, что скажет магистр?

Оба эти вопроса отрезвляюще подействовали на молодых людей. Эльза спрятала лицо на груди возлюбленного, словно ища у него защиты.

— Юнгфер Ганна Шторхшнабелин! — начал Фриц. — Я знаю, что вы любите Эльзу, как мать свое дитя...

— Видит Бог, это так, — подтвердила старушка и опять утерла передником набежавшие слезы.

— Вы видите, Эльза любит меня, и я люблю ее. Будет очень жестоко и несправедливо с вашей стороны, если вы станете мешать нам и предадите нас. Нет, я уверен, что вы этого не сделаете: вы не Иуда-предатель.

Ганна опять отерла слезы передником.

— Ганна, — прошептала Эльза, — добрая, дорогая Ганна, я не могу иначе, Фриц мне дороже жизни.

Ганна всхлипнула.

— Я лучше брошусь в Аммер — нарочно выберу место поглубже! А за магистра не выйду ни за что!

В груди старой Ганны билось доброе сердце: оно не могло не смягчиться.

Когда она начала говорить, ее прервали. Теперь она продолжала свою речь, причем красноречиво изобразила легкомыслие молодых людей. Затем, после умышленно сделанной паузы, старая Ганна обратилась к ним со словами примирения:

— Так-то так, но все же это скверная история: впрочем, если дело зашло так далеко — я ведь раньше догадывалась об этом — следует все обдумать и обсудить. Вы же, дети мои, не беспокойтесь! С Божьей помощью и при содействии юнгфер Иоганны Шторхшнабелин — все сойдет, как нельзя лучше.

Старая Ганна поцеловала Эльзу. Бакалавр также попросил оказать ему эту честь, но старая девица согласилась не сразу, — молодому человеку пришлось довольно долго ее упрашивать.

Начались взаимные расспросы и обсуждение плана даль-

нейших действий. Фриц Гедерих рассказал, что сообщил ему в свое время господин Томазиус и на какие мысли навел его этот разговор. Под конец они снова попросили друг у друга прощения и еще раз поцеловались.

То, что Эльза не достанется магистру, очень обрадовало старую Ганну, и она не преминула сообщить об этом.

До поры до времени, посоветовала старушка, следует помалкивать, ничего не говорить ни отцу, ни магистру; нужно терпеливо ждать подходящего случая для объяснений.

Наконец, старая Ганна увела бакалавра к себе на кухню и посоветовала ему не слишком упиваться своим счастьем: соблюдать во всем осторожность и ничем не досаждать старику в лаборатории и не забывать, что во всем этом деле он — главная персона. Господин помощник должен хорошенько вдуматься во все эти вопросы и быть начеку.

Фриц поблагодарил старушку за советы и пошел в лабораторию. Колба с тинктурой светилась, как огромный гранат, потрескивал огонь, жужжали мухи и миллионы пылинки плясали в солнечных лучах, проникавших в комнату через круглые окна. Бакалавру казалось, что он теперь совсем другой человек: лучи солнца проникали ему в самое сердце, где словно пели вешние птицы и звучали церковные колокола. Бременами он вспоминал об отце Эльзы и о магистре. К его чести следует сказать, что он чувствовал некоторые угрызения совести, когда думал о простодушном Иерониме Ксиландере...

«А что скажет отец, старый Томазиус! Какое у него будет лицо! Если опыт с тинктурой удастся — можно будет надеяться, а если нет, что делать тогда? Ах, будь, что будет! Голову выше и шире глаза! Эльза — моя, и будет моей; посмотрел бы я на того, кто захотел бы отнять ее у меня!»

Фриц был весь преисполнен гордости. Раскрыв окно, со счастливой улыбкой на губах, он испустил громкий крик радости, дважды повторенный эхом.

Перед окном по овощным грядкам разгуливал ворон Яков: он охотился на червей и улиток. Ликующий возглас бакалавра испугал старого ворона; однако, узнав по голосу своего покровителя, он закаркал: «Эльза! Эльза!» и взлетел

на подоконник. Фриц погладил его и почесал ему шею.

— Подожди, старина, — обратился к нему Фриц, — у тебя ведь тоже должен быть праздник. Я принесу тебе кусочек бычачьей печенки.

По-видимому, Яков понял своего друга и утвердительно кивнул ему головой. Фриц сходил за печенкой, собственноручно ее разрезал и дал ворону.

— Когда я пришел в этот дом, ты первый назвал мне *ее* по имени; помнишь ли ты это, старый мошенник? Если мои надежды на счастье оправдаются, ты будешь каждый день получать кусок печенки, а по воскресеньям — даже сыр, — слышишь, Яков?

Но Яков был всецело занят настоящим: забыв обо всем на свете, он уплетал бычачью печенку.

* * *

В это время старая Ганна сидела на кухне и потчевала белокурую Эльзу мудрыми советами и наставлениями. Затем она поведала ей о своей старой девичьей любви, причем не раз пустила в ход кончик передника.

Эльза терпеливо слушала ее, думая про себя: «После обеда встречу с ним под бузиной».

Однако, вскоре небо покрылась тучами, и пошел несильный, но затяжной дождь.

К обеду пришла в гости бургомистрова Кэтхен. Она начала без умолку говорить о вчерашнем вечере, о том, как отличился магистр Ксиландер и какая ждет его награда. Затем она перевела разговор на бакалавра, от которого все были в восхищении, — даже ее мать. Очень возможно, что его светлость вознаградит также и бакалавра. Нужно только, чтобы кто-нибудь похлопотал за него перед князем, — и лучше всего, если это сделает ее отец, бургомистр, на которого Фриц произвел очень хорошее впечатление!..

Сегодня болтовня Кэтхен особенно раздражала Эльзу.

Между тем, появилась старая Ганна с огромным крас-

ным зонтиком под мышкой и уведомила Эльзу, что отправляется в гости к родственнице.

У Кэтхен нашелся теперь предлог продлить свой визит; ведь это ее долг, — заявила она, — поразвлечь Эльзу, чтобы время прошло незаметно.

Но время и так летело скоро. Дождь уже перестал, выглянуло солнце, — настал подходящий момент выйти в сад на свидание с милым. А Кэтхен все сидела да сидела и вовсе не думала уходить: язычок работал без устали. Эльза нетерпеливо сжимала под фартуком свои маленькие ручки.

Наконец, Кэтхен вспомнила, что ей нужно пойти куда-то со своей матерью, и она распрощалась с подругой. Эльза вздохнула с облегчением и от волнения так стремительно бросилась обнимать гостью, что посторонний мог бы подумать, что она навеки прощается с родной сестрой.

Проводив Кэтхен до дверей, Эльза помчалась в сад и бросила пару камешков в окошко, за которым Фриц Гедерих сидел в обществе ворона Якова.

Фриц сделал ей знак рукой, поспешно подбросил полено в огонь и побежал в сад.

Они уселись на скамейке под бузиной, которая теперь была покрыта не белыми цветами, а черными ягодами. Не пела больше и овсянка: ей надо была заботиться о целом выводке желторотых птенцов. Несколько пожелтевших листьев валялось на дорожке, но в сердцах влюбленных молодых людей все еще цвела весна.

Ее головка покоилась на его груди, и он прислушивался к учащенному биению ее сердца. Один локон выбился из ее тяжелых кос и развевался на ветру. Фриц обвинял его вокруг пальца и с улыбкой наблюдал, как он во мгновение ока снова разматывался.

Он вспомнил старую сказку о златоволосой королевской дочери, полюбившей бедного пастуха.

Желая убедиться, что все это не сон, Фриц едва слышно прошептал: «Эльза». Она приподняла веки и потянулась к его губам. Нет, это не был сон! Фриц поцеловал ее в губы и затем в родинку на плече. Эльза обвила руками его шею и посмотрела ему в глаза.

— Они у тебя карие, — прошептала она, — а вот здесь на щеке — рубец.

Она легко провела по нему пальцем, и он вздрогнул от этого прикосновения.

— Моя Эльза!

— О, мой возлюбленный!

Ганна, старая разумница Ганна, где ты теперь?

Вдоволь нацеловавшись, они поднялись со скамейки и пошли бродить по саду, держась за руки, словно маленькие дети.

— Вот здесь, у этой мяты, мы впервые заговорили друг с другом. Помнишь?

Фриц сорвал цветущую веточку и приколот к ее волосам.

Они подошли к старой башне, которая была превращена в садовую беседку, и вошли по ступенькам наверх.

Из окна были хорошо видны горы, покрытые темно-зелеными еловыми лесами. Дождь очистил воздух, и теперь можно было разглядеть каждый горный уступ.

— Там, в горах, — заметил Фриц, — бродит теперь магистр. Знаешь что, Эльза? Мысли о нашем магистре не дают мне покоя. Когда он вернется сегодня вечером, я не посмею поднять на него глаз.

— Ах, забудем про магистра, Фриц! Посмотри, как чудесно освещены солнцем монастырские руины на горе! Знаешь ли ты, что там живет одно бедное привидение? Говорят, будто каждую ночь из руины спускается очарованный монах, — он приходит к нам в сад и гуляет здесь с очарованной монахиней...

Фриц сказал, что слышал какую-то легенду об этих чудесах, но не знает подробностей.

Эльза всплеснула руками от изумления.

— Весь город знает это предание, а господину помощнику почти ничего не известно! Я слышала эту легенду от своей тети, — она жила в твоей комнате. Ах, Фриц, если бы добрая тетя Урсула была жива, мы нашли бы в ней заступницу... Я была совсем маленькой девочкой, когда с ней случился удар, — это было как раз в Крещение. Но я очень

хорошо помню ее доброе приветливое лицо и часто, перед сном, уже закрыв глаза, я вижу ее, как живую. Царствие ей небесное!

Фриц Гедерих наклонился и поцеловал Эльзу в лоб.

— Вернемся к бузине! Там ты расскажешь мне про свою тетю, а также про монаха и монахиню. Хочешь?

— С удовольствием, Фриц. Но ты ведь такой ученый и умница. Это все говорят, — и отец, и магистр. Мои рассказы скоро наскучат тебе! Я ведь совсем глупенькая...

Фриц закрыл ей рот поцелуем.

Они опять уселись под бузиной. Солнце уже низко склонилось к горам.

Ганна, старая Ганна, где ты теперь?

Эльза начала рассказывать:

— Каждый день после обеда тетя читала сборник проповедей. Она была очень умной женщиной, умела читать, писать и считать. Я сидела около нее на скамеечке, и когда я начинала капризничать, она дергала меня за ухо.

Фриц не удержался — и слегка дернул Эльзу за ушко.

— Я не очень любила эти часы, — продолжала Эльза, — но, окончив чтение проповеди, тетя принималась за пряжу, и я очень радовалась тогда: она начинала рассказывать мне чудесные истории о бесстрашном Зигфриде, о прекрасной Магелоне и о семи воронах; она знала также много рассказов о страшных ведьмах, привидениях, оборотнях, огненных драконах и других чудовищах. Страшновато было слушать ее и в тоже время так увлекательно! Случалось, что в комнату входил отец, — обычно как раз в тот момент, когда я, затаив дыхание, ждала окончания какой-нибудь занимательной истории. Тетя Урсула тотчас же умолкала, а отец хмурился и говорил: «Надеюсь, вы не рассказывали ребенку о привидениях? Я не выношу, когда детям набивают голову подобным вздором!» Я убегала тогда и горько плакала где-нибудь в уголке, — втайне я ужасно сердилась на отца, но он-то, конечно, желал мне добра. Однажды тетя Урсула рассказала мне и про монаха и монахиню, разгуливающих по ночам в нашем саду. Дело в том, что дом наш был

раньше женским монастырем. Об этом ты слышал, конечно?

Фриц кивнул головой.

— Много-много лет тому назад в этом монастыре постриглась благородная девушка, жених которой был убит на войне турками: так, по крайней мере, рассказывали его товарищи, возвратившиеся на родину. Однако на самом деле рыцарь не был убит, его только взяли в плен. В плену у турок он страшно бедствовал, но через три года ему удалось освободиться; он возвратился в немецкую землю и поспешил к замку своей возлюбленной. Увы, ему сказали там, что она давно уже Христова невеста. Тогда рыцарь снял шлем, повесил щит и меч на стену и постучался в ворота монастыря, который стоял там, на горе. Его приняли, и он стал монахом. Итак, рыцарь и девица жили каждый в своем монастыре. На этом и могла бы закончиться вся история. Но случилось иначе, и я до сих пор содрогаюсь, когда думаю об этом. Они нарушили данную ими клятву!.. По ночам монахиня выходила из своей кельи, а монах спускался с горы и перелезал через стену. Здесь в саду они встречались. Как-то раз они совсем забыли о времени, нежились и целовались так долго, что уже зазвонили к обедне, и их застали вдвоем... Тогда бедную монахиню замуровали живой в монастырской стене.. То же самое сделали и с монахом в нагорном монастыре. Люди говорят, что в могиле им не суждено было обрести покой, и вот они поднимаются в полночь и бродят вместе до первого петушиного крика. Некоторые видели их здесь в саду. Собиратель трав, старик Петр, клялся и божился, что видел их. И наша Ганна тоже верит в это. Даже сам магистр, который днем-то постоянно посмеивается над суевериями простого народа, ни за что не решился бы выйти ночью в сад, хотя мой отец и трунит над ним. Разве это не страшная история, Фриц?

— Конечно, Эльза, но ведь сказочка — без конца. Или ты думаешь, что бедным привидениям придется бродить по ночам до самого Страшного суда? Нет, миг искупления должен наступить раньше. Разве тетя Урсула ничего не говорила тебе об этом?

Эльза отрицательно покачала головой.

— Тогда я расскажу тебе конец этой истории. Монах и монахиня обречены на скитания по ночам до тех пор, пока под этой вот бузиной, где они нарушили обет, двое других не поклянутся в вечной верности. Когда это случится, монаха и монахиню впустят в рай, где они будут молиться за своих спасителей. И любящие будут так счастливы, как только могут быть счастливы люди на земле!

Эльза рассмеялась, как ребенок.

— Да, да, — воскликнула она, — эта история именно так и должна кончиться. Мы теперь уже спасли монаха и монахиню. Жаль только, что мы не можем разгласить это по всему миру!

Они опять поцеловались и поклялись друг другу в верности. Увы, ни один из них не подозревал, как еще они далеки от цели!.. Вечернее солнце озаряло травы в саду красноватым светом, а старая бузина тихо шумела: «Идите, идите!» Но Фриц и Эльза не понимали речей старого, мудрого дерева... Они не замечали, как летело время — точно так же, как те монах и монахиня, что сидели когда-то под этой самой бузиной...

Ганна, старая Ганна, где же ты?

* * *

Ворон Яков давно уже съел всю печенку и хотел теперь для пользы пищеварения прогуляться по саду. Но дверь и окна оказались на запоре.

— Да, да, таковы люди, — проворчал он сердито, — только что пообещал кормить меня печенкой и сыром, а теперь удрал куда-то и забыл обо мне... О, люди, люди!

Он попробовал было воспользоваться своими знаниями человеческого языка и выкрикнул сначала свое собственное имя: «Яков! Яков!»

Но все было тихо по-прежнему. Тогда он жалобно прокаркал: «Эльза! Эльза!»

Бедный Яков, теперь у Эльзы нет времени подумать о тебе!

Наконец, он сердито крикнул: «Оборванец, оборванец, оборванец!»

Но и это не помогло. Тогда ворон испугался не на шутку. Кто знает, сколько времени его продержат здесь взаперти? Он вспомнил филина, попавшего на чердак и умершего там с голода. В свое время он с дьявольским злорадством наблюдал за муками несчастной птицы, а теперь сам попал в такое же положение!..

Будучи по натуре предусмотрительным, ворон совершил небольшую прогулку по комнате в поисках чего-нибудь съедобного. Кругом стояли бутылки, стаканы, но их содержимое было, увы, ему не по вкусу. Внезапно он заметил большую колбу, стоявшую на плавильной печи; в ней была какая-то красная жидкость. Яков решил, что это красное вино, которое он весьма ценил. Он взлетел на печь и сунул свой клюв в красную тинктуру.

— Фуй! Вот так мерзость!

Яков сердито плюнул и яростно ударил крылом по колбе, которая сразу опрокинулась. Зазвенело разбитое стекло;

красная тинктура с шипением разлилась по печи и закапала на пол.

Яков струсил: он смутно почувствовал, что причинил большой вред. В этот момент за дверью послышался какой-то шорох, и ворон поспешил спрятаться за груды старых бутылок.

Дверь открылась, и в лабораторию заглянул только что приехавший Томазиус.

— Фриц, — крикнул он, — что это значит? Почему вы оставили ключ снаружи?

Тут он заметил, что бакалавра не было в комнате, и вместо драгоценной колбы виднелась груда осколков, а красная жидкость успела уже почти испариться на раскаленных камнях.

Дрожащей рукой прикоснулся аптекарь то к своему лбу, то к осколкам. В глазах у него потемнело.

К счастью, в этот критический момент обезумевший от горя старик заметил через окно парочку, сидевшую под бузиной. Благодаря этому, он избежал удара: неожиданное открытие возбудило в нем прилив жизненной энергии. В порыве гнева он испустил яростный крик и, сжав кулаки, выбежал из лаборатории.

Едва он исчез, как Яков, роковой ворон, осторожно выбрался из засады и, пугливо озираясь, выпорхнул из комнаты, где он натворил столько бед, и скрылся, мучимый совестью, подальше от людских взоров.

* * *

Отважные путешественники по дальним странам, охотившиеся на всевозможных диких зверей, уверяют, что нет ничего ужаснее воплей разъяренного слона.

Но даже бешеный рев целого стада слонов, с несколькими носорогами в придачу, не испугал бы так парочку, сидевшую под бузиной, как крики и ругань приближавшегося к ним аптекаря.

Он бежал прямо через капустные грядки старой Ганны.

И вот, со сверкающими глазами и налившимися жилами на лбу, предстал он перед застигнутыми на месте преступления грешниками.

— Ах, вы! вы! вы!..

От волнения он не смог больше выговорить ни слова.

Эльза подошла к отцу с протянутыми вперед руками, но быстро отпрянула назад, когда он замахнулся на нее.

Фриц Гедерих встал между ним и своей возлюбленной и крикнул:

— Послушайте, господин Томазиус!..

— Молчать! — прозвучало в ответ. — Ты принес в мой дом несчастье. Колба разбита, тинктура пролилась, а теперь ты хочешь еще погубить моего ребенка? Прочь, прочь! Вон из моего дома, или я тебя изобью!

— Господин Томазиус, — сказал Фриц, сверкая глазами, — вам незачем применять ко мне насилие. Вы вправе выгнать меня из вашего дома, — я готов уйти, но пощадите мою Эльзу!

— Твою Эльзу! — вскричал совсем взбешенный старик.

— Да, отец, — тихо сказала Эльза, — я — навеки его.

Аптекарь на секунду остоленел.

— Хорошо же, заблудшее дитя, иди с ним, я не удерживаю тебя!

Эльза страшно побледнела и опустила глаза.

— Иди, иди! — аптекарь злорадно захохотал.

— Отец, — сказала Эльза дрожащим голосом. — Ты же говоришь не всерьез, — ведь я знаю, как ты меня любишь. Прости нас, отец!

— С этим субъектом, — возразил Томазиус более спокойным тоном, — у меня не может быть ничего общего — он сегодня же уйдет от нас. А мое прощение тебе будет зависеть от тебя самой. Теперь решай: или оставайся со мной — или уходи от старого отца с этим субъектом!

— Эльза останется у вас, господин Томазиус, — вмешался Фриц. — Я уйду один. Будь счастлива, Эльза, и не забывай меня — в конце концов, ты будешь моей! Всего хорошего, господин Томазиус, благодарю вас за вашу прежнюю доб-

роту. Мне очень больно, что я причинил вам такое горе.

Он повернулся и вышел из сада.

Томазиус кивнул своей дочери, и они поднялись по лестнице наверх. Он открыл дверь ее комнаты и сказал:

— Ты будешь сидеть здесь, пока не одумаешься!

Он запер дверь, а ключ положил в карман.

Вскоре Фриц Гедерих вышел из дому с узелком. Причитающееся ему жалованье аптекарь велел своему ученику отнести к нему в комнату. Невзирая на неудачу, Фриц чувствовал себя победителем. Он знал, что Эльза любит его. Теперь — будь, что будет!

Аптечный лев, которого давно следовало бы позолотить, выглядел особенно мрачно в вечернем сумраке. Фриц погладил его по спине и промолвил:

— Мы с тобой еще увидимся, старый товарищ! Тогда будет светить солнце, и твоя шкура покроется позолотой, даже если старику не удастся сделать золото!

Он спустился по лестнице. В это время по улице проходили два человека; в одном из них он узнал магистра, а другого он никогда еще не видал. Чтобы избежать встречи с Ксиландером, он пошел по теневой стороне улицы. Те двое остановились около аптеки и пожали друг другу руки.

— Спокойной ночи, господин граф! — сказал магистр таким громким голосом, что любопытные соседи высунули свои головы из окон.

Незнакомец быстро зашагал к нижним городским воротам. Фриц последовал за ним, так как гостиница «Золотого Гуся», где он предполагал поселиться, находилась как раз около этих ворот.

Глава XII

ОЧАРОВАННЫЙ МОНАХ

Хозяин «Золотого Гуся» извлекал немалую пользу из пребывания в его доме обоих иностранцев. Они ни в чем себе не отказывали, и каждую субботу в харчевню являлся придворный служитель, который оплачивал их счета.

Теперь уже было известно, что бородатый чужеземец — итальянский граф, и работает у князя в качестве астролога и алхимика. Несколько раз в неделю придворная карета приезжала за графом и затем доставляла его обратно. Однажды даже сам светлейший князь, в сопровождении камергера, посетил чужеземца в «Золотом Гусе».

Трактирщик готов был себе шею сломать в угоду высоким посетителям. Когда он им поклонился, красный нос его почти коснулся земли.

При виде его, князь изволил милостиво улыбнуться и сказать весьма многозначительным тоном:

— Ах, это и есть хозяин «Золотого Гуся»?

Трактирщик хотел было дать князю находчивый ответ, но ничего не мог придумать и ограничился одним лишь поклоном. Князь и его камергер проследовали мимо него наверх по лестнице.

С лихорадочной поспешностью трактирщик отдал несколько приказаний и переоделся в праздничное платье.

Князь очень-очень долго пробыл у итальянского графа. Трактирщик, между тем, тихонько пробрался наверх, чтобы малость подслушать.

Он приложил ухо к замочной скважине и услышал голос князя:

— Милый граф, вы хорошо знаете, что я доверяю вашему искусству. Но до сих пор я получил от вас очень немного, тогда как мне пришлось выплатить вам очень крупные суммы.

— Государь, — ответил граф, — я уже имел честь всеподданнейше обратить ваше внимание на то, что все предыду-

щие опыты в виду неблагоприятного положения созвездий не могли привести к сколько-нибудь значительным результатам, но ваша светлость, тем не менее, настаивали на продолжении экспериментов.

— Хорошо же, — прервал его князь, — на этот раз я поставил на карту большую сумму, и надеюсь, что вы с возможной осторожностью приступите к работе. Когда же, по вашему мнению, наступит подходящий момент для мультипликации?

— Не позже, чем через шесть недель.

— Прекрасно, граф, приложите к делу все ваши познания! Ведь речь идет о двух тысячах дукатов, — это не безделица.

— И все-таки это мелочь по сравнению с миллионами, которые я добуду для вашей светлости.

Трактирщик услышал звуки, показавшиеся ему очень знакомыми. Он приблизил глаз к замочной скважине и увидел, как граф пересыпал изрядную кучу золота в кожаный кошелек.

Князь собрался уходить, и трактирщик опрометью бежал вниз. Когда, через несколько минут, господа спускались с лестницы, он стоял уже на своем посту около дверей. В довольно искусно составленной речи, он попросил его светлость оказать честь его убогому заведению, — выкупать кубок вина.

Князь, отличавшийся приветливостью, согласился и вошел в комнату, где на серебряном подносе красовался большой, изукрашенный резьбой кубок, и рядом с ним другой, — поменьше и похуже, — предназначавшийся для камергера.

Князь выпил, похвалил вино и удостоил трактирщика нескольких вопросов, на которые тот дал почтительные ответы. Затем князь вышел, а камергер бросил на стол два дуката. Сперва трактирщик не хотел брать денег, но потом все-таки взял их и с поклоном проводил высоких гостей до кареты.

Понятно, что в последующие дни хозяин «Золотого Гуса» находился в повышенном настроении. Каждому из постоянных посетителей показывал он кубок, из которого пил

князь, и два дуката; он поклялся никогда их не разменивать, ибо они были для него дороги, как память о светлейшем государе.

Однако, счастье избаловывает. Трактирщик не удовлетворился тем, что князь выпил у него кубок вина и подарил два дуката. Он начал мечтать о более высоких милостях.

Ему вспомнилось, что его двоюродный брат, трактирщик в Аммерштадте, с позволения князя Рохуса переименовал свой постоянный двор «Корона», который стал называться — «У Отца Народа». Это новое название весьма содействовало процветанию предприятия, а его хозяин стал пользоваться в дальнейшем вниманием княжеского двора.

Все это возбудило тщеславие финкенбургского трактирщика, и, ссылаясь на пример своего коллеги из Аммерштадта, он обратился к князю с почтительнейшей просьбой дозволить и ему переименовать «Золотого Гуся» в харчевню «У Матери Народа». Он решил, что ему удастся даже угодить таким образом их светлостям.

Но вышло совсем наоборот.

В харчевню явился бургомистр, — не как гость, а в качестве именно главы города и представителя власти. По поручению князя он сделал трактирщику такой строгий разнос по поводу его непристойного домогательства, что тот не знал, куда деваться от стыда и страха.

После этого огорчения настроение хозяина «Золотого Гуся» круто изменилось: теперь он постоянно был не в духе. Но хуже всего было то, что он сообщил о своем замысле некоторым внушавшим ему доверие лицам, а те разболтали тайну, и теперь его повсюду поднимали на смех.

Одна беда всегда влечет за собой другую. У трактирщика был четырнадцатилетний сын, который на Пасхе должен был уйти из городской школы и теперь помогал отцу в деле. Каспар — так звали этого юношу — был чрезвычайно неповоротлив. Несть числа разбитым им стаканам и тарелкам, как и подзатыльникам, которыми щедро награждал его родитель.

И вот, в довершение всех бед, Каспар забыл однажды закрыть кран винной бочки. Ярость трактирщика была не-

описуема. Он жестоко избил сына, выместив на нем свою неудачу с переименованием трактира. Окончив экзекуцию, отец обратился к сыну со следующей речью:

— Негодный мальчишка! Я бы с удовольствием выгнал тебя из дому. Но, увы, мне будет стыдно людей, если узнают, что мой сын непутевый бродяга. Посему я оставлю тебя у себя. Но знай же, что миновали веселые деньки! Чтобы быть трактирщиком, ты слишком глуп, — это ясно! Но я заставлю тебя заняться *науками*.

Окончив эту речь, он дал несчастному Каспару такого пинка в бок, что тот в один миг вылетел вон из комнаты.

Мысль, пришедшая трактирщику в минуту гнева, глубоко в нем засела. К сожалению, парень был немного староват для поступления в младший класс лицея. К тому же, за время службы в трактире он, конечно, забыл все, чему его учили в городской школе. Сообразив все это, трактирщик решил немедленно нанять учителя, чтобы тот вбил в голо-

ву его сына всякую ученую премудрость. Он не хотел только слишком много истратить на это дело.

Вдруг он вспомнил о своем постояльце-бакалавре, который, по всей вероятности, очень не прочь заработать себе на харчи.

Задумано — сделано. Трактирщик поднялся в комнату Фрица Гедериха, несколько дней тому назад поселившегося в «Золотом Гусе».

При входе хозяина Фриц быстро отбросил в сторону плащ или что-то в этом роде и имел смущенный вид.

«Ага, — подумал трактирщик, — он занимается починкой старого платья! Кошелек-то, видно у него тощий!»

Растопырив ноги и засунув руки в карманы, он подошел к своему постояльцу и спросил его свысока:

— Эй, милый друг, хотел бы я знать, как долго вы проживете в моем доме?

Фриц Гедерих с удивлением посмотрел на своего собеседника и ответил:

— Это будет зависеть от того, насколько любезно вы будете со мной обращаться.

«У него есть деньги», — решил про себя трактирщик и сказал гораздо приветливее:

— Простите меня, господин бакалавр: у меня ведь голова полна забот. Я без всякой задней мысли вас спросил. Мне бы хотелось знать...

— Вы боитесь, что я вам не заплачу по счету? Можете не беспокоиться!

Фриц тотчас же достал кошелек и высыпал его содержимое на стол. За время пребывания в аптеке ему удалось скопить довольно кругленькую сумму.

Трактирщик мигом сделался необычайно вежлив. Он даже чуть было не отказался от мысли нанять господина бакалавра в учителя. Сначала он долго говорил о бесталанности своего сына, который является для него источником одних только огорчений, и лишь под самый конец предложил господину бакалавру за умеренное вознаграждение обучать Каспара уму-разуму.

Фриц Гедерих оценил выгоду этого предложения. Трак-

тирщик попросил его не жалеть розог для наставления его отпрыска и, очень довольный, что удалось задешево нанять учителя, вышел из комнаты.

Фриц Гедерих облокотился на стол и усмехнулся;

«Медик, заклинатель духов, шарлатан, помощник аптекаря, алхимик, комедиант, ментор сына трактирщика — что же дальше? Однако, и то хорошо, что благодаря предложению трактирщика я смогу надолго остаться в городе!»

Затем он достал кусок сукна, отброшенный в сторону при появлении трактирщика, и начал сшивать его не хуже заправского портняжного подмастерья; при этом он насвистывал веселую песенку.

Окончив работу, Фриц оделся в новое платье: оно было с широкими рукавами и глухим капюшоном. Фриц посмотрел в зеркало и остался доволен: в этом наряде, подпоясанный веревкой, он вполне мог сойти за монаха. Затем он снял ряску и спрятал ее в платяной шкаф.

* * *

Вечером того же дня в питейном заведении «Золотого Гуся» было очень весело. Там пировали старые мастера цехов. Они собрались в харчевню чествовать двух своих товарищей, толстого мясника и маленького портного, которые одновременно получили почетные звания, один — придворного мясника, другой — придворного портного.

Оба виновника торжества важно восседали в конце стола. Остальные мастера всячески льстили им, хотя в душе страстно завидовали обоим счастливицам.

Эти последние, конечно, превозносили всю князя и его двор, а прочие ремесленники, сладко улыбаясь, поддакивали своим неожиданно возвысившимся коллегам. Всем им внешне приходилось примириться с тем, что сами они упустили подходящий момент для собственного возвышения: оставалось надеяться на будущее.

Один только трактирщик оказался откровеннее других;

он придвинул свой стул к гостям, сплюнул и небрежно сказал:

— Вы преувеличиваете, почтенные мастера! Наш князь, в сущности, такой же человек, как я и вы.

После смелых слов трактирщика воцарилась жуткая тишина. Мастера смущенно поникли головой, а придворный портной и придворный мясник необычайно походили на индюков, заведших скотницу, проходящую по двору в *красной* юбке.

Мясник окинул трактирщика презрительным взглядом и сказал:

— Кто так говорит, — тому, конечно, редко приходилось иметь дело с августейшими особами!

— Совершенно верно, — подтвердил придворный портной.

— Князья появляются на свет Божий точно таким же образом, как и мы, грешные, они так же едят, пьют, спят и умирают. Разве неправда, господа мастера ?

Ремесленники ничего не ответили, и только посмотрели на придворного мясника, который был теперь в затруднительном положении.

— Что же, господин придворный мясник? — злорадствовал трактирщик. — Прав я, или неправ?

— Некоторым образом, — сказал тот, озираясь по сторонам, словно ища помощи, — некоторым образом вы правы, однако, некоторым образом вы и не правы.

— Поясните! Я сгораю от любопытства, — заметил трактирщик.

— Ибо, — продолжал мясник, — имеется очень много различий между князьями и простыми смертными... К сожалению, я не могу сейчас припомнить ни одного из них... Но это ведь и так ясно...

— Например, — вмешался придворный портной, которого осенила счастливая мысль, — например, каждый княжеский род имеет своего родового духа...

— Да-да, именно родового духа, — подтвердил мясник, — или, что то же самое, — родоначальницу. В этом преимущество князей перед другими.

— Ну и дурачина! — сказал трактирщик.

Теперь большинство присутствующих перешло на сторону придворного мясника. Почти каждый из них мог рассказать какую-нибудь страшную историю. Перед смертью князя Маврициуса по замку прохаживалась белая дама, ломавшая в отчаянии руки, а в Аммерштадте в предзнаменование смерти одного из членов княжеской семьи всегда появляется черная дама под белым покрывалом. Наш просвещенный трактирщик мог говорить, что ему угодно, — все присутствующие, стараясь перекрычать его, с полным убеждением говорили о существовании черной и белой дамы, которых, как это достоверно известно, видели придворные служанки и повара.

— В таком случае, — продолжал трактирщик, — наш князь имеет сразу *двух* родоначальниц — черную в Аммерштадте и белую в Финкенбурге! Как только эти привидения не вцепились еще друг другу в волосы! Ведь между ними должно быть соперничество!

Цеховые мастера захохотали во все горло. Но придворный портной строго посмотрел вокруг.

— Шутки такого рода неуместны, — сказал он. — К тому же, известно, что настоящая родоначальница существует лишь до тех пор, пока живет хотя бы один из представителей ее дома; а если род угас, то нет больше и родоначальницы.

Цеховые мастера кивнули в знак согласия головой.

— Что же произойдет, — начал опять трактирщик, — если кто-нибудь из представителей княжеской фамилии умрет в *нашем* городе? Придет ли тогда аммерштадтская родоначальница к нам или появится, как и прежде, в своем замке?

Все начали оживленно обсуждать этот спорный вопрос. Наконец, придворный портной, признанный авторитетом во всем, что касалось привидений, следующим образом разрешил этот спор: родоначальница всегда сопровождает двор, — значит, зимой она находится в Аммерштадте, а летом — в Финкенбурге.

Но трактирщик все еще стоял на своем.

— Если даже предположить, что родовые духи действи-

тельно существуют, то это еще нисколько не доказывает, что князья имеют какие-то преимущества перед простыми смертными!

— Ого! — крикнули в один голос придворный мясник и придворный портной.

— Нисколько не доказывает! — повторил трактирщик. — Говорят, что и обыкновенные смертные имеют родовых духов. Во время одного путешествия мне довелось переночевать в одном доме, где показывался иногда дух *портного*. Он был одет в длиннейший шлафрок, сшитый из лоскутов, которые этот портной при жизни утаивал от своих заказчиков!

Все мастера, даже мясник, громко захохотали и посмотрели на портного, который постарался скрыть досаду и заметил, что все это вполне возможно. Он тоже пережил нечто подобное в одной гостиннице. Там каждую ночь — между винным погребом и *колодцем* — бегал трактирщик, тяжело пыхтя под тяжестью большого чана. История эта не выдумана: он сам не раз видал это привидение, и сейчас вспомнил даже название постоялого двора, — оно звучит довольно странно: «У Матери Народа»...

Теперь все насмешники оказались на стороне придворного портного. Трактирщик бросил на него яростный взгляд и вышел из комнаты.

Цеховые мастера, как и всегда, когда речь заходила о сверхъестественном, долго не хотели расходиться. Оказалось, что придворный портной знал несчетное количество жутких историй и мог ответить на все вопросы, касающиеся привидений. Слушая его рассказы, не забывали, понятно, и о вине, и когда почтенные ремесленники поднялись, наконец, со своих мест, многие из них чувствовали себя весьма нетвердо на ногах. Так, например, сильно показывался новоиспеченный придворный портной, который с благодарностью воспользовался любезностью мясника, предложившего ему опереться на его плечо...

Позади старой городской стены находилась улица, на которой имелось всего несколько домов, окруженных садами и огородами. Сюда-то направился мясник со своим дру-

гом, во-первых, потому, что это была ближайшая дорога к дому; во-вторых, обоим приятелям захотелось освежить разгоряченные головы, а в этом месте, не защищенном от гор городской стеной, чувствовалось больше прохлады. Сквозь разорванные облака мерцал узкий серп месяца, а свежий ветер надувал, словно парус, высокий воротник плаща придворного портного, который всей тяжестью повис на руке своего спутника, все еще рассуждая о природе и существовании духов вообще и родоначальниц в особенности.

Вдруг послышались чьи-то шаги, и из боковой улочки показалась какая-то темная фигура. Придворный портной и придворный мясник остановились, как по команде. Портной задрожал, словно вспугнутый заяц, и повлек своего спутника в темный угол. В это время из-за туч выглянула луна и осветила неизвестного. Он был закутан в темное одеяние и подпоясан веревкой. Остроконечный капюшон скрывал его лицо.

— С нами крестная сила! — пробормотал придворный портной. — Это — проклятый монах!

— Тише, — шепнул придворный мясник, несмотря на свою силу дрожавший, как осиновый лист. — Прочти молитву, приятель, иначе — мы погибли.

Монах подошел к стене, постоял минутку, прислушался и вдруг быстро взлез на ограду; там он посидел верхом секунды две и затем тихо соскользнул на противоположную сторону.

Едва он исчез, как придворный мясник, невзирая на свою тучность, помчался с такой быстротой, что придворный портной еле-еле поспевал за ним.

* * *

Со времени несчастья, виновником которого был ворон Яков, в аптеке Золотого Льва наступили тяжелые дни.

Когда старая Ганна узнала, что произошло в ее отсутствие, она попробовала утихомирить разгневанного аптекаря. Но господин Томазиус был тверд, как скала. Тогда Ганна прибегла к последнему средству: она пригрозила, что уйдет из дома; но аптекарь ответил на это: «Уходите, если угодно!» — после чего Ганна осталась.

Со времени своей лесной прогулки магистр сильно изменился характером. Когда ему сказали, что бакалавру отказали от места за то, что он не досмотрел за тинктурой, он рассеянно заметил: «Так... так». Вторую причину увольнения от него скрыли. Он не заметил ничего странного в поведении Эльзы. А молчаливость и расстроенный вид аптекаря он поставил в связь с несчастным случаем в лаборатории. О своей встрече с итальянским графом он еще ни слова не сказал аптекарю, хотя каждый вечер ходил в харчевню «Золотого Гуся» и встречался там с чужеземцем.

Расхаживая по своему «музею», он часто мечтал и строил воздушные замки; при этом ему казалось, что увенчанный лаврами поэт смотрит на него с укоризной, но каждый раз он утешал себя мыслью о том, что когда исполнятся обеща-

ния, данные ему графом, он с еще большим рвением возьмется за свою лиру.

Эльза через несколько дней была выпущена из заключения. Господин Томазиус обратился к ней с длинной назидательной речью; он говорил о заблуждениях молодости и обязанности детей во всем слушаться родителей. Эльза горько плакала, слушая родительские увещания, и аптекарь решил, что она начинает сознавать свою неправоту, и через некоторое время будет опять прежней, веселой Эльзой.

Между тем, за старой Ганной он установил тайную слежку. Ему казалось, что она участвовала в заговоре против него, и он очень боялся, как бы изгнанный Фриц не прибегнул к ее посредничеству в своих амурных делах. По сему случаю, когда старая Ганна выходила из дому, он посылал следить за ней своего ученика, в котором был вполне уверен. Дело в том, что бакалавр не раз делал этому юноше строгие выговоры за всякие упущения в работе. Следовательно, можно было предположить, что ученик не слишком-то расположен к Фрицу Гедериху и тотчас же донесет своему принципалу, если заметит, что старая Ганна вступила в тайные сношения с бакалавром.

Эльза жила эти дни как во сне. Она не обладала счастливым легкомыслием бывшего студента Фрица Гедериха, не питала его надежд и очень мрачно смотрела на будущее. Единственным ее утешением были последние слова Фрица: «Ты будешь моей!» Они все время звучали в ее ушах, и по вечерам, когда она была уже в постели, чей-то сладкий голос нашептывал их до тех пор, пока она не засыпала.

В ту ночь, когда цеховые мастера рассказывали друг другу страшные истории, Эльза, как и обычно, пошла спать, думая о своем возлюбленном. Поздно ночью послышался легкий стук в окно. Когда стук повторился, Эльза встала, закуталась в платок и смело открыла окно.

Ах, Господи! Внизу, в саду, стоял очарованный монах с длинным шестом, которым он, по-видимому, и стучал в окно.

Эльза хотела было отойти от окна, но монах сделал ей знак рукой и крикнул, сдерживая голос:

— Эльза, да ведь это я!

— Ах, это ты, Фриц? Боже мой, что это все значит?

— Тише! — прошептал Фриц. — Я хотел узнать, как ты поживаешь. Поэтому я и переоделся монахом и перелез через стену. Эльза, дорогая Эльза, спустись вниз! Выйди ко мне!

— Нет, нет, — ответила испуганная девушка, — уйди отсюда! Что будет, если тебя увидят?!

Фриц тихо засмеялся.

— Тот, кто меня увидит, конечно, до смерти испугается и не подумает мешать очарованному монаху!

— Нет, Фриц, я не приду. Уходи поскорей из сада, если ты меня любишь!

— Эльза, одно слово! Я изнываю от муки, не получая от тебя никаких известий. Напиши мне письмо и перешли через Ганну!

— Не могу, Фриц. За нашей доброй Ганной все время следят. Нельзя!

Монах сердито ударил шестом о землю.

После недолгого раздумья он сказал:

— Магистр каждый вечер приходит в харчевню «Золотого Гуса» — можно через него...

— Ты с ума сошел, Фриц!

— Выслушай меня, Эльза! Магистр будет нашим почтарем! Он носит плащ с большим воротником. Спрячь письмо под воротник, — я уж сумею найти его, и туда же положу ответ. Согласна?

— Это грех, Фриц!

— Нет, это только военная хитрость! Если ты не дашь согласия... — он повысил голос, — я сам не знаю, что сделаю!

— Тише, тише! Хорошо! Но ты должен обещать, что больше не придешь сюда тайком. А теперь иди, милый Фриц!

— Ты еще любишь меня, Эльза?

— Больше всего на свете, но уходи отсюда скорей!

— Спокойной ночи, Эльза, — прошептал Фриц и скрылся в кустарнике.

Эльза стояла у окна до тех пор, пока фигура монаха не показалась на садовой стене. Он еще раз махнул ей рукой и исчез. Кругом все было тихо. Эльза закрыла окно и легла в постель. Ее сердечко все еще трепетало от страха.

Глава XIII

ОПЫТ

Как мы уже сказали, магистр посещал каждый вечер харчевню «Золотого Гуся». В продолжение ряда лет у него вошло в привычку выпивать кружку-другую пива, сидя в господской комнате этого заведения и беседуя с посетителями о погоде и городских новостях.

С тех пор, как магистр познакомился с итальянским графом, он стал приходить в харчевню за час до сбора обычных посетителей «Золотого Гуся». Едва только они появлялись, он поспешно допивал свой стакан и уходил, — но не домой, а в гости к графу. Эти его посещения, конечно, не были тайной для завсегдатаев господской комнаты, давая им повод для всевозможных пересудов. Вот почему магистр и стал избегать их общества.

Он был очень доволен, когда Фриц Гедерих предоставил свою комнату в его распоряжение. Каждый вечер ему приносили сюда его кружку, и он с удовольствием проводил часок-другой в беседе с бакалавром. О том, что произошло между ним и Эльзой, магистр не имел ни малейшего понятия.

— Вы поступили правильно, решив до поры до времени оставаться в Финкенбурге, — говорил магистр Фрицу Гедериху, — вам следует выждать! Через некоторое время настроение господина Томазиуса изменится к лучшему, и тогда я замолвлю за вас словечко. Кроме того, следует иметь в виду милостивое отношение к вам нашего князя... и т. д.

Когда бакалавр слышал от магистра такие речи, его начинала мучить совесть. Но он успокаивал себя тем соображением, что всякий поступил бы на его месте таким же образом, и старался внешне быть как можно более предупредительным по отношению к своему гостю. Он снимал с него плащ, любезно подставлял стул и никогда не пытался расспрашивать про итальянского графа. Когда магистр возвращался от графа, Фриц Гедерих, как верный служитель,

бережно облакал господина Ксиландера в плащ и, освещая дорогу лампой, провожал его до выходных дверей.

«Как он мне предан, — думал магистр, — мне очень хотелось бы помочь этому доброму малому».

С тех пор, как граф начал просвещать магистра в области алхимии, последний, словно прилежный студент, каждый вечер записывал в тетрадь очередную лекцию своего учителя.

Книги и многочисленные манускрипты, содержащие в себе перлы ксиландеровой поэзии, покрылись густым слоем пыли, а портрет увенчанного лаврами поэта обволокло паутиной паук-крестовик. Там, где прежде раздавалась декламация звучных стихов с искусными рифмами, происходила теперь зубрежка очередного урока алхимии.

А внизу в своей тайной лаборатории сидел господин Томазиус. Увы! приборы аптекаря покрылись таким же густым слоем пыли, как и книги магистра. Господин Томазиус палтаки духом. Целые дни просиживал он в старом кресле около холодной плавильной печи, вникая в темный смысл писаний Теофраста Бомбаста Парацельсия.

Раньше он очень тщательно следил за своей внешностью. Манжеты и брызжи были всегда ослепительной белизны, и малейшее пятнышко на его платье могло повести к весьма крупным неприятностям для служителя, которому был доверен уход за гардеробом господина Томазиуса. Но за последнее время аптекарь стал пренебрегать своим туалетом. До идеального блеска вычищенные башмаки сменились старыми стоптанными туфлями. Серые волосы стояли дыбом, а взъерошенная борода, давно не выдававшая бритвы, делала почтенного аптекаря похожим на старого бенгальского тигра, недовольного самим собой и всем происходящим на свете. Щеки старика впали, лицо пожелтело, а серые глаза сверкали по-совиному — мрачно, недружелюбно. Никто ему не мог угодить. В аптеке, где он волей-неволей должен был появляться после ухода бакалавра, и подчиненных и заказчиков поражало его грубое обхождение. Старая Ганна не слышала от него больше ни одного приветливого слова, и с Эльзой он говорил только о самом не-

обходимом. Магистра аптекарь словно не замечал, и был в ладах только с вороном Яковом, который старался теперь примерным поведением отвести от себя всякое подозрение.

Господин Томазиус только что пообедал и кормил ворона крошками хлеба. Эльза вышла из комнаты, а магистр задумчиво сидел в кресле.

— Да-да, Яков, — сказал хозяин, — ты получаешь по заслугам. Кушай на здоровье!

— Оборванец! — прокаркал ворон и доверчиво посмотрел на аптекаря.

— Да-да, — продолжал тот, — ты один чистосердечен со мной. Все другие против меня. Старуха, прожившая в моем доме целых двадцать пять лет, строит козни за моей спиной, и виною всему этому человек, которого я любил, как сына!..

— Господин Томазиус! — начал, откашлявшись, магистр.

— Что вам угодно? — сухо спросил аптекарь.

— Вы несправедливы ко мне, господин Томазиус...

— Я не вас имел в виду, — возразил аптекарь.

— Нет-нет, вы несправедливы ко мне, а я ведь все тот же.

— Охотно верю, да и вряд ли вы способны измениться.

— Выслушайте меня, господин Томазиус! Я знаю, у вас есть причина относиться ко мне недоверчиво, но, уверяю вас, мои чувства к вам и к вашей дочери...

Аптекарь злобно рассмеялся.

— ...те же, что и раньше; если за последние дни я казался несколько расстроенным и рассеянным...

— Я вообще не замечал вас, магистр!

— ...то это ведь имеет свою причину! Скоро я посвящу вас в одну тайну, которая у меня на сердце. А пока что и вам и Эльзе придется запастись терпением.

— У нее-то его достаточно, — насмешливо заметил аптекарь.

Магистр поднялся, схватил его за руку и сказал:

— Будь, что будет! Я мужчина, и сдержу свое слово.

Затем он заговорил в пророческом тоне:

— Имеются три ступени: *Notio*, *Mutatio*, *Multiplicatio*. Вы, господин Томазиус, тщетно стремитесь вступить на первую,

а я уже стою на третьей... И скоро, скоро наступит час, когда тайна откроется... — магистр поднял правую руку, словно собирался произнести клятву, — и тогда большая радость посетит дом под знаком золотого льва.

— Либо он с ума спятил, — сказал аптекарь, смотря вслед уходившему магистру, — либо, действительно, многое постиг!

Магистр решил было ничего не говорить Томазиусу о своих тайных встречах в «Золотом Гусе» до тех пор, пока они не приведут к какому-нибудь результату; но плачевная фигура старика, который горбился с каждым днем все сильнее, произвела на него такое впечатление, что он решил как можно скорее устроить свидание итальянского графа с аптекарем. Томазиус так и ожил, когда магистр во всем открылся ему, и выразил желание как можно скорее увидеть графа. Последний, однако, слегка нахмурился, когда магистр предложил привлечь аптекаря к участию в предстоящем опыте, но потом все же согласился.

В один из ближайших вечеров все три алхимика сидели в лаборатории господина Томазиуса. Важно кивая головой, граф выслушал подробные объяснения хозяина дома относительно его работ в области алхимии. Затем он начал говорить сам: его речь была так учена и темна, что аптекарь и магистр только ушами хлопали. Затем Томазиус попросил графа устроить опыт. После некоторого раздумья, граф выразил согласие.

— Теперь, — сказал он, — новолуние, и звезды находятся в благоприятном положении: значит, можно будет приступить к эксперименту. Я вижу у вас в саду старую башню, — продолжал граф, — нельзя ли будет установить там наши приборы?

Аптекарь утвердительно кивнул головой, но был несколько удивлен и спросил графа, почему бы не устроить опыт здесь же, в лаборатории.

— Дело в том, — возразил граф, — что лунный свет не имеет сюда свободного доступа, — в башне его скорей удастся уловить и использовать.

Аптекарь, конечно, ничего не мог возразить против та-

кого серьезного аргумента. Граф же обещал прийти через несколько часов, захватив с собой все необходимые приборы.

Действительно, около полуночи он явился в аптеку в сопровождении своего помощника. Хозяин и магистр проводили их в башенную комнату, где уже были зажжены свечи.

Граф вынул из ящика, принесенного его помощником, несколько вогнутых зеркал, телескоп и другие приборы. Он провозился с ними некоторое время, сделал наблюдения над небом и затем поставил зеркало таким образом, что отражаемые им бледные лучи месяца падали на малахитовый сосуд, поставленный посередине стола. Затем он вытащил из кармана кусочек золота, величиной не больше крупинки, и протянул его аптекарю.

— Посмотрите, господин Томазиус, золото ли это?

Аптекарь внимательно осмотрел кусочек и заявил, что это чистое золото.

— Хорошо, — сказал граф, — положите его в этот сосуд, потушите свечи и постарайтесь сохранить спокойствие!

Аптекарь исполнил сказанное. Теперь комната освещалась одним только сиянием месяца. Золото в зеленом сосуде светилось, как маленький огонек.

Граф смотрел на луну. Его губы тихо шевелились.

Аптекарь с напряженным вниманием глядел то на сосуд, то на священнодействующего графа. Магистр дрожал от страха и волнения, не выпуская из рук полы кафтана аптекаря. Граф отошел от окна и из небольшой склянки налил несколько капель в малахитовый сосуд, из которого показался голубоватый дымок. Его помощник поспешно прикрыл сосуд мраморной дощечкой, а граф спокойно сказал:

— Теперь — готово! Можете зажечь свечи.

Граф и его помощник начали хладнокровно укладывать в ящик свои приборы.

— Разве опыт уже закончен? — недоверчиво спросил Томазиус.

— Вполне, — ответил граф, — и все сошло очень удачно; имейте только терпение: через несколько минут вы сможете поднять крышку.

Наконец, аптекарь дрожащей рукой приподнял мраморную дощечку. На дне сосуда лежал слиток золота величиной с ореховую скорлупу.

— Возьмите и убедитесь! — сказал граф.

Да, это было золото, чистое золото, без всякой примеси, — весом в пять дукатов! Следовательно, количество драгоценного металла увеличилось в сто раз.

Аптекарь и магистр стояли молча и с благоговением смотрели на человека, совершившего чудо *мультипликации*. Граф порашил их своим полным равнодушием ко всему происходившему, как будто все это было для него чем-то самым будничным.

— Прямо-таки изумительно! — сказал Томазиус после долгого молчания.

— Да, это изумительно, — повторил за ним магистр.

Потом они опять замолчали. Граф собрался уходить. Аптекарь все еще держал слиток в руках.

— Позвольте мне, — обратился он к графу, — обменять это золото! Я хотел бы сохранить слиток на память.

Граф важно ответил:

— Золото, которое я добываю в таких маленьких дозах, принадлежит моему помощнику. Обратитесь к нему!

Томазиус вынул из кармана несколько золотых монет и, не считая, протянул их графскому помощнику. Тот взял их и даже не поблагодарил.

— Господин граф, — начал тогда аптекарь, — вы видите перед собой человека, который пожертвовал лучшими годами своей жизни, чтобы овладеть тайной, ключ к которой находится в ваших руках. На каких условиях вы согласились бы сообщить мне эту тайну?

Граф сделал отрицательный жест рукой и усмехнулся с видом такого превосходства, что аптекарь замолчал.

«Конечно, — думал он, — тот, кто посредством двух капель может из одного дуката сделать целых сто, имеет право на высокомерие».

Однако, он не потерял надежды и опять обратился к графу со своей просьбой; магистр его поддерживал. Но граф остался непоколебим. Он заявил, что состоит на службе у князя и посему не вправе располагать своим временем. Но, чтобы доказать на деле свое расположение к обоим почтенным господам, он готов повторить опыт мультипликации на любом количестве благородного металла. Ему самому не надо никакого вознаграждения, — пусть только они не забудут поделиться с его верным помощником.

И это было неплохо! Правда, аптекаря больше занимала мысль о тайне мультипликации, а не о самом золоте, на зато магистр был в восторге, когда узнал, что сможет в сто раз увеличить свои сбережения. Оба они с благодарностью приняли предложение графа и обещали не забыть его помощника.

— Прекрасно, — сказал граф, — дайте ему десять со ста, и он будет доволен. Идет, Бальтазар?

Тот кивнул головой.

— Заготовьте побольше золота и остерегайтесь фальшивых монет, иначе дело примет дурной оборот: тинктура не должна коснуться неблагородных металлов! И советую вам поспешить, ибо теперешнее положение звезд особенно благоприятствует успешному проведению опыта.

Аптекарь и магистр обещали исполнить в точности все указания графа, после чего, с низкими поклонами и выражениями благодарности, проводили его через сад и дом на улицу.

* * *

Каспар, сын хозяина «Золотого Гуся», был парень твердолобый, и Фриц Гедерих, его учитель, не обладая необходимым для педагога терпением, нередко пользовался предоставленным ему правом телесного наказания. Таким образом, положение Каспара после того, как его стали готовить к ученому званию, нисколько не улучшилось. Род его деятельности, правда, изменился, но количество подзатыльников и розог осталось прежним, так что ему, в сущности, было все равно, — подавать ли тарелки и стаканы в харчевне своего отца или зубрить склонение классического слова *mensa*.

Однако, никогда еще не приходилось ему так плохо, как сегодня. Бедный парень сидел, согнувшись, у письменного стола своего строгого учителя и с великим трудом выписывал в тетради большие косые буквы. Время от времени с кончика его носа падала на бумагу соленая капля. Иногда он робко подымал глаза, но тотчас же боязливо опускал их, потому что над его головой угрожающе парила большая линейка, которую вертел в руках господин бакалавр. Под конец бедняга не выдержал. Он отложил гусиное перо в сторону и зарыдал так горько, что возбудил жалость в своем учителе.

— Ну, чего ты хнычешь, Каспар? — спросил он.

Вместо ответа Каспар заревел еще громче и принялся утирать глаза кулаками, которые сплошь были выпачканы чернилами.

— Знаешь что, Каспар, — приветливо сказал Фриц и отечески положил руку на голову несчастного парня, — знаешь что, Каспар? Собери-ка свои книги и отправляйся восвояси!

Каспар вопросительно поднял на него свое увлажненное слезами и чернилами лицо.

— Да, Каспар, говорю тебе совершенно серьезно: иди и более не возвращайся! Нет смысла даром тратить время. Уж я поговорю с твоим отцом.

Эти слова прозвучали в ушах мальчугана, словно звуки золотой арфы. Он с благодарностью взглянул на своего учителя.

— Иди, мой сын! — еще раз сказал Фриц и открыл собственноручно дверь комнаты.

Каспар ушел со слезами на глазах, но сердце его радовалось неожиданному повороту судьбы.

Причиной возбужденного состояния, в котором находился Фриц Гедерих, послужило недавно полученное им письмо. С тех пор, как под видом очарованного монаха он перелез через стену сада, магистр каждый вечер приносил ему под своим большим воротником весточки из аптеки Золотого Льва. Однако, в последний вечер, кроме письма, о котором магистр не имел, конечно, никакого понятия, он доставил бакалавру еще послание от господина Томазиуса.

Аптекарь писал, что его коллега в Аммерштадте нуждается в помощнике, и что нет никаких препятствий для поступления господина Гедериха на новое место службы.

Это письмо заставило бакалавра призадуматься.

«Очень мило, конечно, со стороны старика, что он мне сообщает об этом, — была его первая мысль. — Но прочь отсюда, прочь от Эльзы? Нет!»

Потом он прислушался на минуту к голосу рассудка, который в последнее время имел, говоря правду, очень малое влияние на его поступки. Этот голос говорил ему:

«Лучше уходи! Не век же тебе жить на хлебах трактир-

щика. Вперед, Фриц!

Через мученья проглянет ясный
Покоя лик...
Через долины, через вершины! —
Ведь мир велик!»

К тому же город Аммерштадт находится не где-нибудь на луне, а совсем близко, и кто знает? — может быть, там в конце концов ему улыбнется счастье, о котором он мечтает уже в продолжение стольких лет.

Однако, перед отъездом он решил во что бы то ни стало повидать Эльзу.

В тот самый вечер, когда бакалавр задумал отправиться в Аммерштадт, магистр отнес под своим воротником послание девице Эльзе Томазиус; бакалавр сообщал ей о своем решении и в самых трогательных выражениях просил о тайном свидании в саду.

Ответ белокурой Эльзы содержал уверения и клятвы в вечной любви, но от тайной встречи она решительно отказывалась.

Тогда бедняга Фриц исписал целый огромный лист канцелярской бумаги; в его новом послании было столько любви, отчаяния, горести, надежды, просьб и клятв, что Эльза, ознакомившись с этим беспорядочным излиянием чувств, не смогла больше сопротивляться.

На другой день Фриц нашел в плаще своего соперника записку. Эльза писала ему дрожащей рукой: «Я приду. Да прости мне Господь мой грех! Будь осторожен, Фриц, будь осторожен!»

* * *

Что это была за ночь!

Почтенные бюргеры, понимающие толк в погоде и перед отходом ко сну высунувшие свои носы в окно, утверждали:

«Быть заморозкам!» И они были правы. На следующее утро поросли в полях и листы на кустах покрылись инеем, поздние цветы беспомощно склонили свои головки, и огурцы в огороде господина бургомистра бессильно повисли на стеблях.

Ранние заморозки всегда были целым событием для жителей Финкенбурга; они обсуждали эту новость по крайней мере в продолжение трех дней. Но в этот раз никто не обратил должного внимания на то, что подмерзли бургомистерские огурцы: все были отвлечены другими событиями, случившимися в эту ночь и оставшимися надолго у всех в памяти.

В то время, когда все граждане Финкенбурга давно уже лежали в своих постелях, за исключением ночного сторожа, который спал сидя, Фриц Гедерих, переодетый монахом, ловко перелез через стену сада господина Томазиуса и через заросли лекарственных трав осторожно пробрался к заднему крыльцу аптеки. Его поджидала там закутанная в платок женская фигура.

Он прижал к своей груди дрожащую Эльзу, обвил руками ее шею и поцеловал в губы.

— Пойдем, — сказал он, — посидим еще разок под нашей бузиной, где мы были когда-то так счастливы! Потом нам придется распрощаться — но, конечно, не навсегда, Эльза!.. Ну, зачем ты плачешь, моя дорогая? Тайный голос говорит мне: все к лучшему. Помнишь, как раз под этим деревом я рассказывал тебе сказку? Сегодня услышишь от меня другую. Один юноша расстался со своей милой и ушел странствовать по белу свету. А к ней пришли свататься разные князья да графы. Под конец явился даже королевич. Но она всем отказывала, приговаривая:

В саду моего отца
Заветный растет цветочек.
Три года должна я ждать,
Три длинных-предлинных года...

А когда три года прошли, однажды ночью, при лунном свете...

— Тише, Фриц, ради Бога, тише! Я что-то слышу...

Фриц прислушался. Около крыльца слышен был какой-то шум. Оба влюбленные спрятались за кустами. Дверь дома приоткрылась, и в сад проникла струя красноватого света.

— Какая непростительная небрежность, — раздался голос господина Томазиуса, — дверь была не заперта!

К своему ужасу, Фриц и Эльза увидели, как из дома вышел в сад старый Томазиус, магистр и двое других мужчин. У магистра в руках был фонарь, а остальные были нагружены какими-то странными предметами.

— Будьте так добры, магистр, закройте дверь и ключ возьмите с собой, — сказал аптекарь.

Магистр так и сделал. Затем все пошли по саду, направляясь к башне.

— Фриц, — прошептала Эльза, — что будет теперь со мной? Они заперли дверь, и я не смогу возвратиться домой. Фриц, я умру со страха, скажи, что мне делать?

— Успокойся, дорогая, — утешал ее Фриц, хотя сам он также был полон беспокойства и тщетно пытался придумать какой-нибудь выход из создавшегося положения.

— Кто были двое других? — спросил он Эльзу.

— Это, наверное, чужеземцы из «Золотого Гуся»... Магистр ввел их в наш дом.

— Гм... они, по всей вероятности, будут производить опыт, а это может продлиться довольно долго... Нельзя ли какнибудь оповестить старую Ганну?

— Нет, нет, Фриц! Я умру от стыда, если кто-нибудь узнает, что я встречалась с тобой ночью в саду.

— В таком случае, я попытаюсь взломать замок.

Эльза в тихом отчаянии ломала руки.

— Слушай! Что это такое? Разве ты ничего не слышишь?

Фриц поднялся и прислушался. Из старой башни опять послышался какой-то глухой звук.

— Помоги, Фриц! — закричала Эльза. — С моим отцом приключилось несчастье!

Фриц что есть мочи помчался к башне; по дороге он быстро выхватил из земли длинный кол. За ним, забыв о всякой осторожности, бежала Эльза. Ее одежда дико разве-

валась по ветру.

* * *

Все четверо собравшихся в башне принялись за свое ночное дело. Помощник итальянского графа вынул приборы, а Томазиус и магистр пересыпали из мешка в сосуды золотые монеты.

Аптекарь все свои деньги обменял на золото. То же самое сделал со своими скромными сбережениями и магистр.

— Дай Бог, чтобы все это счастливо кончилось, — прошептал магистр, — у меня что-то нет уверенности.

— Уж поверьте мне! — сказал граф, бросая насмешливый взгляд на своего боязливового собеседника. — Теперь запирайте дверь и соблюдайте молчание! Надеюсь, вы не принесли с собой ни одной фальшивой монеты?

— Не беспокойтесь, господин граф, — возразил аптекарь, — все в порядке.

— Тогда приступим к делу! Эй, Бальтазар, начинай!

Через мгновение аптекарь почувствовал, что ему сдавили горло петлей; с глухим стоном он упал на пол. В это же время графский помощник бросился на магистра.

— Убивают! убивают! — завопил тот и спрятался в угол.

— Перережь ему глотку, если он не перестанет визжать! — крикнул итальянский граф; он придавил коленом грудь аптекаря и с необычайной ловкостью связал ему руки.

Ноги у магистра подогнулись, и он закрыл глаза. Бальтазар заткнул ему тряпкой рот.

Господин Томазиус лежал связанный по рукам и по ногам. Во рту у него тоже была тряпка.

— Разве ты не узнаешь меня? — крикнул ему в ухо итальянский граф, — разве ты не узнаешь доктора, которого ты когда-то околпачил? Теперь настал час мести. Эй, Бальтазар, покончи скорей с этим сумасшедшим магистром и собери золото! Нам придется перелезть через стену. Черт возьми, что такое?

Дверь распахнулась, и в комнату ворвался очарованный монах с колом в руке.

Скрежеща зубами от ярости, граф выхватил нож и бросился на монаха. Но тот со всего размаха ударил его колом по голове, и злодей, обливаясь кровью, повалился на пол.

Бальтазар и не думал оказывать сопротивление; с быстротой молнии бросился он к открытому окну, чтобы спастись бегством, но монах оказался не менее проворным: он еще раз взмахнул своим оружием, и Бальтазар упал с подоконника на пол.

— Бальтазар Клипперлинг, шут гороховый! — крикнул Фриц, взглянув на своего поверженного врага. — Значит, и доктор Рапонтико находится где-то поблизости. Ну, конечно, это он и есть, — сказал Фриц, вглядываясь в леже-графа,

по лицу которого обильно струилась кровь.

Подоспевшая Эльза встала на колени подле тела своего отца и дрожащими руками пыталась развязать опутавшие его веревки. Фриц подбежал к ней, быстро перерезал все путы и помог аптекарю подняться на ноги. Затем он освободил и магистра, который все еще тихо молил о пощаде.

— Будьте мужчиной, — начал вразумлять его Фриц, — помогите мне связать мошенников!

— Пощады, пощады! — стонал магистр. Неожидавшее появление монаха испугало его еще больше, чем покушение на его жизнь. — Да воскреснет Бог и расточатся враги его! Свят, свят, рассыпья! Скажи, монах, чего ты от меня хочешь?

— Успокойтесь, магистр, это я, ваш друг Фриц Гедерих, а там вот Эльза. Вы спасены, а о том, как мы сюда попали, я расскажу вам потом. Теперь придите в себя! Нам нужно будет отвести мошенников в надежное место. Ключ от дома, вероятно, в кармане у господина Томазиуса. Да, вот он! Теперь поспешите!

Наконец, магистр пришел в себя.

— Я пойду за подмогой! — сказал он и с громким криком побежал через сад к дому.

Между тем, Фриц связал руки своему бывшему сослуживцу Бальтазару Клипперлингу из Вены. Доктора Рапонтико он оставил в покое, — тот и так уже был обезврежен. Затем Фриц подошел к аптекарю.

Старик устало улыбнулся и, с трудом высвободив руку, положил ее на белокурую головку дочери, стоявшей подле него на коленях. Фриц Гедерих наклонился к нему и тихо спросил:

— Как вы себя чувствуете, господин Томазиус?

Старик не мог говорить от слабости, но протянул ему руку и, когда Фриц пожал ее, нежно привлек его к себе. Он наклонил свою седую голову и, соединив руки обоих молодых людей, снова закрыл глаза.

Между тем, вопли магистра подняли на ноги весь дом. Слуга, аптекарский ученик, а затем и старая Ганна, — все побежали к старой башне. Проснулись соседи и сбежались

на шум в ночных колпаках. Когда магистр убедился, что располагает достаточными силами для оказания противодействия мошенникам, он вооружился пестом и направился к месту своего поражения.

Там он застал всех в большом смятении. Его сожители по аптеке Золотого Льва и соседи засыпали друг друга вопросами, Ганна кричала во весь голос и ломала руки, Эльза была занята своим отцом. Один только Фриц Гедерих не потерял присутствия духа. В кратких словах он сообщил о случившемся и отдал затем необходимые распоряжения. Аптекарского ученика он поставил на страже около башни, магистру велел собрать и спрятать деньги. Часть соседей осталась стеречь пленников, остальные помогли отнести в дом полумертвого аптекаря.

Старика уложили в постель. Фриц напоил его каким-то укрепляющим силы снадобьем. Эльза и Ганна бегали туда и сюда, чтобы доставить все необходимое для больного.

Вскоре явились городские солдаты в своих зеленых мундирах, с алебардами. Их привел сам господин бургомистр. Магистр дал ему соответствующие разъяснения. Солдаты окружили Бальтазара Клипперлинга из Вены, который давно уже успел очнуться от обморока. Но его господин, княжеский астролог, вследствие сильной потери крови все еще находился в бесчувственном состоянии; его отправили в тюрьму на носилках.

В ящиках обоих мошенников нашли немалое количество золота, которое бургомистр принял на хранение.

Когда служители закона восстановили порядок, вместе с ними удалилось и большинство сбежавшихся горожан. Однако, отдельные группы их долго еще прохаживались под окнами аптеки, оживленно обсуждая неслыханное происшествие.

За всю ночь в доме господина Томазиуса никто не сомкнул глаз, за исключением самого хозяина, который чувствовал себя очень плохо и вскоре задремал. Около постели старика сидели Фриц Гедерих и Эльза и с беспокойством прислушивались к его неровному дыханию.

Старая Ганна осторожно ходила на цыпочках. У нее бы-

ло очень много дела: она должна была и о больном позаботиться, и в комнату магистра заглянуть, — чтобы узнать, принимает ли он прописанное ему Фрицем лекарство; при всем этом она еще находила время потолковать со служителем и учеником, которые за бутылкой вина отдыхали от впечатлений ночи. Следует отметить, что никогда еще старая Ганна не прибегала так часто к помощи своего передника, как в эту достопамятную ночь...

Глава XIV

ПОЯВЛЕНИЕ ДОБРОЙ ФЕИ

На другой день погребок «Золотого Гуся» был переполнен: охочие до новостей горожане, вопреки своим привычкам, явились сюда в неурочное время, когда за дубовыми столами восседали обычно лишь случайные гости. Хозяин «Золотого Гуся» был сегодня персоной вдвойне почтенной, — во-первых, как корчмарь, а во-вторых, потому, что главные герои ночной драмы были его постояльцами. Говорить пришлось ему немало, вследствие чего он был вынужден возложить на Каспара часть забот по угощению гостей. Наряду с трактирщиком расспрашивали, конечно, и тех горожан, которые, будучи привлечены воплями магистра, побывали на месте преступления. Едва только один из очевидцев заканчивал свой рассказ, как уже начинал говорить другой, — который вспоминал еще какое-нибудь обстоятельство, упущенное из виду предыдущим повествователем.

Как и всегда, на обычном своем месте восседали рядышком придворный мясник и придворный портной. После того, как был разоблачен очарованный монах, — у обоих отлегло от сердца. Дело в том, что появление монаха придворный портной истолковал, как предзнаменование, которое означало, что теперь они должны отказаться от всего земного и жить исключительно духовной жизнью. На другой день после той ужасной ночи — это было как раз воскресенье — они пошли в церковь; там они постарались как можно внимательнее прослушать проповедь суперинтенданта, однако, не выдержали и слегка вздремнули перед самым концом этой поучительной речи. Остаток дня наши приятели провели в беседе о потустороннем мире и приняли трудное решение: не заглядывать больше в трактир, чтобы достойным образом подготовиться к близкому концу. Теперь во всем этом не было уже никакой надобности, ибо всем стало известно, кто скрывался под одеянием монаха. Правда, придворный портной уверял своего приятеля, что бу-

дет грешно, если они сразу же поведут прежнюю жизнь; он убеждал его и впредь вести благочестивый образ жизни и лишь изредка позволять себе светские удовольствия, — но тот и слышать об этом не хотел! Наоборот, мясник заявил, что после долгого поста постарается вознаградить себя сторицей, и по сему случаю предложил немедленно отправиться к «Золотому Гусю». Придворный портной сначала отнекивался, но потом решил, что в качестве отца семейства и ему следует для поправления здоровья подкрепиться после пережитых волнений, и оба приятеля отправились в трактир. Итак, они сидели там и обсуждали ночное происшествие.

У придворного мясника были в запасе весьма ценные сведения касательно этого события. Рано утром он в этот раз *лично* сvez на придворную кухню положенное количество мяса и, благодаря этому, узнал, как отнесся двор к аресту алхимика.

Князь был разбужен посреди ночи. Весть о случившемся сильно потрясла его. Бургомистр был вызван в замок для доклада. Что у «итальянского графа» (его все еще величали этим титулом) нашли крупную сумму денег, — было уже всем известно. Придворный мясник утверждал, что у графа оказалось более двух тысяч дукатов, каковую сумму он выманил у князя. Хозяин «Золотого Гуся» подтвердил это сообщение и в сотый раз рассказал своим гостям, как он подслушал разговор князя с графом, и добавил, что уже с самого начала у него было предубеждение против чужеземцев, и что он каждый раз пересчитывал ложки после того, как из их комнат выносили пустую посуду.

Прочие цеховые мастера, знавшие итальянского графа, также заявили, что он им не понравился с первого же взгляда.

Тут придворный мясник опять вмешался в разговор:

— А знаете, господа мастера, кем я хотел бы сейчас быть?

— Не итальянским же графом?

— Сапожных дел мастер! Прошу вас не делать неуместных замечаний! Ясно, что молодчика повесят. Хе-хе, ка-

натных дел мастер! Не поручили ли вам приготовить прочную крученую веревку?

— Ну, до этого еще далеко, — отозвался веревочник. — Сначала следствие, потом, если обвиняемый не сознается, пытка, и только тогда — приговор. Впрочем, я уверен, что веревка тут вообще не пригодится. Его колесуют.

— Он этого вполне заслужил, — согласился придворный портной, — но вы не знаете *милосердия* светлейшего князя. Помяните мое слово: он заменит ему колесо виселицей.

— Хоть бы и так, — начал опять придворный мясник, — только вы не дали мне договорить. Знаете ли вы, кем я хотел бы сейчас быть?

— Ну, кем же ?

— Я хотел бы быть на месте Фрица Гедериха: ему теперь можно позавидовать.

— Да-да, — проворчал придворный портной, — а мне вот жаль, что дочка Томазиуса достанется чужаку, а не сыну одного из наших почтенных бюргеров; уж лучше бы ее выдали за ученого магистра Ксиландера!..

— Этот трус, — презрительно заметил придворный мясник, — недостойн быть мужем такой отважной девушки.

— Да-с, — лукаво усмехнулся портной, — отваги у ней не занимать стать! Она ведь имела смелость ночью разгуливать по саду со своим возлюбленным!

— Ах, портной, портной, — прервал его мясник, — вы сами не знаете, что говорите! Если бы девица Томазиус не амурничала с бакалавром и не пришла бы к нему на тайное свидание в сад, негодяи довели бы до конца свое преступное дело, и наш милостивый князь лишился бы своих двух тысяч дукатов. Господин придворный портной, ведь вы человек разумный, — разве вы не видите в этом перст Божий?

Все почтенные мастера согласились с доводами мясника.

— Однако, — продолжал настаивать портной, — я все-таки недоволен, что чужак отбил у магистра его суженую.

— Хе-хе, — возразил придворный мясник, — этот Гедерих ничуть не хуже наших парней!

— К тому же, — вмешался трактирщик, — магистр тоже ведь не здешний, он родом из Аммерштадта.

— Верно, верно! — с облегченным сердцем вскричали почтенные мастера, и придворный портной принужден был сдаться:

— Ну что ж? В таком случае и я ничего не имею против этого брака.

— Правильно, друзья! — во весь голос заревел придворный мясник. — Эй, хозяин, принеси-ка нам еще бочонок, — я один заплачу за него! Мы выпьем сейчас круговую в честь придворного портного.

В то время, как в харчевне «Золотого Гуся» рассуждали о судьбе участников ночной авантюры, — эти последние находились в полном неведении относительно своего будущего.

Особенно приходилось призадуматься обоим пленникам. Каждый из них сидел в отдельном помещении. Доктор Рапонтико молча смотрел в одну точку, а Бальтазар Клипперлинг из Вены весь дрожал и стучал зубами от страха, то и дело ощупывая свою шею, как будто ее уже стягивала роковая петля.

В первые дни после достопамятной ночи обитатели аптеки Золотого Льва чувствовали себя неважно. Господин Томазиус лежал в постели, и пользовавший его врач только покачивал головой. Фриц и Эльза все время находились в комнате больного. Ночью они попеременно сидели около его постели.

Магистр также не покидал своего ложа. Он был окутан целым ворохом шерстяных одеял и беспрекословно выпивал один стакан лечебного чая за другим и одну склянку с лекарством за другой.

Немало дела было и у старой Ганны. Но она с великим терпением выполняла свои обязанности, ибо была уверена, что все кончится самым наилучшим образом.

И она не ошиблась! Тяжело проболев два дня, старик начал медленно возвращаться к жизни. Смерть, с которой он так долго и так успешно боролся при помощи своих ле-

чебных снадобий, и на этот раз спасовала перед микстурами и пилюлями аптеки Золотого Льва.

Через несколько дней господин Томазиус уже смог встать с постели и усестся в своем большом кресле. Рядом с ним на столике стоял стакан с золотисто-коричневым кипрским вином, которое лишь в самых редких случаях выносилось на свет Божий из недр его погребка.

Октябрьское солнце светило сквозь круглые оконные стекла и озаряло белокурую головку юнгфер Эльзы, причем создавалось впечатление, что свет в комнате исходит от светлых кудрей молодой девушки.

Господин Томазиус возложил руки на головы обоих молодых людей и произнес, по-видимому, очень проникновенную речь, ибо Фриц и Эльза имели растроганный вид и с чувством поцеловали старика в седую голову. В сторонке от них стояла старая Ганна и кончиком передника осушала обильно струившиеся из ее глаз потоки слез.

— Я был тяжело болен, — сказал аптекар, — и моя болезнь длилась очень долго. Я имею в виду золотую лихорадку, которая съела лучшие годы моей жизни. Теперь я исцелен. К счастью — еще не поздно, и я смогу наверстать потерянное. Если Богу будет угодно продлить вечер моей жизни, я надеюсь, что мои дети постараются скрасить его своей молодостью. А теперь идите! Ты, Фриц, посмотри, что делается в аптеке: страшно подумать, сколько они там поломали и разбили за время моего отсутствия!.. Для тебя найдется работа. А ты, Эльза, отправляйся-ка на кухню! Я хочу сегодня на деле убедиться, вправду ли ты хорошая хозяйка. Если ты приготовишь нам вкусный обед, я поспешу со свадьбой. Но если у тебя суп подгорит или ты пересолишь его, вам обоим придется ждать целый год. Теперь — марш! А вы, Ганна, пожалуйста, перестаньте хныкать, — я этого терпеть не могу...

— Я уже успокоилась, господин Томазиус!

— Отлично. Зайдите к магистру и попросите его заглянуть ко мне, — мне нужно с ним поговорить.

Магистр также вылечился от своей, в сущности, пустяковой болезни, но находился в самом мрачном расположе-

нии духа.

Оправившись от испуга, он уразумел, какого рода отношения связывают Фрица Гедериха и белокурую Эльзу. К тому же, друзья и доброжелатели, посещавшие его во время болезни, постарались открыть ему глаза на некоторые обстоятельства, доселе магистру не известные. Фриц Гедерих самолично явился к нему на второй день после той памятной ночи и признался во всем, как на духу. Но магистр повернулся тогда лицом к стене и сделал вид, что заснул, после чего Фриц удалился с сознанием исполненного долга.

Сегодня, закутанный до подбородка, магистр сидел у своего письменного стола и сочинял стихи. Ах, он писал теперь не комедию и не глубокомысленную дидактическую поэму! Он творил элегию, трогательную и печальную, как песня раненого насмерть соловья:

Зачем отвергла ты влюбленного магистра,
Чье сердце, Эльза, билось только для тебя?..

Стихотворение вышло длинное-предлинное. В самом конце этого послания, полного жалоб на коварство Эльзы и ее возлюбленного, из-под пера магистра вылились строчки, для него самого несколько неожиданные:

Желает вам любви и много-много счастья
Ваш старый друг магистр Иероним Ксиландер.

Когда он перечел эти строчки, его сердце наполнилось тихой радостью примирения.

Есть своего рода наслаждение и в муках невинно пострадавшего: так стебель дулькамары — сначала горек и внушает отвращение, но потом вдруг делается сладким, как мед. Магистр начал теперь ощущать неизъяснимую сладость в своих муках обманутого воздыхателя.

Когда ученый муж предстал перед своим *бывшим* будущим тестем, он действительно походил на мученика, кото-

рого только что сняли с колеса, переломавшего ему все кости...

Они виделись первый раз со времени той ужасной ночи. Сначала каждый из них осведомился о здоровье другого; оба они с радостью ухватились за эту тему, чтобы оттянуть неприятный для них разговор.

Наконец, господин Томазиус собрался с духом и начал развивать мысль известного изречения: «Человек предполагает, а Бог располагает». Он говорил как по-писаному. Бедный магистр терпеливо слушал аптекаря, который строго логически доказывал ему, что Эльза не годится в жены такому ученому человеку: магистр должен, мол, радоваться, что узнает об этом вовремя, — в противном случае дело могло бы пойти слишком далеко.

Магистр со всем согласился и поник головой, словно сломанная лилия.

— У меня есть в виду подходящая невеста для вас, — продолжал аптекарь.

Сломанная лилия слегка приподняла голову.

— Это — бургомистерская дочка Кэтхен. Чем не жена для вас? Бургомистр — мой кум, и дело пойдет на лад, если я замолвлю за вас словечко. Что вы об этом думаете?

Магистр горько усмехнулся.

— Она красива, но слишком горда!

— Это еще ровно ничего не значит, — уверенно заявил аптекарь. — Вы человек почтенный, и каждая девушка почтет за честь, если вы сделаете ей предложение. Положитесь на меня, магистр, уж я все устрою; впрочем, об этом мы еще поговорим! А теперь у меня к вам большая просьба, дорогой магистр! Увы, раньше я довольно презрительно относился к вашим занятиям поэзией; это было в те времена, когда я болел золотой лихорадкой, омрачавшей мою душу; тогда я вообще не разбирался в том, что красиво и что безобразно. Но теперь, славу Богу, это миновало, мои мысли прояснились, и я сознаю, что был несправедлив по отношению к вам. Простите ли вы меня?

Растроганный магистр протянул старику руку.

— Итак, — продолжал аптекарь, — если вы больше не

сердитесь на меня, сделайте одолжение, — прочтите мне что-нибудь из ваших стихов! Надеюсь, это не повредит вашему здоровью?

— С великим удовольствием! — воскликнул магистр. Его бледные щеки покрылись легким румянцем. — Сейчас я принесу рукопись. Но что вам прочесть — что-нибудь серьезное или забавное?

— Что вам угодно, дорогой магистр, мне все равно.

Магистр вышел и вскоре вернулся с толстой тетрадью. Он уселся поудобнее напротив аптекаря и начал читать первую песнь своей героической поэмы. Чтение длилось долго. Время от времени аптекарь кивал головой и делал одобрительные замечания. Под конец он затих. Когда магистр дочитал первую песнь, состоявшую из тысячи семисот стихов, и поднял голову, — господин Томазиус спал сном праведника.

Магистр на цыпочках вышел из комнаты. Повстречавшись со старой Ганной, он сказал ей:

— Он совсем стал другим. Подумайте только, Ганна, он попросил меня прочитать ему стихи!

Ганна всплеснула руками от изумления.

— Да-да, — продолжал магистр, — нервное потрясение оказало на него благотворное влияние. Бывали ведь случаи, когда дураки, выпрыгнув из окошка и ударившись головой о землю, становились вдруг людьми разумными! Господин Томазиус начинает теперь понимать толк в поэзии, и это является вернейшим признаком его полного *выздоровления*.

Старая Ганна кивнула головой, хоть и не слишком вникла в смысл речей магистра. Теперь ей больше не хотелось противоречить ему, и она ответила:

— Вы — человек ученый и всегда рассуждаете очень мудро. Только не стойте здесь на сквозняке, — идите-ка лучше в свою комнату!

«А ведь Ганна права», — спохватился магистр и быстрыми шагами направился в свой «музеум».

Князь Рохус придавал очень большое значение популярности, ибо она покоряет сердца подданных и в то же время ничего не стоит.

Подобно Гаруну аль-Рашиду, бродившему по улицам Багдада со своим визирем, князь очень любил по временам, в сопровождении камергера, смешиваться с толпой своих подданных, чтобы незаметно наблюдать их жизнь.

Об этих прогулках рассказывалось множество анекдотов. Так, однажды какая-то старуха попросила его светлость взвалить ей на спину котомку, и князь, как умел, исполнил ее просьбу. В другой раз его чуть не поколотил молодой слесарь, вздумавший приревновать к августейшей особе свою возлюбленную. Князю пришлось раскрыть свое инкогнито, чтобы отвести от себя удар грязным кулаком. Тогда юный ремесленник упал к его ногам и стал молить о пощаде. И князь простил его. Как-то раз новый Гарун аль-Рашид опять попал в затруднительное положение: он вмешался в драку двух уличных мальчишек, и они забросали его камнями.

Зная пристрастие князя к такого рода вмешательству в частную жизнь своих подданных, не следует удивляться, что, узнав об обстоятельствах криминального происшествия в саду аптекаря, он принял это дело близко к сердцу и решил сыграть роль доброй феи, которая при помощи магического жезла водворяет мир и спокойствие. Ему хотелось, к тому же, тем или иным способом отблагодарить главного героя ночной драмы — бакалавра, избавившего его от чувствительной денежной потери. Что же касается магистра Ксиландера, то князь давно уже задумал сделать ему сюрприз, и очень обрадовался, когда узнал, что и сей ученый муж имеет прикосновение ко всей этой истории.

На этот раз князь отправился совсем один. По дороге он еще раз обдумал план своих действий.

Итак, вскоре после только что описанных нами событий князь неожиданно появился в аптеке Золотого Льва.

Господин Томазиус дремал в это время в своем кресле. Эльза и Фриц сидели поодаль и в тысячный раз повторяли то, в чем они признались друг другу, сидя под бузиной. Ма-

гистр стоял у окна и глубокомысленно взирал на облака. Вдруг дверь открылась и — мимо низко присевшей Ганны — в комнату вошел светлейший.

Воцарилась глубокая тишина.

Затем последовали низкие поклоны.

— Сидите, сидите, — милостиво обратился князь к старику. — Это вы и есть аптекарь Томазиус?

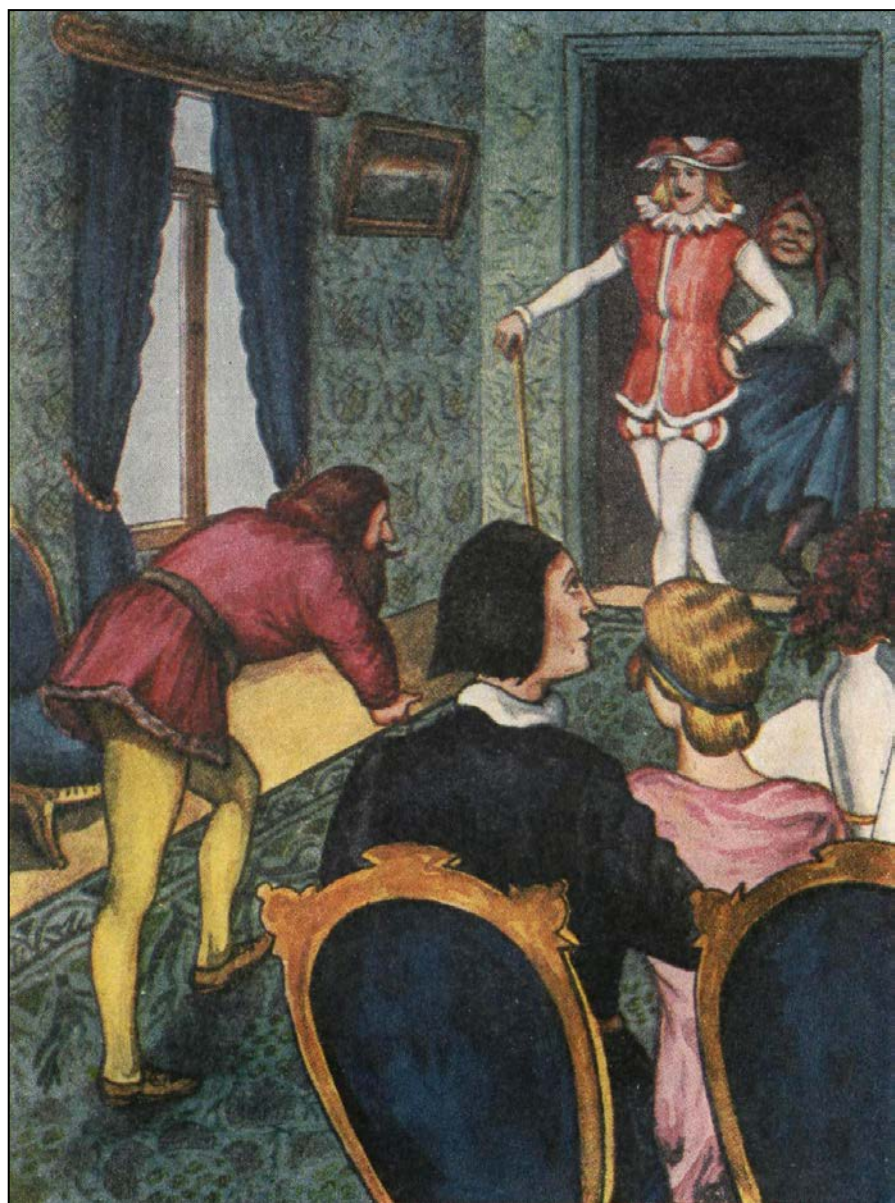
— С дозволения вашей светлости, — да.

— Нас обоих провели эти мошенники, — только вам пришлось хуже! Мне докладывали, как скверно они с вами обошлись. Надеюсь, вы теперь чувствуете себя лучше?

Растроганный старик рассыпался в словах благодарности.

— А это, наверное, ваша дочь? — сказал князь, показывая на Эльзу.

— Так точно, ваша светлость, это — моя Эльза.

Эльза сделала глубокий реверанс. Князь не без удовольствия оглядел хорошенькую мешаночку, но постарался придать своему лицу строгое выражение, когда обратился к ней со следующими словами:

— Как я слышал, юнгфер имеет склонность к монастырской жизни, и я хотел бы помочь ей в этом смысле. В двух часах езды от моей резиденции Аммерштадта, в лесу, находится прелестная обитель. Там моя благочестивая сестра принцесса Эмеренция в качестве аббатессы руководит дюжиной юных послушниц, ведущих примерную, достойную подражания жизнь. После молитвы они чинно гуляют по саду. Окончив прогулку, снова начинают молиться. Два раза в неделю к ним приезжает мой придворный проповедник и ведет с ними назидательные беседы о греховности мира и радостях загробной жизни. Правда, — продолжал князь, пожав плечами, — в обитель принимают только благородных девиц, но я надеюсь, что моя августейшая сестра сделает для меня исключение из этого правила! Что думает юнгфер Томазиус об этом предложении?

Эльза стояла, опустил глаза, и в смущении перебирала складки передника. Фриц откашлялся и подошел к ней на шаг ближе. Господин Томазиус поднялся с кресла и взял слово:

— С дозволения вашей светлости, Эльза — утешение моей старости. Мне было бы очень тяжело расстаться со своей дочерью. К тому же, она помолвлена с этим вот... — он указал на Фрица Гедериха. — Надеюсь, мой светлейший повелитель не заставит меня отказаться от данного мною слова...

— Увы! — засмеялся князь. — Значит, я пришел слишком поздно. Слушайте, дети, я только в шутку упомянул об обители моей благочестивой сестры. Я ведь хотел выступить в роли свата от имени бакалавра, которого мне хотелось чем-нибудь отблагодарить, а теперь вы мне испортили всю мою шутку; неужели вы не могли подождать денька два?

— Если бы мы только знали, — сказал Фриц, — что его светлость самолично...

— Тогда бы вы обождали?! — прервал его князь. — Уверьте в этом кого-нибудь другого, — только не меня! Когда же свадьба?

— Еще до Рождества.

— Так, значит, у вас спешка! Если я опоздал со сватовством, то, может быть, пригжусь через год...

Эльза отвернулась.

— Тогда вспомните о князе, вашем доброжелателе!

Магистр, на которого еще не было обращено высочайшее внимание, тяжело вздохнул.

— Подойдите ко мне, мой друг Гедерих! — продолжал князь. — В свое время вы порадовали меня своим выступлением в комедии, а всего несколько дней тому назад вы избавили меня от большого ущерба, так что я вам должен вдвойне. Между тем, князю не подобает быть должником подданного. По сему случаю обратитесь ко мне с какой-нибудь просьбой!

— Ваша светлость, с тех пор, как я получил руку и сердце моей Эльзы, я ни в чем более не нуждаюсь, я счастлив.

— Каков Диоген! Вы, чего доброго, попросите, чтобы я не заслонял вам солнца! Гм... мне кажется, бакалавр принадлежит к числу тех безумцев, с которыми не следует считаться, — для их же собственной пользы! Узнайте же, какую я ему уже оказал милость! Вот увидите, как он сейчас разинет рот от удивления! Мошенник, которого он задержал, приговорен, как известно, к смертной казни и будет повешен в самом ближайшем будущем. Желая, по-видимому, избежать смерти, он рассказал удивительную историю о своем бывшем помощнике-студенте, который занимался черной магией и должен был спастись бегством... Разумеется, не следует особенно доверять словам этого негодяя-алхимика. Однако, судьи заинтересовались этой историей и решили заняться расследованием. И кто знает, к чему бы оно привело?.. Но я велел прекратить следствие. Почему, — это мое дело! Однако, если господин бакалавр и слышать не хочет о моих милостях, пусть он скажет одно только слово, и прерванное судебное следствие будет возобновлено. Что из этого выйдет, не знаю, но одно для меня ясно: свадьбу в ап-

теке Золотого Льва не придется сыграть до Рождества.

Князь кончил. Он наслаждался втайне уничтожением бакалавра и замешательством остальных присутствующих.

— Вот видите, дети, — сказал князь в отеческом тоне, — всегда хорошо иметь могущественного друга и заступника. Теперь дайте мне ваши руки, я хочу пожелать вам счастья!

Ко всеобщему удивлению, Эльза, поцеловав руку князя, спросила его дрожащим от волнения голосом:

— Разве алхимика в самом деле повесят?

— Да, его дни сочтены.

— Всемиловейший государь, — с умоляющим видом обратилась она к князю, — прошу вас, не казните его, подарите ему жизнь! Если бы не он, я не была бы невестой Фрица. Конечно, он совершил очень тяжкое преступление, но, ваша светлость, у меня не будет ни минуты покоя, если перед моей свадьбой повесят человека, который — так сказать — был патроном моего жениха.

— Что ты там болтаешь сдуру! — нетерпеливо прервал ее Томазиус, раздраженный непоследовательностью дочери. — В этих делах ты ровно ничего не смыслишь, Эльза! Правосудие есть правосудие! Оный доктор Рапонтико достоин виселицы уже потому, что занимался изготовлением фальшивых альраунов.

— Твой отец прав, юнгфер Эльза, правосудие должно идти своим путем, — строго сказал князь. — Ни слова больше об этом!

Первая часть программы была выполнена, и князь приступил ко второй.

— Пусть к нам приблизится магистр Ксиландер, — воскликнул он, засовывая руку в карман, в котором послышалось легкое позвякивание.

Магистр поспешно подошел к князю и отвесил ему изысканнейший поклон.

— Я у вас в долгу, магистр, — начал князь, — вы сочинили в мою честь великолепную комедию. Однако, почему ваша шея окутана платком?

— Я чувствую себя больным после той ужасной ночи, — ответил магистр.

— Гм... а не можете ли вы на минуту снять свой платок?

— Во исполнение приказания вашей светлости... — пробормотал магистр, с трудом высвобождая свою шею из толстого шерстяного платка. Князь терпеливо ждал конца этой операции. Наконец, магистр справился.

— Наклонитесь! — приказал князь.

Магистр послушно опустил голову, и князь надел ему на шею золотую цепь с большой медалью.

Иероним Ксиландер покраснел, как глетчер, обогранный лучами заходящего солнца, и поклонился так низко, что пожалованная ему медаль чуть не коснулась пола.

Между тем, князь вынул из другого кармана лист пергамента. Он высоко поднял его и сказал торжественным тоном:

— Согласно этому декрету, мы назначаем Иеронима Ксиландера, *alias* Гольцмана, магистра свободных искусств и квартуса городского лицея города Финкенбурга, — нашим придворным библиотекарем и архивариусом с содержанием и довольствием княжеского советника, и надеемся, что оный наш подданный будет служить нам верой и правдой.

Магистр не ожидал такого счастья. От волнения он лишился дара речи и чуть не забыл поцеловать руку своему благодетелю...

— Вот вам декрет, мой любезный придворный библиотекарь, — благожелательно улыбаясь, сказал князь: ему пришлось по вкусу безмолвное умиление магистра. — Устройте так свои дела, чтобы вскоре последовать за мной в Аммерштадт, — с лицеем у вас теперь все покончено. Как только обживетесь в Аммерштадте, вам придется повторить постановку «Брака в Кане Галилейской». Я хочу, чтобы мои верные аммерштадтцы также насладились этим зрелищем. Вы обещаете мне?

— Все, все, что прикажете, всемилостивейший государь мой! — вдохновенно воскликнул магистр и поднял для клятвы руку к небу.

— Прекрасно! А теперь обвяжите ваше горло, чтобы опять не заболеть!

Но магистр больше не нуждался в этом: он вдруг излечился и от болезни, и от тоски.

Князь оглядел присутствующих: вся сцена была разыграна как нельзя лучше. Отмахиваясь от горячих изъявлений благодарности облагодетельствованных им людей, он приветливо им улыбнулся и направился к дверям. Там он остановился на минутку, подозвал Эльзу и что-то шепнул ей на ухо. Эльза низко поклонилась и поцеловала ему руку. Затем князь быстро удалился, очень довольный собой. Он так вошел в роль доброй феи, что, выходя из аптеки, огляделся, нет ли где колесницы, запряженной голубями, но таковой не оказалось.

— Эльза, — спросил Фриц, — что сказал тебе князь на ухо?

— Нечто очень хорошее, касающееся двух бедных грешников, но что именно, — не могу сказать.

Аптекарь обратился к магистру:

— Покажите-ка мне вашу жалованную цепь, господин придворный библиотекарь! Гм... довольно красиво... но золото низкопробное, и работа недостаточно тонкая!

— Это совсем не важно, — вспыхнул кроткий Иероним Ксиландер, — монаршая милость дороже золота и серебра! В этих вещах вы ровно ничего не понимаете!

— Никак не ожидал от вас такой грубости, господин придворный библиотекарь! Впрочем, не спорю и искренне за вас радуюсь! Эльза, когда же мы, наконец, сядем обедать? От одной монаршей милости сыт не будешь: это я знаю на верное. Согласны ли вы со мной, господин придворный библиотекарь?

Тот пожал плечами и важно удалился в свой музей, чтобы приобщить к своим сокровищам золотую цепь и жалованную грамоту. Каким образом новоиспеченный придворный библиотекарь и архивариус изливал свою радость в четырех стенах своего музея, мы не знаем: это покрыто мраком неизвестности. Но нам доподлинно известно, что целый день магистр находился в повышенном настроении, так же, как и жених со своей невестой и — в более умеренной степени — господин Томазиус.

Поздно вечером, когда Фриц Гедерих направлялся в свою

комнату, магистр преградил ему дорогу и позвал в свой музей.

— Господин бакалавр, — сказал он, — вы, вероятно, заметили, что за последние дни я был не слишком к вам расположен, — и вы, конечно, знаете, почему именно...

— Знаю и повторяю вам, что...

— Кто старое помянет — тому глаз вон! Предадим минувшее забвению! Скоро я уеду в Аммерштадт для поступления на новое место службы. Мне осталось здесь жить всего каких-нибудь две недели. Проживем же это время, как прежде, как старые друзья! К вашей свадьбе я напишу маленькую комедию: это будет мое последнее произведение в Финкенбурге.

Примиренные соперники пожали друг другу руки. Магистр долго еще говорил о своих планах на будущее; при этом они осушили не один бокал старого пенистого вина. Когда Фриц распрощался, наконец, со своим старым другом, этот последний шепнул ему на ухо:

— Должен сказать вам по секрету, что я очень даже рад, что вы отбили у меня Эльзу. Фриц, вы человек умный и, я надеюсь, поймете меня с первого слова: дочь аптекаря — не партия для придворного библиотекаря его светлости...

— Я вполне вас понимаю, господин придворный библиотекарь, — сказал Фриц, — нет, вы не были бы счастливы с Эльзой!

— Я также убежден в этом, — подтвердил магистр, — но это должно остаться между нами.

— О да, это останется между нами. Спокойной ночи, господин придворный библиотекарь!

— Спокойной ночи, мой друг!

Глава XV

ДЕВИЧНИК

Ворон Яков вовсе не был настолько «отпетой» птицей, чтобы не испытывать ни малейшей радости в связи со счастливым оборотом событий: он выражал ее по-своему, оказывая особое внимание бакалавру и белокурой Эльзе. Но потому ли, что молодые люди стали его в чем-то подозревать, или же просто потому, что они были слишком заняты друг другом, — нежные чувства Якова не находили отклика. Поэтому он стал держаться в стороне от счастливых из первого этажа, и кто знает, к каким нежелательным результатам привело бы мрачное настроение ворона, если бы судьба не послала ему друга в лице нового аптекарского ученика.

Этот последний был не кто иной, как сын трактирщика Каспар; рассчитав прежнего ученика, господин Томазиус принял Каспара на службу по рекомендации Фрица Гедериха.

Достоин внимания, что сын хозяина «Золотого Гуся» принялся за новую работу с великим усердием и не слишком много бил, ломал и портил, перемывая посуду в аптеке господина Томазиуса. Кормежка ворона и вообще забота о его благополучии лежала на обязанности каждого аптекарского ученика, — так было заведено уже исстари. Каспар с большим удовольствием взял на себя эту дополнительную обязанность на новом месте своей службы и вскоре очень подружился с Яковом. Эта дружба с каждым днем становилась все более тесной и прочной, так что старый ворон в конце концов примирился с равнодушием прежних своих покровителей.

Сегодня, словно верный страж, разгуливал он по парадной лестнице дома и время от времени посматривал на аптечного льва, которого только что заново позолотили. Яков внимательно следил за тем, чтобы чья-либо дерзкая рука не стерла еще не высохшей позолоты.

— Твой покорный слуга, Яков! — раздался вдруг голос собирателя трав Петра, который издавна пользовался расположением ворона, так как нередко приносил ему из лесу дохлую мышь или еще что-нибудь в этом роде. Старичок не представлял опасности для свежепозолоченного льва, и Яков милостиво пропустил его мимо, прокаркав: «Оборванец».

Петр не принес сегодня ни трав, ни кореньев: он пришел не в аптеку, а с целью навестить юнгфер Ганну, которая была увлечением его юности.

Добрая экономка стояла около разогретой плиты и прохаживалась шумовкой по целой дюжине горшков и сковородок, когда Петр осторожно приоткрыл дверь и заглянул в кухню.

— Позвольте войти, юнгфер Ганна?

Старушка повернула к нему разгоряченное лицо и приветливо сказала:

— Ах, это вы, Петр! Что же, все уже кончилось? Прошу садиться, у меня для вас гусиное крылышко припасено.

Старичок осклабился.

— Я только что позавтракал, — сказал он, — а впрочем, давайте-ка его сюда!

Ганна подала ему гусиное крыло, отрезала ломоть хлеба и встала перед ним, упершись руками в бока.

Старичок взялся за нож.

— Весь город был там. Двоих сразу! Ведь такое не каждый день увидишь!

— Будь милостив, Господи, к бедным грешникам! — пробормотала Ганна и схватилась за передник. — Долго ли они барахтались-то?

Петр усмехнулся и процедил сквозь набитый рот:

— Они до сих пор еще барахтаются!

— Ах, какой ужас!

— Слушайте, юнгфер Ганна, сейчас я все расскажу по порядку. В семь часов утра, — было еще темно, — их вывели из темницы; впереди шел отряд солдат, за ними шествовали судьи, в самом конце бедные грешники в длинных белых рубахах.

Ганна содрогнулась.

— Главный злодей, — тот, что с большой бородой... Ах, Господи, кто бы мог подумать, что итальянский граф — такой негодяй! Сколько раз мы сидели с ним рядом — так же близко, как с вами вот теперь, — и говорили о том, о сем, словно старые друзья! Итак, главный злодей казался совершенно спокойным: был все такой же — нисколечко не изменился! А другой — Клипперлинг, скоморох-то, дрожал, как осиновый лист, и строил такие рожи, что вовек не забуду, и теперь еще, как вспомню, — мороз по коже! Наконец, их подвели к Рабенштейну. Треножник виселицы, покрытый мишурным золотом, блестел уже издали; говорят, этаких делателей золота всегда вешают на золоченой виселице. Вот судья прочел им приговор и затем — кнак! — переломил свой жезл. Палач со своими подручными возвел бедных грешников на помост и накинуд им на шею петли. Кругом все смолкло. Я привстал на цыпочки, чтобы лучше видеть, ибо мне очень мешала туша стоявшего предо мной придворного мясника, и вот...

Но тут старичок вспомнил о своем гусятине крылышке. Он отрезал кусочек и сунул его в рот.

— Ах, Петр, — накинудась на него старая Ганна, — не томите меня, рассказывайте дальше!

Старичок опять осклабился и нежным голосом спросил подругу своей юности:

— А чем вы меня наградите, юнгфер Ганна, когда я расскажу вам до конца?

И он сложил губы в трубочку.

— Старый шут! — пробормотала покрасневшая Ганна. — В уме ли вы? Я уж наградила вас этим вот гусятиным крылышком. Рассказывайте дальше!

Старый возлюбленный Ганны перевел глаза с ее лица на кость, которую держал в руке, и продолжал:

— Итак, для обоих грешников наступила последняя минута. Вдруг юстициариус махнул носовым платком и крикнул: «Стойте!» Затем он вытащил из кармана какую-то бумагу и что-то прочел. Когда он кончил, в толпе начали кричать и смеяться, а бедных грешников свели с помоста. Спер-

ва я не понял, в чем дело, потом мне объяснили. Оказывается, негодяев хотели только попугать виселицей: такова была воля нашего всемилостивейшего государя. Палач снял с них одеяние грешников, и затем под конвоем гренадеров их отвели к границе нашего княжества. Ах, Ганна, я никогда не забуду, *какое* лицо было у Клипперлинга, когда он опять очутился на земле!

Ганна выслушала его с большим изумлением и покачала головой.

— Если бы это от меня зависело, — сказала она, — их бы непременно казнили! Кто их знает? может быть, они возвратятся и пустят к нам в дом красного петуха?

— Едва ли! Мошенники редко возвращаются в ту местность, где они успели уже разок попасться в лапы правосудия!

В это время в кухню вошел Каспар и сказал, что господин Ксиландер просит Ганну зайти к нему в музей. Старая экономка, которая со времени катастрофы начала относиться к магистру с большим уважением, велела Каспару присмотреть за горшками и кастрюлями и отправилась наверх.

— Ганна, — спросил магистр, — нет ли у вас белого платья?

— Как же! У меня имеется великолепное белое платье, которое подарила мне перед смертью покойная тетка господина Томазиуса; оно, правда, уже не новое, но все еще прекрасно.

— Отлично, — сказал магистр, — принесите мне это платье!

Ганна ушла удивленная, но вскоре возвратилась с платьем на руках.

— В пору ли оно вам? — спросил магистр.

— Я давно не надевала его, но едва ли я выросла за последние годы!

— Примерьте его!

— Что вы, господин придворный библиотекарь? Не стану же я переодеваться на ваших глазах! Какого вы обо мне мнения!

— Ах, не стесняйтесь, пожалуйста! Я буду тем временем смотреть в окно.

— Нет, уж лучше я пройду в свою комнату и переоденусь там!

— Прекрасно, Ганна!

Через несколько минут старушка возвратилась в подвенечном наряде покойной тети Урсулы. Магистр внимательно осмотрел ее со всех сторон.

— Платье — великолепно! Слушайте теперь, Ганна! Я сочинил кое-что для предстоящей свадьбы и хочу, чтобы вы выступили в этом наряде.

Ганна испугалась не на шутку.

— Нет, нет, — решительно заявила она, — я особа почтенная, мне не приличествует играть в комедиях!

— Ганна, вы рассуждаете, как ребенок! Я ведь тоже человек почтенный, и к тому же придворный библиотекарь,

а нисколько не гнушаюсь выступить в комедии.

— Вы тоже будете играть?

— Конечно, но мне нужен еще третий актер. Не пригласить ли нам Петра?

— Вот это удачная мысль, — заметила старушка. — Петр — отличный актер. Когда Эльза была еще совсем маленькой, он очень ловко изображал слугу Рупрехта. Петр сейчас как раз на кухне. Хотите, я его позову сюда?

— Подождите минуту, — сказал магистр. — Итак, вы согласны играть в комедии?

— Ради моей Эльзы — я готова на все!

— Отлично, Ганна! Вам не придется много говорить, — всего только несколько слов. Приходите ко мне сегодня вечером, я научу вас. Вот здесь коробочка со звездочками из серебряной бумаги. Нашейте их на это платье. Потом получите еще серебряную корону, — она покуда не готова. А теперь пошлите ко мне Петра. Но держите все это в тайне: я хочу сделать сюрприз!

Ганна пообещала и пошла на кухню.

* * *

— Завтра состоится свадьба в аптеке Золотого Льва. Такой пышной свадьбы никогда еще не видали в Финкенбурге, — говорил бургомистр и думал о том, сможет ли он венчание Кэтхен обставить столь же торжественно.

То же самое говорил придворный портной и расхваливал великолепные наряды, которые он сшил для жениха и его тестя. Придворный мясник высчитывал на пальцах, сколько у него заказали мяса для свадебного пира: слушая его, все ахали от изумления. Трактирщик сообщил, что у него затребовали трех судомоек на подмогу старой Ганне. Только и речи было, что о предстоящей свадьбе, в которой принимали участие все наиболее почтенные бюргеры Финкенбурга. Однако, завтрашнее торжество занимало не одних только богачей, — о нем говорили и бедняки: каждому из них

предстояло получить от господина Томазиуса фунт мяса, гарнец муки и три батцена наличными деньгами. Аптекарь мог позволить себе эту роскошь: богаче его не было никого во всей округе. И все это богатство должно было перейти к его зятю — человеку *пришлому*! Мысль об этом была каплей дегтя в бочке меда, которую предстояло выпить жителям Финкенбурга.

Старый дом на Рыночной улице смотрел женихом, — впрочем, нет, он походил скорее на почтенного старца, справляющего золотую свадьбу. Как чудесно блестел под лучами зимнего солнца недавно позолоченный аптечный лев, и как приветливо улыбались на фронтоне каменные изваяния! Стряпухи на кухне весело гремели посудой, а стук пестов о ступки в лаборатории напоминал колокольный звон. Ведь завтра здесь свадьба!

А если завтра свадьба, значит сегодня — девичник!

— На девичнике, — сказал господин Томазиус, — полагается бить горшки, но я решительно против этого обычая: и без того много посуды бьется в моем доме!

Каспар, сын трактирщика, давно уже радовался предстоящей возможности безнаказанно бить горшки и тарелки и втихомолку собрал целую грудку старой посуды. Однако, к великому его неудовольствию, ему пришлось подчиниться запрету хозяина дома. Зато на его долю выпала приятная обязанность — пускать в саду фейерверк.

Обычай плетения венка решено было справить в тесном семейном кругу. Бургомистерская Кэтхен и дочь городского писца Лора связали венок из миртовых ветвей; в этой почетной работе им деятельно помогала старая Ганна.

— Девица, начинающая плетение венка для невесты, — сама на очереди! — сказал господин Томазиус и подмигнул Кэтхен, которая густо покраснела и отвернулась, а придворный библиотекарь принялся со вниманием рассматривать золотую цепь, надетую им по случаю сегодняшнего торжества.

Наступил вечер. Маленькое общество собралось вокруг большого круглого стола. Гости то и дело отхлебывали глоток сладкого вина и со вниманием слушали почтенного хо-

зяина, рассказывавшего о приключениях своей молодости. Магистра в комнате не было.

Фриц и Эльза, держась за руки, сидели в тени и молчали. В то время, как старик Томазиус занимал гостей рассказами о своих путешествиях, бакалавр погрузился в воспоминания. Перед ним промелькнул старенький пасторский домик с окружавшими его фруктовыми деревьями и смутные образы его родителей. Затем он вспомнил старинный университетский город с его острыми кровлями и высокими башнями, — город, где весело протекли его студенческие годы. Потом наступили тяжелые времена: занятия черной магией, бегство, встреча в лесу, всевозможные приключения в обществе странствующего врача... прочь, прочь! — это был только дурной сон. Фриц пожал руку Эльзы и поцеловал ее в лоб. Дождался-таки и он счастья! В его памяти всплыла вещая песнь странников:

Куда идти вам, усталым людям,
Какой тропой?
Через страданья забрезжит счастья
Луч золотой,
Через мученья проглянет ясный
Покоя лик...
Через долины, через вершины! —
Ведь мир велик!

Да, мир велик, но рано или поздно странник обретает покой. Однако, не каждому так везет, как Фрицу Гедериху, бакалавру!

— Да, мир велик, — сказал старый Томазиус, обращаясь к своим слушателям, — но поверьте мне, старику, люди повсюду — все те же; может быть, следует сделать исключение для китайцев и мавров, но с ними мне не приходилось сталкиваться. Что же касается тех народов, с которыми я имел дело — будь то саксонцы или швабы, баварцы или финкенбуржцы, — все они почти ничем не отличаются друг от друга. Они живут точно так же, как и мы; только у них разные обозначения для одной и той же вещи. Например...

Томазиусу пришлось оборвать свою речь, ибо дверь открылась, и в комнату вошел маленький человек с длинной льняной бородой, а за ним показались еще две фигуры, одна — мужская, другая — женская. Обе они были с ног до головы закутаны в длинные покрывала.

— Что это такое? — гаркнул аптекарь.

— Тише, отец, — сказал Фриц, — это магистр и Ганна со старичком Петром. По-видимому, сейчас начнется представление.

Старичок Петр, который был так ловко переодет, что его трудно было узнать, выступил вперед, сделал неловкий поклон и начал читать нараспев:

Добрый вечер! Перед вами славный царь, —
Подземных духов великий государь.
Я властвую над каждым кобальдом и гномом,
Что маленьким заступом или ломом
Добывают из земли целые груды
Золота и серебра, а также изумруды,
Рубины, диаманты, аметисты, топазы,
Гранаты, сапфиры, хризолиты, хризопразы...
Чтобы честную компанию позабавить,
Золото и серебро могу вам представить.

— Bravo, старый Петрушка! — воскликнул Томазиус. — Подойди-ка к нам поближе и выпей стакан вина!

— Представление еще не окончено, господин Томазиус, — возразил повелитель гномов,

Между тем, выступила другая фигура и скинула с себя покрывало. Это был магистр. Он был одет в красную мантию, усыпанную золотыми звездочками. На голове его блестела корона из золотой бумаги.

Девушки захихикали. Господин Томазиус низко опустил голову: он не знал, куда глаза девать.

Магистр отвесил изящный поклон и начал:

Господа! Я — золото. В моей власти
Все земные человеческие страсти.

Из всех духов, живущих во мгле,
Я самый могучий на всей земле.
Тысячи людей были моими рабами,
И, кланяясь мне, стукали об пол лбами.
Сам мудрый царь Соломон
Был мне, золоту, подчинен...
Из-за меня здесь многие пострадали,
Но счастье под конец и они увидали...

Когда магистр кончил, вперед выступила третья фигура и сбросила с себя покрывало. Ко всеобщему удивлению, оказалось, что это старая Ганна.

— Очень прошу вас, господа, — прошептала Эльза, — не смеяться над старушкой!

Увы! и сама невеста, и ее подружки, и жених, и почтенный Томазиус должны были делать страшные усилия, чтобы удержаться от смеха. Действительно, старая Ганна выглядела более чем странно в подвенечном платье покойной тетки Урсулы, с серебряной зубчатой короной на голове. Старушка поклонилась и начала говорить тихим голосом:

Я — серебро, я — серебро, я — серебро...

— Бледная сестра золота... — подсказал магистр.

Голос у Ганны дрожал; по старой привычке она хотела было схватиться за передник, но, увы, у «бледной сестры золота» его не было! Это обстоятельство окончательно вывело старушку из душевного равновесия.

— Все это слишком трогательно, — прошептала она, — слишком трогательно...

— Я так и думал, что вы испортите мне все представление! — проскрежетал зубами магистр. — Разве вообще можно положиться на женщину!

Гнев духа золота и растерянность духа серебра произвели на присутствующих очень сильное впечатление: все принялись хохотать. Магистр совсем рассвирепел, а из глаз старой Ганны текли целые потоки слез. Старичок Петр,

царь духов, стоял с открытым ртом и не знал, чем помочь горю своих товарищей по игре.

— Успокойтесь, господин придворный библиотекарь, — со слезами на глазах от смеха сказал господин Томазиус.

— Я не в силах играть в этой комедии, — плача, пробормотала Ганна. — Я слишком волнуюсь... Не могу.

Эльза успокаивала старушку, а Фриц Гедерих пытался утешить разгневанного магистра. Кто знает, чем бы все это кончилось, если бы не произошло нечто совершенно неожиданное: в комнату вошел княжеский скороход. При его появлении Золото, Серебро и старичок Петр поспешно удалились.

Когда магистр снял с себя театральный костюм и вернулся, княжеский посланец успел уже уйти. Фриц, Эльза и ее подружки рассматривали серебряный кубок, а господин Томазиус был погружен в чтение какого-то пергамента.

Кубок был тонкой художественной работы. На его крышке возвышался аист, державший в клюве спеленатого младенца. Это была шутка в духе его светлости. В то время, как молодежь любовалась кубком, старик Томазиус дочитал до конца послание князя и весь просиял.

— Вот, прочтите-ка этот документ, господин придворный библиотекарь, — сказал он, передавая ему пергаментный свиток.

Магистр прочел во всеуслышание:

— Мы, Рохус, Божией милостью князь Аммерштадт-Финкенбургский, и прочая, и прочая, жалуем нашему верноподданному Даниэлю Томазиусу, владельцу аптеки Золотого Льва, звание придворного аптекаря и объявляем, что оное почетное звание закрепляется за всеми будущими владельцами упомянутой аптеки на вечные времена. Дано...» и. т. д.

Всеобщее изумление, поздравления, рукопожатия!

Правда, старик Томазиус ворчал себе что-то в бороду, но по сильному рукопожатию, которым он отвечал на каждое приветствие, и по особенному блеску его глаз можно было заключить, что аптекарь наш далеко не был равнодушен к своему новому назначению.

— Ганна, принесите-ка нам две бутылочки *самого лучшего!* — приказал он. — Нам следует обновить кубок!

Первый тост провозгласил хозяин дома:

— За здоровье моих детей — Эльзы и Фрица!

Затем Фриц поднял бокал в честь своего нового отца.

А придворный библиотекарь предложил выпить за здоровье Кэтхен, которая при этом густо покраснела. Впрочем, порозовел от смущения и сам магистр, а затем вдруг побагровели и все остальные, — и жених с невестой, и старик Томазиус, и дочь городского писца Лора, и старая Ганна, — их лица озарил красный свет фейерверка, зажженного в саду Каспаром.

Все подошли к окну.

В воздухе пылали целые снопы света; старичок Петр, Каспар и несколько его товарищей оглашали воздух громовым «виват», а ворон попеременно выкрикивал: «Эльза, Яков, оборванец!» Под старой бузиной стояли шесть городских музыкантов и играли туш. Все эти звуки далеко отдавались в горах.

Господин Томазиус кивками головы отвечал на приветствия. Жених и невеста махали платками.

Весь сад утопал в красном сиянии. Старая бузина приветливо склоняла свои обнаженные ветви, и даже каменные изваяния на стенах дома строили веселые гримасы: может быть, и им хотелось крикнуть «виват», — но камни говорить не умеют.

Повесть Р. Баумбаха «Алхимики» публикуется по изданию: Балка: Аргонавты [Тарту, тип. Т-ва К. Маттисен], 1933. Иллюстрации взяты из указанного издания; автор их в книге не указан. Орфография и пунктуация приближены к современным нормам.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.